



6[60]

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- ПЕРЕСТРОЙКА ПО ТЭТЧЕР
- МАМАРДАШВИЛИ И ГРУЗИЯ
- ОРЛОВСКИЙ РАССТРЕЛ
- ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

ВЛАСТЬ В ЗАКОНЕ

- ТАБЕЛЬ О НАЦИЯХ
- ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР
- ЧЕРНО-БЕЛАЯ АФРИКА
- РУКОПИСЬ ИЗ АРХИВА

1990

НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка художника Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве — Сергей Лёзов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах — Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brigge 8, 1219 Kobenhavn K, Danmark).

В Израиле — Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 60 ам. долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политическое обозрение	1
Страна сегодня	15
Мераб Константинович Мамардашвили (15.09.30—25.11.90)	26
"На арену вышел большевизм". <i>Беседа с Мерабом Мамардашвили</i>	26
<i>Р.Бахтатов.</i> Нет таких крепостей	31
<i>О.Румянцев.</i> Конституционные записки	44
<i>О.Савельзон.</i> Как мы принимаем решения	51
<i>К.Любарский.</i> Прописанный паспорт	61
<i>Ю.Айхенвальд.</i> Полный консенсус	74
<i>Ф.Ильясов.</i> Национальное сознание и поведение	78
<i>А.Быстрицкий.</i> Кого не любят антисемиты?	90
<i>С.Маллаби.</i> Пламя перемен	98
<i>N.N.</i> Экономика Южной Африки	119
<i>М.Харитонов.</i> Родившийся в тридцать седьмом	125
<i>С.Рассадин.</i> Легенда о великом читателе	132
<i>В.Чаликова.</i> Возродится ли двуликий Янус?	140
<i>Ю.Карабчиевский.</i> Способ существования	146
<i>Г.Андреев.</i> Достоевский в сегодняшнем мире	156
Памяти Льва Друскина	159

Das Land und die Welt e. V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР



МИР БЕЗ ОРУЖИЯ И ИДЕОЛОГИЙ

После 40 лет политического, военного и идеологического противостояния и безудержной гонки вооружений, угрожавших существованию самой жизни на нашей планете, холодная война закончилась. В ходе пышных церемоний руководители всех европейских стран (кроме Албании) вместе с США и Канадой дали в Париже торжественное обещание никогда не применять друг против друга военную силу. 22 государства – члены НАТО и Варшавского Договора – подписали самое важное и значительное соглашение по контролю за обычными вооружениями, которое только знала послевоенная история. Новое соглашение по обычным вооружениям (ОВЕ) не только освободит Центральную Европу от десятков тысяч танков, артиллерийских орудий, боевых самолетов, но произведет такой переворот в контроле за вооружениями, о котором нельзя было мечтать еще пару лет назад. В соответствии с ОВЕ, будет не только физически уничтожено большое количество оружия, но и установлен приблизительный баланс военной мощи между Востоком и Западом – впервые за многие десятилетия подавляющего превосходства стран Варшавского Договора. Соглашение предусматривает столь строгий контроль, что обман будет практически невозможен. «При соблюдении предусмотренных правил контроля нельзя будет спрятать даже вилы», – сказал один из западных послов, принимавший участие в переговорах по ОВЕ. (Те, кто критикует ОВЕ, подчеркивают, что Советский Союз

*Мир без оружия
Тэтчер и тэтчеризм
Президент Валенса
Досье*

вывел тысячи танков из Европы в азиатскую часть страны, это означает, что их не собираются уничтожать. Однако официальные представители США на переговорах считают, что Москва не сможет тайком вновь доставить танки в европейский регион.)

Что касается политических обязательств, принятых на Парижской встрече в верхах, то их значение выходит далеко за рамки Европы. В девятнадцатистраничном документе недавно еще «социалистические» страны Восточной Европы отрекаются от былых принципов, начиная с общественной собственности на средства производства и кончая диктатурой пролетариата. Запад, еще вчера называвший Советский Союз «империей зла», подтверждает единство интересов и ценностей всех стран Северной Америки и «Европы от Атлантики до Урала». Среди прочих документов, подписанных в Париже, один касается организации «Центра свободных выборов», с помощью которого западные демократические страны помогут бывшим социалистическим странам в устройстве честных и открытых выборов. Этот Центр будет расположен, как это ни пикантно, в Варшаве. Конечно, никто не может гарантировать, что эти возвышенные обязательства решат все важные европейские проблемы. До настоящего времени Восточная Европа практически не продвинулась в деле освобождения от плановой экономики и в установлении рыночных отношений. В Румынии и других странах постоянно нарушаются права человека. Этнические и национальные стычки могут привести к войне в Югославии или в Советском Союзе. Даже границы некоторых стран-участниц встречи находятся под вопросом. Официальные представители Литвы, Лат-

вии и Эстонии (недавно провозгласивших свою независимость от СССР) постыдно не были допущены на Парижскую встречу даже в качестве «наблюдателей»...

Хельсинкский процесс. Новые соглашения предусматривают создание структуры, в рамках которой за вооруженными конфликтами между (или внутри) европейскими странами могло бы следить все трансатлантическое сообщество. Группа из 34 стран основала в 1975 г. в Хельсинки движение с труднопроизносимым названием «Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ) или «Хельсинкский процесс». Было время, когда некоторым европейцам казалось, что СБСЕ в один день заменит НАТО и Варшавский Договор в качестве «общего европейского дома». Именно по той же причине в Белом доме всегда смотрели на Хельсинкский процесс скептически. Однако в середине восьмидесятых годов, после 18-летних абсолютно безрезультатных переговоров по сокращению обычных вооружений между обоими пактами, Соединенные Штаты и их союзники согласились обсудить проблемы европейской безопасности под эгидой СБСЕ. Первое успешное соглашение о «мерах по укреплению доверия» (обмен военной информацией, предупреждение о маневрах и учениях) было подписано в 1985 г. в Стокгольме. Этот неожиданный успех, совпавший с кардинальным пересмотром советской внешней политики Михаилом Горбачевым, привел к новому

раунду переговоров по укреплению доверия, а позже – к ОВЕ. Переговоры с самого начала шли успешно. Затем волна революций, прокатившаяся по Восточной Европе в прошлом году, и фактический распад Варшавского Договора резко ускорили ход переговоров. События иногда даже опережали планы договаривающихся сторон. Горбачев объявил об одностороннем сокращении числа танков и военнослужащих в масштабах, которые превосходили те, о которых шла речь в Вене. Соглашение о сокращении личного состава вооруженных сил сверхдержав, достигнутое между Джеймсом Бейкером – государственным секретарем США и Эдуардом Шеварднадзе – министром иностранных дел СССР, устарело к сентябрю. Тем не менее ОВЕ пришлось преодолеть серьезные трудности. Так, договаривающимся сторонам потребовался год, чтобы прийти к соглашению об определении понятия: «наступательный вертолет». Москва в течение многих месяцев настаивала, чтобы сотни советских боевых самолетов были признаны «оборонительным» оружием и не учитывались при расчете военного баланса. Возникли разногласия между Советским Союзом и Чехословакией – формальными союзниками – о том, кому будут принадлежать танки и артиллерийские орудия, разрешенные для стран Варшавского Договора Парижскими соглашениями. Осенью возник спор между западными союзниками из-за того, что Ва-

Вид вооружений	Соответ. уровень НАТО	Соответ. уровень Варшав. Договора	Новый уровень для каждого из пактов
Танки	22000	41000	20000
Бронированные средства передвижения	27000	52000	30000
Артиллерийские орудия	21000	49000	20000
Босвые летательные аппараты	6000	14000 ¹	6800
Наступательные вертолеты	2000	3000 ¹	2000



¹ Данные на 1988 г.

шингтон отказывался участвовать в Парижской встрече до тех пор, пока не будет выработан готовый договор по ОВЕ. Франция и некоторые другие страны НАТО утверждали, что историческая встреча должна состояться, даже если договор будет не вполне закончен к сроку. В начале октября Бейкер и Шеварднадзе встретились в Нью-Йорке и согласовали позиции по основным вопросам. Договор на 200 страниц (в переводе на все 6 языков СБСЕ он занимает 1200 страниц) был наконец-то парафирован 26 ноября, всего за 72 часа до его подписания в Париже. В то же время еще одна группа экспертов работала над окончательным текстом новой европейской «Хартии» и пакетом мероприятий, направленных на придание СБСЕ твердой правовой основы на будущее. Многие европейцы и не мечтали о том, что заключает в себе полный пакет соглашений: всеобъемлющий договор о взаимной безопасности между 34 странами НАТО сохраняется, Европейское Сообщество остается главной экономической организацией в регионе. Наряду с этим небогатые кадрами органы СБСЕ должны подготовить проект договора о новом порядке взаимоотношений между Европой и Америкой.

Договор должен включать следующие пункты:

- Регулярные встречи глав правительств 34 государств, ежегодные встречи министров иностранных дел (начиная со встречи будущей весной в Берлине) и встречи высоких официальных лиц, отвечающих за внешнюю политику, раз в полгода в Праге.

- Общие итоговые встречи СБСЕ каждые 2 года длительностью не более трех месяцев, первая из которых состоится в Хельсинки в марте 1992 г.

- Создание постоянного секретариата (примерно 5–6 человек в Праге).

- Центр по предотвращению конфликтов в Вене. С помощью Центра будут осуществляться мероприятия по укреплению доверия и обмен военной информацией. Участие в работе Центра, как заметил один из представителей ОВЕ, будет чем-то вроде «принадлежности к военному союзу нейтральных и неприсоединившихся стран». С помощью Центра любая страна, которая почувствует, что сосед ей угрожает, может созвать все 34 страны для рассмотрения кризисной ситуации.

- Среди других вопросов: сотрудничество между парламентами 34 стран, призыв созвать совещание по взрывоопасной проблеме национальных меньшинств в будущем году в Женеве и организация Центра свободных выборов в Варшаве.

СБСЕ – уникальный и в чем-то неповторимый организм: сочетание Лиги Наций XXI века и специального комитета по переходу Европы от холодной войны к рискованному новому миру. Все «странности» этой организации уже проявились в Париже. На первых двух заседаниях председательствовали президент Франсуа Миттеран и канцлер Гельмут Коль, тогда как третье заседание прошло под руководством Габриеле Гатти – абсолютно неизвестного премьер-министра крошечного государства Сан-Марино. Облеченный в сутану епископ из Ватикана поднялся на ту же трибуну, что Буш и Горбачев. На встречах СБСЕ не будет никакого голосования, поскольку решения ОБСЕ всегда достигаются «консенсусом». Это означает, что такое мини-государство, как Мальта, может испортить все дело, в последний момент не дав согласия на что-либо.

Но Мальта не сделает этого, как не сделает ни одна из других 34 стран. Вопросы, поставленные на карту в Париже, настолько серьезны, что тут не до игры.

Европа – главная, но не единственная тема в повестке дня Парижской встречи. Джордж Буш использовал удобный случай, чтобы укрепить широкую международную коалицию против Саддама Хусейна. Одно из закрытых заседаний было посвящено кризису в Персидском заливе. Маргарет Тэтчер и Горбачев одним взглядом поглядывали на Лондон и Москву, поскольку им обоим угрожала потеря своих постов. Даже у хозяев встречи – французского правительства – есть тревоги помимо встречи в верхах. Во вторник утром премьер-министру Мишелю Рокару предстояло узнать результаты голосования, которое он мог и проиграть.

Несмотря на все неотложные дела Парижская встреча знаменует собой поворотный пункт в современной истории. 71 год назад на похожей конференции в Версале был принят договор, который должен был сохранить мир на земле. К сожалению, тот договор не оправдал надежд, почему Версаль и не был выбран местом проведения данной встречи. («Такая символика была бы не совсем к месту», – заявил с кислой миной один французский дипломат.) Однако вопрос сегодня стоит так же, как в 1919 г.: необходимо обуздать национальные амбиции европейских стран во имя мира на континенте. Происходящее на глазах крушение коммунизма делает атмосферу Парижа 1990 года более теплой, чем это было в Версале в 1919 г. А неудача теперь, в эпоху ужасающих новых вооружений, была бы большей катастрофой, чем в то сложное время. ●

Скотт Салливан

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

За период своего правления Маргарет Тэтчер изменила лицо Великобритании с помощью того же приема, который в конце концов привел к ее падению: непреклонной решимости поступать по-своему. Часто она бывала права. Она занимала пост премьер-министра дольше всех в этом столетии. Не считая Черчилля времен Второй мировой войны, она была самым удачливым и самым обожаемым премьером; она была непревзойденным оратором и наиболее критикуемым лидером. Многие из того, что она делала, казалось парадоксальным. Она вернула жадности доброе имя как источнику богатства. Она считала общественный интерес результатом столкновения личных интересов. Она разгромила профсоюзы и вернула их на круги своя, то есть заставила заниматься проблемами своих членов. Она восстановила для работодателей право управлять, но и загнала их в самый глубокий кризис за последние 50 лет. Унаследовав низкий уровень прироста производства и высокую инфляцию, она обратила вспять обе тенденции, потом, позволила им вернуться. Она урезала экономическую мощь государства, однако усилила политическую хватку центрального правительства. Ненавидя налоги, она уменьшила наполнину максимальный подоходный налог, удвоила налог с оборота и избрала подушный налог, самый ужасный из всех. Она дала Великобритании самое большое число домовладельцев и – бездомных. Ярая националистка, она расколола нацию. Без восторга относясь к Европе, она сделала жизнь в Европейском сообществе приемлемой для Великобритании за счет кардинального изменения его ненормальной сельскохозяйственной политики и уменьшения размеров взноса Великобритании. Видоизменяя партию консерваторов в процессе трех последовательных побед, она заставила измениться лейбористов, и они стали избираемыми. По иронии судьбы, человек, который вытеснил ее, – миллионер, «сделавший себя», архетип людей, которые расцвели именно при ней. И этот человек горвит, по крайней мере, частично от лица тех, кто отнюдь не процветал.

Культура предпринимательства

Однажды Маргарет Тэтчер спросили, как она видит свою роль в подкомитете, ответственном за ранний период приватизации, которую осуществляло ее правительство. Она лично возглавляла этот под-

комитет, что было редкостью для премьер-министра. Возможно, она хотела, чтобы другие воспринимали ее как капитана команды? Вовсе нет: «Я была кучером, погонявшим лошадей». Она прислушивалась к своим советникам из Казначейства и политическим единомышленникам, чтобы убедиться, что лошади чувствуют удары хлыста. Этот образ отражает не только важность приватизации как основного содержания «тэтчеризма», но также ее собственную твердую приверженность этому курсу, как и многим другим моментам, направленным на окончательное уничтожение социализма. Приватизация стала ее главным делом. Тэтчер пришла к власти после 1979 г., когда начался процесс отхода от национализации, проведенной лейбористами в 1945–51 гг. Уже тогда Тэтчер видела Великобританию как независимую страну с демократией, основанной на собственности и народном капитализме. Она пришла к власти, имея смутное представление о том, во что все это выльется. Однако первые успехи придали ей уверенности. Успешная сделка (3,9 млрд. фунтов стерлингов) по продаже половины «British Telecom» в 1984 г. убедил ее, что приватизация может служить верным способом привлечения вкладчиков и выхода на мировую арену для национализированных предприятий, завязших в бюрократических тенетах. К настоящему времени 50 больших компаний, что составляет более 2/3 промышленного имущества, которым владело государство в 1979 г., проданы или готовятся к продаже. Многие акты приватизации были встречены Уайтхоллом в штыки. Тэтчер шла напролом. Когда сделка по продаже «British Airways» грозило лопнуть из-за сложностей в американском законодательстве, она заставила своих советников обратиться прямо к президенту Рейгану с тем, чтобы он распустил большое судейское жюри, тормозившее покупку. Рейган пошел навстречу пожеланиям Тэтчер. В этой сделке г-жа Тэтчер взяла верх над людьми, предлагавшими распустить штат авиакомпаний, а затем набрать новых сотрудников по конкурсу. Другие акты приватизации, в частности, в газовой промышленности, а теперь – в электрической, также не прошли гладко. В некоторых случаях резкий переход в частные руки порождал проблемы на будущее. В других, как в случае с «British Steel», перед продажей было проведено столько усовершенствований, что возник вопрос о ее необходимости. Г-жа Тэтчер была чужда всяких сомнений, поскольку она исходила из убеждения, что умение «вести дом» – основа здоровой и процветающей эконо-

мики – наилучшим образом обеспечивает за счет личного коммерческого интереса.

Другой аспект этого, глубоко антисоциалистического убеждения в конечном счете даже более важный, заключался в следующем: никаких перин, никаких подушек для тех, кто упал. Государство могло протянуть руку помощи поначалу (обновляя центр города или поддерживая мелких предпринимателей), однако затем должен начать работать свободный рынок. Государство, в лучшем случае, могло помочь тем, кто помогал себе сам, а не тем, кто терпел неудачу и не пытался что-либо предпринять. «Делание денег», напротив, должно быть вознаграждено, а не наказуемо. Г-жа Тэтчер едва успела занять свой пост, как наивысший уровень (83%) подоходного налога (плюс 15% дохода от вложений) был снижен до 60%, а позже до 40%. Был снижен и налог с доходов от прироста капитала, а также налоги с небольших предприятий.

Статистические данные, связанные с образованием новых компаний, частных акционерных обществ, с ростом производительности труда и тысячами других успехов, не обязательно приписывать ее успехам. Тем не менее бытовавшее представление о том, что смешанную экономику Великобритании можно бесконечно сдвигать влево, было разрушено, как она того и хотела.

Профсоюзы: хруст, треск, выстрел

Профсоюзы олицетворяли собой ту Великобританию, которую г-жа Тэтчер собиралась разрушать. Они существовали для защиты коллективных прав трудящихся и противостояния свободной игре рыночных сил. Они выступали против перемен, поскольку перемены всегда угрожали подорвать их влияние. Профсоюзы были подарком для Тэтчер: они представили ей образ непопулярного врага, обеспечили великую борьбу и драматическую победу. Послевоенные премьер-министры, как консерваторы, так и лейбористы, боялись профсоюзных лидеров, редко притязали на их права, да и когда вступали в бой, вели себя, как на минометном поле. Г-жа Тэтчер относилась к профсоюзам с презрением. Ее предшественники приглашали профсоюзных лидеров на Даунинг стрит, 10 на «пиво с сэндвичами». Она едва ли вообще встречалась с ними. Вместо этого она сама съедала их на завтрак.

Все началось с антипрофсоюзных законов. Они положили конец законодательной основе забастовок. Работодателям не надо было больше считаться с профсою-

зами только потому, что этого хотели рабочие. Финансовую помощь различным политическим партиям профсоюзы могли теперь осуществлять только через специальные фонды, причем, только при одобрении (тайным голосованием) членом профсоюза. Были запрещены политические забастовки. Рабочие могли бастовать только против своего работодателя, а пикетировать – самое большее против своих прямых поставщиков или потребителей. Было запрещено массовое пикетирование. Забастовки должны были утверждаться, а профсоюзные лидеры – избираться тайным голосованием. Если профсоюзы нарушали закон, их фонды могли быть конфискованы.

Г-же Тэтчер очень помог кризис начала восьмидесятых. Множество рабочих мест закрылись тогда именно на производстве – наиболее охваченной профсоюзами области частного сектора. Поскольку власть профсоюзов была ограничена законом, безработица свела на нет членство в них. Решающая схватка произошла с шахтерами в 1984–85 гг. Г-жа Тэтчер была готова к ней. Она убедила Комитет по угольной промышленности форсировать производство, а электроэнергетику – создать запасы энергии. Когда час битвы наступил, она представила ее в апокалиптическом свете. «Нация, – заявила она, – столкнулась, пожалуй, с наиболее серьезным испытанием нашего времени – сражением между экстремистами и населением... Мы боремся за справедливое и благородное дело». Любительница настоящих битв, она была на коне во время забастовки. Нация восхищалась ее силой, однако жестокость и ненависть, проявленные в этой борьбе, не навели неприятный осадок. После прекращения забастовки шахтеров, деморализация профсоюзов и сокращение числа их членов взаимно усиливали друг друга. Обслуживающие отрасли, в которых влияние профсоюзов было слабым, возглавили возрождение экономики, а новые законы способствовали снижению значимости профсоюзов для работодателей. Рынок труда почувствовал вкус свободы. Частичную, временную и плохо оплачиваемую работу, которую часто выполняли женщины, заменила хорошо оплачиваемая и надежная работа. Работодатели бросили открытый вызов профсоюзным ограничениям в газетной индустрии и победили. Забастовки стали редкими и, чаще всего, – безуспешными.

Но здесь возник парадокс. Триумф г-жи Тэтчер лишил ее врага. Победа неожиданно принесла пользу другим. Члены профсоюзов вновь получили возможность контролировать своих лидеров. И лидеры

оказались в выигрыше: голосование было хоть и ограниченное, но результаты его нельзя стало оспаривать как антидемократические. Партия лейбористов тихо радовалась, глядя, как ее худший друг слабел.

Государство благосостояния

Для злостных ненавистников и их подпевал г-жа Тэтчер была двигателем государства для богатых. По их мнению, с начала и до конца она баловала заживевшее правительство и государство. Она ненавидела бедных и сочувствующих им. Для нее безработные были бездельниками; больные, если они не могли платить, должны были ждать. Пусть социальные службы гибнут, пусть множатся фанерные города – главное, чтобы снижались расходы на общественные нужды. Однако все было не так. Цифры свидетельствуют о том, что при ее правлении расходы на общественные нужды повысились на 1,5%. Наиболее ненасытные институты государства общественного благосостояния: образование, национальная служба здравоохранения (НСЗ) и социальное страхование – теперь потребляют больше (в реальном исчислении здравоохранение и социальное страхование – на 1,3%), чем в 1979 г. Кроме того, прямые затраты не могут служить истинным критерием. «Реальное исчисление» означает продукцию, которую на них можно купить. Г-жа Тэтчер была полна решимости получить наибольшую отдачу с каждого пенса. Один из ее методов заключался в подчинении прогнившей «бюрократии благосостояния» более деловым управляющим. Повсеместно проходили проверки эффективности и соответствия производимых ценностей затраченным средствам. Она настояла на том, чтобы даже самые видные представители общественного сектора – профессора, врачи-консультанты и т.п. – отчитывались в использовании общественных фондов. Так, принятым в 1990 г. Постановлением о здравоохранении были серьезно «прижаты» консультанты НСЗ и значительно расширен контроль в области здравоохранения. Несмотря на кампанию протеста, поднятую медицинскими учреждениями в прессе, правительство навязало новые контракты врачам общей практики с тем, чтобы лучше окупались мероприятия профилактической медицины и связанных с ней областей.

Общественный сектор был также вовлечен в рынок с помощью принципа соревнования. Вначале НСЗ, а затем и местные органы самоуправления были вынуждены провести конкурсы среди сотрудников и отдельных учреждений. Это по-

могло сберечь до 25% средств при условии сохранения контрактов с прежними учреждениями – страх лишиться рабочих мест заметно оживил деятельность сотрудников. Более существенные изменения требовались для реорганизации служб здравоохранения и образования в качестве внутренних рынков. Будучи частью общественного сектора, получая финансирование за счет налогов и оставаясь в значительной степени бесплатными для потребителей, эти службы были подчинены принципу соревнования. Все школы, некоторые больницы и практически все медицинские учреждения должны перейти на самокупаемость. Другой способ заключался в поддержке и стимулировании тех, кто стремился освободиться от опеки государства всеобщего благосостояния. Закон 1980 г., предложенный Майклом Хезелтайном, по которому городские жители получали право выкупать свои жилища, превратил миллионы семей из потребителей государственных средств в должников по закладной. Закон о здравоохранении 1990 г. предлагает людям старше 60 снижение налогов в случае частного медицинского страхования, чтобы уменьшить нагрузку на НСЗ. Стимулирование при этом принимает вид «целевого направления» прибылей тем, кто действительно нуждается. Так, большинство людей, но не все, должны частично оплачивать по линии НСЗ стоимость медикаментов, очков и т.п. Выплаты на детей предусмотрены для всей матерей, однако некоторым, особо нуждающимся, родителям выдаются добавочные пособия. Реформы социального страхования, осуществленные в 1986–89 гг., ужесточили порядок в отношении привилегий: вначале пособия зависели от доходов, а затем их стали предназначать только тем, кто активно ищет работу. Хитрые богачи, эксплуатировавшие систему, как и недостойные бедняки, были одинаково лишены благотворительности государства.

Г-жа Тэтчер в самом деле потворствовала благотворительности меньше всех из послевоенных премьер-министров. Однако и через 11,5 лет ее правления Великобритания остается государством, где доля общественного благосостояния выше, чем в любой другой стране свободного мира.

Неудача в Брюсселе

Госпожа Тэтчер была премьер-министром ровно столько, чтобы убедить всех в своем беспорном успехе на международной арене. Подписанный в Париже 19 ноября 1990 г. Договор о сокращении обычных вооружений в Европе возвестил

об окончании холодной войны. Маргарет Тэтчер – «железная леди» – сыграла в этом важную роль. То, что она поддержала развертывание ракет морского базирования и Першингов-2 в начале 80-х годов, а также усилила президента Рейгана по «достижению превосходства» в затратах на оборону над русскими, убедили Кремль в необходимости прекратить конфронтацию. Когда появился г-н Горбачев, г-жа Тэтчер быстро подружилась с ним и стала первым британским премьер-министром, который имел реальный вес в отношениях с обоими сверхдержавами. Ее близость с г-ном Рейганом принесла плоды, когда Аргентина захватила Фолкленды в 1982 г. В то время, как Госдепартамент пытался соблюдать нейтралитет, Белый дом и Пентагон оказывали Великобритании всяческую поддержку. Победа утвердила мнение о г-же Тэтчер как о решительном лидере, союзнике, на которого американцы могут положиться. Они и в действительности прибегли к услугам Тэтчер – она позволила им бомбить Триполи с баз, расположенных в Великобритании. Это вызвало возмущение британских левых и либералов и даже некоторое смущение в рядах ее собственной партии. Г-жа Тэтчер даже бровью не повела. В 1990 г., когда Ирак захватил Кувейт, американцы обратились к ней за поддержкой и почти с просьбой о руководстве и получили ее. Госпожи Тэтчер восхищаются в Америке, ее приветствуют в экскоммунистической Восточной Европе, однако в Европейском сообществе о «железной леди» другого мнения. Ее первая битва за сокращение взноса Великобритании в бюджет ЕЭС была выиграна. Во всем остальном она недооценила большинство европейских инициатив. Она возражала против расширения сферы голосования большинством в Совете министров ЕЭС и этот принцип пришлось «загонять» в Договор о едином Европейском рынке в 1985–86 гг., который заложил основу «Проекта 1992». Она неправильно поняла настроения в Западной Германии в 1988 г., потребовав модернизации ядерного оружия ближнего радиуса действия, а также вернулась к этой идее в нынешнем году, когда ей показалось, что она сможет блокировать процесс объединения двух Германий. И без того ограниченное влияние Великобритании на Бонн значительно уменьшилось. В бывших британских колониях г-жу Тэтчер уважали, но не любили. Она едва могла скрыть свое презрение к Содружеству и его санкциям против Южной Африки. Однако в одной из столиц она заслужила скупое одобрение. Несмотря на всю свою враждебность к ИРА, она подписала в 1985 г. Англо-Ирландскую де-

кларацию, в которой англичане впервые признали право голоса Ирландской республики в вопросах, касающихся Северной Ирландии; это был самый непохожий на Тэтчер поступок.

Испытание продолжается

Удался ли экономический эксперимент г-жи Тэтчер? В Великобритании самый высокий уровень инфляции среди главных капиталистических стран. Кроме того, в стране намечились признаки глубокого спада. Это большие недостатки, однако они не отвечают на вопрос. Чтобы ответить на него, надо отвлечься от циклических взлетов и падений в промышленности и спросить, удалось ли экономической политике г-жи Тэтчер усилить стабильный рост производительности труда? Ведь только это и может обеспечить подъем жизненного уровня британцев. Тэтчер стремилась поднять производительность труда с помощью широкой программы микроэкономических мер (усиление роли предложения над спросом), а также прибегая к макроэкономическим мерам, которые должны были помочь преодолеть инфляцию. Программа повышения роли предложения была явно грандиозной и в общем удачной. Приватизация продвинулась дальше, чем кто-либо мог мечтать в 1979 г. В течение нескольких недель после вступления в должность г-жа Тэтчер отменила валютный контроль. Затем она сократила объем вмешательства государства в банковские операции, в деятельности строительных фирм и Сити. Она разгромила профсоюзы, отказалась поддерживать разваливающиеся компании, урезала региональные и промышленные субсидии (хотя двукратное сокращение рынка жилья и уменьшение процента по закладной были покрыты, в лучшем случае, налогом). Она радикально реформировала налогообложение. Она сократила затраты на общественные нужды: с 44% в 1979–80 гг. они упали до 39,5% в 1990 г.

Макроэкономическая часть программы доставляла больше хлопот. Для борьбы с инфляцией г-жа Тэтчер отказалась от политики цен и доходов семидесятых годов, предложила вместо нее динамичную «среднесрочную финансовую стратегию»: серию многолетних плановых показателей роста денежной массы наряду с намеченным сокращением общественных займов. Однако контролировать денежную массу оказалось сложнее, чем предсказывал Милтон Фридман; было неясно даже, что стало означать понятие «деньги». Здесь стратегия приходилось пересматривать почти ежегодно, причем она никак не могла

завоевать доверия, на которое рассчитывали ее создатели. Министры вдруг заявляли, что повышение заработной платы не играет никакой роли: «железный корсет» денежной массы справится с ним». Сегодня они выступают (весьма робко) за ограничение заработной платы, поскольку корсет оказался сделанным из жести.

Снижение инфляции с 18% в 1980 г. до 3% в 1986 г. оказалось чрезвычайно дорогостоящим делом, учитывая невыпущенную продукцию и потерянные рабочие места. После 1987 г. неспособность правительства управлять денежной массой – задача, которую осложнило невмешательство государства в финансовые дела, – привела к новому скачку цен и, следовательно, к более высоким процентным ставкам. Сейчас, в условиях спада, необходимо, как и прежде, сдерживать эти процессы. В настоящее время финансовая стратегия основывается на том, что недавно фунт стерлингов начал участвовать в формировании Европейского валютного курса (ЕВК). Оба прежних министра финансов в правительстве г-жи Тэтчер говорили, что включение фунта стерлингов в ЕВК еще в 1985 г. предотвратило бы теперешние экономические трудности. Как бы там ни было, инфляция – «высший судья» правительства должна была доказать одну из ее самых больших неудач. Насколько можно винить г-жу Тэтчер? Она не доверяла экономическую политику министрам финансов. Именно она задержала включение фунта стерлингов в ЕВК. Ее упорное желание прислушиваться только к собственному экономическому советнику заставило министра финансов г-на Лоусона подать в отставку год тому назад. Однако теперешний уровень инфляции в значительной степени обусловлен нерешительностью самого г-на Лоусона, проявленной им в 1988 г., когда марка ФРГ котировалась по слишком низкому курсу.

Многие из микроэкономических реформ г-жи Тэтчер, вероятно, выживут. Но только время покажет, приведут ли они к заметному и долгосрочному повышению производительности труда. После первоначального спада производство продукции на каждого работающего резко возросло в середине 80-х годов. Однако в последнее время оно вновь упало. При определении производительности в наивысших точках промышленного цикла в 1980 г. было заметно существенное улучшение по сравнению с тревожными семидесятыми годами и только небольшое – по отношению к шестидесятиям. Сравнения в международном масштабе более благоприятны: под руководством г-жи Тэтчер Великобритания резко поднялась вверх по показателю

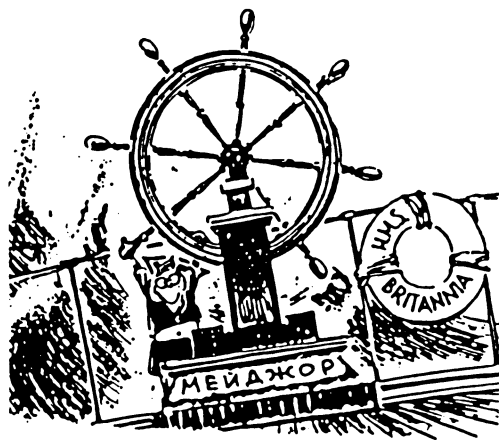
роста производительности труда. Если в 1991 г. Великобритания оправится от небольшого спада и придет к низкому уровню инфляции и стабильному росту (примерно на 2,5% в год), чудо тэтчеризма будет трудно отрицать. Если же после более глубокого и длительного спада окажется невозможным регулировать рост производства и инфляцию, придется сделать вывод, что ее политика усиления роли предложения над спросом оказалась недостаточно сильным лекарством, чтобы вылечить болезни британской экономики.

Лицо британской политики

Ни у кого нет сомнений, что г-жа Тэтчер – радикал. В то же время насколько глубоко изменила она Великобританию и британское общество? Несомненно, она вновь сделала желание разбогатеть уважаемой в обществе целью. Безусловно, она победила социализм. Но не политику благотворительности: даже сейчас британцы не уверены (или только говорят так), что более низкие налоги стоят сокращения затрат на общественные нужды. Наиболее сильное обвинение, выдвинутое против нее, было – «незаботливая». Она в самом деле бросила вызов истэблишменту, однако в русле стремительно меняющихся социальных условий. В данном случае ее влияние было преувеличено: подъем меритократии начался не в 1979 г., а в период реформ в образовании в сороковых и пятидесятых годах. Ее победу над г-ном Эдвардом Хитом в их борьбе за лидерство в 1975 г. окрестили в партии «крестьянским бунтом», однако «крестьяне» уже были победителями, поскольку г-н Хит был ничуть не более традиционным тори из верхнего класса, чем она. Если стиль партии консерваторов и изменился, то не потому, что руководство стало больше прислушиваться к рядовым членам. При г-же Тэтчер партия сопротивлялась любым реформам, которые могли бы связать членов парламента соображениями и взглядами партийных активистов. Ежегодные съезды партии по-прежнему оставались скорее традиционными митингами, чем упражнениями в стихийной демократии, а с середины 80-х годов во время подобных встреч просто восхвалялся лидер партии. При формировании политики консерваторов, бюрократов из центрального аппарата партии обычно держали в тени, а недовольных министров оттесняли на «задние скамейки» в пользу более гибких коллег и небольшой группы советников Тэтчер, которые работали непосредственно с премьер-министром на Даунинг стрит, 10. Исполнительный орган правительства,

Уэйтхолл, изменился, но не распался на различные группировки. Он был не настолько политизирован, как о том говорили члены парламента от оппозиции. Скорее, г-жа Тэтчер поддерживала нарождающийся слой технократов, предпочитая тех, кто «мог делать», тем, кто умел говорить, а тем более тем, которые находили причину, чтобы ничего не делать. Она произвела структурные изменения, которые могли бы стать значительными: к концу 1991 г. (согласно ее планам) почти половину государственных служащих должны были перевести в другие учреждения, чтобы они трудились на расстоянии вытянутой руки от традиционных государственных служб. Местные органы управления, напротив, были разрушены. По традиции, консерваторы защищали их как противовес центру; в больших городах и маленьких графствах местные жители могли лучше судить о положении дел. Отношение г-жи Тэтчер к местному самоуправлению было почти диаметрально противоположным. Она связала местные городские советы и графства, и без того подчиненные строгому контролю из центра, еще более прочной сетью ограничений. Эксцессы со стороны немногих «ненормально левых» советов позволили г-же Тэтчер предпринять партийно-политический штурм, который начался с роспуска Совета большого Лондона. Финансовый контроль, продажа муниципальных домов, сокращение объема услуг, «голосование против» местных школ – все это подрывает авторитет местных властей. Однако как долго это может продолжаться? Будущее правительство лейбористов – или консерваторов легко могло бы отменить некоторые из этих мер.

Несомненно, радикализм г-жи Тэтчер оказал благотворное влияние на партию лейбористов. Тэтчер надеялась покончить с этой партией, и к 1983 г. крах лейбористской партии казался неизбежным. Вместо этого страх побудил лейбористов воспринять идеи своего нового лидера – г-на Нейла Киннока. Правда, унижение, пережитое лейбористами в 1983 г., было в значительной мере обусловлено ренегатством правого крыла, собравшегося образовать социал-демократическую партию, хотя в каком-то смысле это тоже было делом рук Тэтчер. Теперь, спустя годы пассивных наблюдений за тем, как она пыталась пустить вспять социалистический «храповик», партия лейбористов трансформировалась. Она избавилась от односторонности, враждебности к Европейскому сообществу и от страсти к национализации. Лейбористское движение как социалистическое – мертво; как политическая маши-



на оно живо и здорово и полно оправданного оптимизма. Не исключено, что г-жа Тэтчер, идеалом которой всегда было личное обогащение, доживет до тех дней, когда ее страной будет управлять соперничающая партия, которая по-прежнему больше беспокоится об общественном благосостоянии, нежели о богатстве своих граждан.

Общество нельзя переделать за десяток лет. ●

КУДА ИДЕМ, ПРЕЗИДЕНТ?

Сенсации не произошло. Первым послевоенным президентом Польши, избранным демократическим путем, стал лидер «Солидарности» Лех Валенса. К сожалению, перипетии предвыборной борьбы – неожиданный успех «серой лошадки», канадского бизнесмена Станислава Тыминьского, набравшего в первом туре 23% голосов, решение Тадеуша Мазовецкого «бросить все» и уйти в отставку с поста премьера после поражения в том же первом туре – в определенной мере затушевали историческое значение этого события. А его, между тем, трудно переоценить. Дело, конечно, не только в том, что с политической арены ушел генерал Ярузельский – последний ставленник Москвы, и польские коммунисты, правившие страной в течение 45 лет, оказались окончательно выброшенными на задворки политической жизни. Главное – с избранием Валенсы закончился переходный период и страна вступила в новую эпоху, когда судьба Польши оказалась исключительно в руках самих поляков.

Такого не было никогда, даже в период между двумя мировыми войнами. Конечно, в то время Польша была независима, но судьба ее в большей мере определялась в Берлине, Москве, Париже и Лондоне, нежели в Варшаве. Сегодня внешнеполитическая обстановка совершенно иная. Со стороны Запада никто более не посягает на польские земли. Напротив, Западная Германия, США и другие страны Запада оказывают Польшу огромную, трудно выразимую в цифрах, помощь. Не приходится опасаться неприятностей и с Востока. Советский Союз так глубоко увяз в собственных проблемах, что попытки вмешательства в польские дела со стороны Москвы маловероятны. В общем, перемены в Европе столь глубоки, что Польше не приходится больше опасаться за свою независимость и тратить огромные средства на содержание вооруженных сил. Более того, все в Польше знают, что в критической ситуации Запад не оставит их страну, не допустит, чтобы кто-то здесь умирал с голода. Эти два обстоятельства качественно меняют положение дел, развязывают руки тем, кто стремится радикально перестроить экономику, превратить Польшу в демократическое высоко развитое государство. В запасе у этих людей, у всех поляков есть время для смелых экспериментов, которые можно проводить, не опасаясь худшего.

И все же, несмотря на столь благоприятные внешние условия, которыми сопровождается второе рождение независимой Польши, господствующие настроения здесь далеки от ликования. Скорее наоборот – в стране царят уныние, усталость, растерянность. Причин тому много, но главная – бедственное и, как представляется многим полякам, безвыходное положение в экономике.

Понятно, что теперешнее бедственное положение энтузиазма у населения не вызывает. Другой вопрос – почему поляки столь пессимистичны, когда речь идет о поисках выхода из создавшегося положения, причем многие считают, что выхода вообще нет. Ведь, казалось бы, два поколения вели борьбу за то, чтобы настало время, когда можно будет засучить рукава и начать строительство новой Польши. Сегодня же, когда этот день наконец наступил, у многих опускаются руки. Понять поляков нетрудно.

Что видят и слышат они сегодня? А то, что у оппозиции, десятилетиями обвинявшей коммунистический режим в развале экономики и во всех бедах страны, нет и намека на собственную широкую, комплексную программу перестройки государственных институтов и экономики. Нет у

нее и намерений оздоровить общественную мораль, изменить отношение к прошлому, к соседним народам и национальным меньшинствам, пересмотреть и перестроить международные отношения. Нет ни идей, ни планов, ни конкретных шагов. Зато есть другое – безудержная борьба за власть, переходящая в открытую склоку между вчерашними единомышленниками и соратниками. Очень многие в Польше вообще не видят различий в позициях Валенсы и Мазовецкого. Но и те, кто о них догадывается, недоумевают, почему два этих человека в столь ответственный момент тратят все силы на борьбу друг с другом, ведут дело к расколу общества? Почему они способны подрыву веры поляков в принципы демократии, в намерения оппозиции и, в конечном счете, в собственные силы? Ведь в демократических странах даже принципиальные политические противники порой объединяются, когда речь идет о решении острых национальных проблем!

Хуже того, в ходе предвыборной борьбы наружу выплеснулись старые отвратительные болезни польского общества – антисемитизм и ксенофобия. Лозунг «Польша для поляков», казалось бы, лишенный всякого смысла в стране, где 98% населения составляют именно поляки, неожиданно превратился в грозное оружие в руках сторонников Валенсы. Люди из окружения лидера «Солидарности», активисты его предвыборного штаба не слишком четко и ясно разъясняли населению политическую платформу своего шефа, ее принципиальные отличия от программы Мазовецкого, но на всех углах кричали, что Валенса, дескать, «настоящий поляк», а вот Мазовецкий – то ли сам еврей, то ли происходит от евреев. Сам же Валенса не сделал ни одной попытки одернуть своих сторонников, ни разу не попытался использовать свой авторитет, чтобы положить конец антисемитским выступлениям в Польше. Что же касается раздувания ксенофобии, то к этому Валенса приложил-таки руку. Не раз в ходе избирательной кампании заявлял он, что, дескать, мы, поляки, сами справимся со своими трудностями, а «все они» пусть катятся... И это говорил человек, который в последние годы только и делал, что добивался в мире помощи и поддержки для своей страны, человек, который лучше других знает, что только благодаря этой помощи Польша еще как-то сводит концы с концами!

На фоне отсутствия сколько-нибудь четкой программы действий, раскола оппозиции, грызни ее лидеров, на фоне новой «официальной» лжи, лицемерия, юдо-

фобства и ксенофобии экономические реформы представляются рядовому поляку экспериментированием дилетантов, которые сами не ведают, что творят. Даже слепому видно, что новоиспеченные реформаторы просто-напросто хватаются за любую идею и пытаются добиться сиюминутного успеха исключительно ради того, чтобы удержаться у власти. При этом у них еще хватает наглости призывать рядового гражданина к терпению и жертвенности!

Все это напоминает совсем недавнее прошлое, когда с экономикой и населением экспериментировали коммунистические правители. Разница, пожалуй, только в том, что «модели» и советников теперь импортируют не с Востока, а с Запада. И так, для многих в Польше становится очевидно, что многолетняя борьба с коммунистическим режимом ведет не к выходу из перманентного кризиса, а, скорее всего, загонит страну в очередной тупик.

Как же это могло произойти?

Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Представляется, однако, что главная ошибка движения за обновление страны в том, что источник всех зол, всех бед виделся полякам в одном – в коммунистическом правлении и в зависимости от Москвы. В действительности же корни польских бед глубже, а источников несчастий значительно больше. Это и безликие исторические процессы, и капризы мировой экономики, и отсутствие в стране многих важных источников сырья и многое, многое другое. Но, быть может, прежде всего полякам следует искать причины теперешних бед в собственной истории.

В отличие от чехов и венгров, поляки не могут утверждать, что в годы независимости польское государство принадлежало к числу развитых, процветающих стран Европы. Экономическое положение аграрной, крестьянской, главным образом, Польши всегда было либо плохим, либо очень плохим. Страна, в сущности, не знала периодов экономического расцвета или устойчивого роста экономики. Соответственно, низким был и жизненный уровень основной массы населения. При этом крестьянская нищета была прежде всего следствием социального неравенства в деревне и сохранившихся там чуть ли не средневековых порядков. Да и ужасающая бедность горожан была следствием того же, да еще и политического неравенства, формально отменного конституцией 17 марта 1921 года, но фактически доминировавшего в польском обществе. Для выходцев из социальных низов доступ к образованию, возможности продвигаться по службе или преуспеть в серьезном бизнесе были крайне ограничены. В еще худшем

положении находились национальные меньшинства (евреи, немцы, украинцы, белорусы), составлявшие до 1939 г. 30% населения страны. Эти факторы, решительно тормозившие здоровое развитие общества, дополнялись безудержной внутриполитической борьбой и внешнеполитическими авантюрами правящей верхушки (например, захват Вильнюсского края), ее неспособностью и нежеланием подчинить групповые интересы и личные амбиции интересам нации. Пагубное влияние на польскую экономику оказал и мировой экономический кризис, разразившийся в середине тридцатых годов, и необходимость тратить большие средства на содержание армии в условиях приближающейся войны.

Но чем труднее становилось жить поляку, чем яростнее пытался добиться он справедливости, тем сильнее правящая элита маршировала «закручивала гайки», тем разнужданнее становилась шовинистическая пропаганда. Независимая Польша, появившаяся на политической карте Европы после Первой мировой войны как светское демократическое государство, к середине тридцатых годов скатилась к военно-политической диктатуре, а разгул шовинизма и антисемитизма достиг здесь чудовищных размеров. В сущности, довоенное польское общество так и не сумело вырваться из заколдованного круга социальных противоречий и политической гизны и шло верной дорогой к мощному социальному взрыву.

Взрыва этого не произошло – первого сентября 1939 года гитлеровские войска вторглись в страну, а через две недели польское государство прекратило свое существование.

Неисчислимы бедствия, принесенные войной польскому народу. Страна превратилась в огромную грудку развалин. Это было несчастьем, великим несчастьем. Но это был и шанс. Шанс начать все с начала, построить новое общество, создать новую политическую и экономическую структуру. Известно, что Германия, Япония, Франция и другие страны, чьи города, заводы и дороги были разрушены или сильно пострадали во время войны, воспользовались этим шансом...

По-своему пыталась воспользоваться им и Польша. В первое послевоенное десятилетие большинство поляков верило, что древняя родина восстанет из пепла жизнеспособной, преуспевающей и уважаемой в мире страной. Люди верили в это, работали ради этого, мирились с лишениями, бедностью, нехваткой всего и вся.

У веры этой были серьезные основания. Во-первых, Польша получила запад-



ные, богатые и ухоженные в прошлом, земли и хотя потеряла восточные, из Советского Союза переселилось сюда около четырех миллионов поляков. Во-вторых, старый враг – Германия – была разгромлена, разделена на части и оккупирована союзниками. С другой стороны, Советский Союз многим тогда представлялся не таким уж большим злом. Действительно, даже те, кто традиционно не любил русских, с додозрением относились к Москве и к собственным коммунистам, не могли не признать того факта, что Советский Союз, сам сильно пострадавший от войны, оказывает их стране огромную помощь. Именно из СССР шли эшелоны со всевозможным промышленным оборудованием, сырьем, горючим, строительными материалами и даже продовольствием. Советский Союз не только помог восстановить заводы, дороги и верфи, но и оказал решающую помощь в строительстве и оснащении национальных вооруженных сил, в создании новых видов индустрии, в частности авиации, в производстве радиоэлектронной аппаратуры и т.д.

Но важнее всего для поляков было другое. Советский Союз решительно стоял на страже нового порядка в Европе, новых границ между европейскими государствами. И гарантировал этот порядок всей своей огромной военной мощью. Поляки, как бы ни велика была их горечь от сознания своей подчиненности Москве, знали, что безопасность страны гарантирована, а границы ее нерушимы. Все тогда в

Польше помнили о предательстве западных держав и предпочитали находиться в одной упряжке с Москвой, нежели снова получить нож в спину... К тому же, хотя сегодня каждый поляк – антикоммунист, в то время немало людей в Польше верили в «неоспоримые преимущества» социализма, способность социалистической экономики быстро и эффективно решать те проблемы, которые в условиях капитализма решаются десятилетиями.

Но шли годы. Стирались воспоминания о войне, разрухе, голоде. Обстановка в Европе нормализовывалась, и хотя холодная война продолжалась, в Польше не могли не видеть, что Западная Германия с помощью Соединенных Штатов строит новую жизнь и вовсе не помышляет о реванше, о возвращении восточных земель. Полякам становилось все яснее, что бороться больше не с кем, приносить жертвы нет никакой необходимости. Пора бы начинать жить!

И вот тут-то выяснилось, что жить «как люди» поляки не могут. И вовсе не из-за того, что им угрожают извне, а потому, что этого не позволяют «преимущества» социалистического строя и «особые отношения» с Советским Союзом.

Действительно, польские заводы работали на полную мощность, польские товары не залеживались ни внутри страны, ни за ее пределами, польские поезда, самолеты, корабли отнюдь не простаивали, польские крестьяне и рабочие трудились в полную силу – в стране как будто не было безработных. Но все шло вкривь и вкось. Вечный дефицит всего и вся, перебои со снабжением, нескончаемые очереди и необходимость постоянно что-то «выбивать» сопровождали поляка на каждом шагу, от рождения до смерти.

Раздражало, возмущало поляков и другое. Почему они до сих пор отрезаны от мира? Ну ладно, Германия – враждебность по отношению к этой стране была жива в народе. Но была еще Франция, которую многие в Польше боготворили, были Соединенные Штаты Америки, где живут миллионы поляков, было, наконец, много других стран. Почему поляки не могут свободно ездить по миру, приглашать людей из-за границы, почему им запрещают читать то, что издается за рубежом, например, произведения выдающегося соотечественника Чеслава Милоша? Вопросов становилось все больше, вопросы становились все острее. Ответ властей всегда был один и тот же – репрессии.

Первое массовое выступление поляков произошло в 1954 г., и с тех пор каждые семь-десять лет страну сотрясали массовые протесты: забастовки рабочих, выступле-

ния крестьян, студентов, интеллигенции. Выступления эти почти всегда носили ожесточенный характер, перепуганные власти не раз проливали кровь соотечественников только для того, чтобы не пойти на уступки, сохранить монополию на власть.

Было бы несправедливо утверждать, что в стране вовсе ничего не менялось. После каждой волны возмущений и протестов власти что-то меняли, но перемены эти носили косметический характер. Обычно все сводилось к перестановкам на партийной верхушке, к незначительным послаблениям в области мелкого предпринимательства и контактов поляков с внешним миром. По существу же ничего не менялось. А экономика, тем временем, разваливалась на глазах, причем спасти положение не могли ни советская помощь (поставки дешевого горючего), ни многомиллиардные западные кредиты, которые польские правители хватали направо и налево, словно никогда не собирались их возвращать. И собственные национальные богатства, и все, что поступало в страну из-за рубежа, куда-то бесследно исчезало, проваливалось в бездонную бочку. А жизнь рядового человека становилась все труднее, все беспросветнее, все унижительнее.

Вместе с ненавистью к коммунистическим правителям и их московским боссам в польском обществе зрело сознание того, что стихийные периодические выступления народа не приведут к серьезным переменам – коммунистическая власть просто не в состоянии что-то изменить. Необходимо было противопоставить партийному спруту какую-то организованную силу.

И эта сила, получившая название «Солидарности», родилась в августе 1980 г. во время забастовки рабочих на судовой верфи имени Ленина в Гданьске. Хотя «Солидарность» формально считалась всего лишь профсоюзным объединением, реально она стала массовой общественно-политической организацией трудящихся, насчитывающей к концу того же года 10 миллионов членов. Возглавил этот народный фронт борьбы с режимом никому до тех пор неизвестный рабочий-электрик Лех Валенса.

Сегодня Лех Валенса – национальный герой Польши. Он – один из самых известных людей в мире. Он близок с Папой Римским, он встречается на равных с президентами и премьер-министрами, он – лауреат Нобелевской премии мира. Сегодня он – президент Польской республики.

Свою популярность, свои награды и звания, свое место человека номер один в Польше он заслужил по праву – вклад Валенсы в дело освобождения его страны

и других стран Восточной Европы от власти коммунистических тираний и диктаты Москвы трудно переоценить. Огромны сегодня власть и влияние этого человека. Но куда он поведет свою страну? Назад в двадцатые-тридцатые годы, ко временам Пилсудского, Бека, Миколайчика? Или к «новым рубежам», навстречу новой Европе, современному миру, навстречу двадцать первому веку? ●

Эйтан Финкельштейн

ДОСЬЕ "ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ"

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И КУБА – КОНЕЦ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»

За последние недели чехословацко-кубинские разногласия резко обострились, и отношения между двумя странами перешли из разряда плохих в разряд совершенно отвратительных. Внешним поводом для усугубления конфликта послужило то обстоятельство, что группа кубинцев, желая бежать из страны, укрылась в чехословацком посольстве в Гаване и получила там убежище. Такого «предательства» со стороны дружественной державы ни сам Кастро, ни его охранка не ожидали и не на шутку обиделись на пражское руководство. Но дело отнюдь не в этом эпизоде. И даже не в том, что президенты Кастро и Гавел «исповедают» разную идеологию и придерживаются порой противоположных взглядов по многим вопросам внутренней и внешней политики. Дело прежде всего в том, что Куба и Чехословакия, еще недавно находившиеся в одной упряжке, сегодня занимают полярные позиции в том, что касается будущего их стран и социалистического содружества в целом. В Чехословакии делается все, чтобы возродить в стране многопартийную систему и демократический правопорядок, восстановить свободную рыночную экономику, вернуть страну в лоно европейского сообщества. На «Острове Свободы», напротив, всеми силами цепляются за прошлое, надеясь, видимо, на то, что перестройка в СССР захлебнется и в Москве вернутся старые добрые времена. Так что удивляться следует не ухудшению кубинско-чехословацких отношений, а тому, что какие-то отношения между двумя странами все еще сохраняются. Причина тому – традиционные и очень важные для обеих сторон экономические связи.

В течение многих лет Куба была единственным поставщиком в Чехословакию сахара, обеспечивала три четверти потребностей чехословацкой промышленности в

никеле, снабжала эту страну фруктами, ромом и сигарами. Чехословакия, в свою очередь, экспортировала на Кубу промышленное оборудование, грузовики, турбины, запасные части ко многим видам советской, в частности военной, техники. Да и сама поставляла режиму Кастро оружие и военное снаряжение.

Перебои и иного рода проблемы в торговле между двумя странами возникли еще в прошлом году, но в этом году Кастро, видно, решил наказать Чехословакию. Как же иначе объяснить тот факт, что в первом квартале года Куба выполнила свои торговые обязательства перед Чехословакией на... девять процентов! Правда, кубинские представители пытались объяснить столь резкое сокращение поставок «внутренними экономическими трудностями», но в Праге уверены, что сворачивание торговли – не что иное, как политический демарш. Такого рода акции в отношении Чехословакии Кастро предпринимает постоянно. Так, в ответ на протест Гавела, направленный лично Кастро в связи с судебными процессами над диссидентами, кубинский президент распорядился вернуть на родину кубинских студентов, обучающихся в Чехии и Словакии, и «гостевых рабочих» – кубинцев, выполняющих черную работу на заводах и фермах этой страны. (При этом Кастро не постеснялся заявить, что отзывает их из опасения, как бы его соотечественники не «заразились вирусом капитализма».)

Прага приняла вызов и, в свою очередь, сократила поставки на Кубу, доведя их уровень в первом квартале года до 22% от договоренного. Одновременно президент Гавел начал поиски альтернативных поставщиков. Именно эти поиски привели его в Никарагуа (крупный экспортер сахара) и в Мексику, которая в последние годы начала экспортировать никель в значительных масштабах.

И все же в Чехословакии не решаются окончательно порвать торговые связи с Кубой. Объясняется это прежде всего тем, что Куба задолжала Чехословакии крупную сумму – 500 миллионов переводных рублей (приблизительно 280 миллионов долларов). Желанием вернуть хотя бы часть собственных денег, столь необходимых стране в нынешние весьма тяжелые времена, и объясняется сдержанность чехословацкого правительства, его стремление как-то договориться с кубинцами.

Попытка договориться «по-доброму» была предпринята в сентябре, когда в Праге встретились торговые делегации двух стран. Переговоры между «партнерами поневоле» начались трудно. Первым делом кубинцы попытались «взять быка за рога»,

предложив перечеркнуть прошлое, забыть о прежних договорах (и, конечно же, о кубинских долгах) и начать все с начала. Но чехословацкая сторона твердо стояла на своем, и в конце концов кубинцам пришлось пойти на то, что торговля между двумя странами будет продолжена на основе прежних договоренностей, правда, в более скромных масштабах. Кубинцы согласились поставить в Чехословакию до конца года 40 тысяч тонн сахара и тысячу тонн никеля. Кроме того, Куба обязалась поставить Чехословакии в счет уплаты долгов товары на сумму 45 миллионов переводных рублей. О новых торговых соглашениях договориться, однако, не удалось. Дело в том, что Чехословакия настаивает, чтобы торговля между двумя странами осуществлялась на базе конвертируемых валют. Куба решительно противится этому и, со своей стороны, добивается от Чехословакии всевозможных льгот и привилегий. Пока еще неясно, «чья возьмет», но вполне возможно, что в конце концов кубинцам придется уступить. Они понимают, что торговля с Чехословакией выгодна прежде всего им самим. К тому же кубинцы опасаются, что в случае дальнейшего обострения отношений Прага может отказаться выполнять довольно шекотливую, но весьма важную для Кубы миссию – представлять интересы Гаваны в Вашингтоне. Найти же замену Праге в этой роли весьма и весьма непросто.

Сетую на перемены в Восточной Европе, в Гаване сегодня с ностальгией вспоминают былые времена, когда отношения Кубы с Чехословакией и другими странами социализма были «безоблачными», когда «проблемы решались быстро и просто». При этом, однако, в Гаване забывают, что безоблачными были не отношения между двумя народами и даже не между двумя государствами, а между режимами в Праге и Гаване. Решения тогда действительно принимались быстро и просто – достаточно было Гусаку, Кастро и советскому послу в Праге или Гаване договориться между собой. Но принимались эти решения без учета, а то и вопреки воле населения и национальным интересам двух стран, в ущерб международной стабильности и мировой торговле.

Сегодня, чтобы сохранить экономические связи с Чехословакией, в Гаване прежде всего должны понять, что «прекрасная эпоха» кончилась и впредь отношения между двумя государствами должны строиться с учетом национальных интересов сторон, с соблюдением норм, принятых в международной практике.



*Сегодня в Эстонии
Грузия после выборов
Заявление Чорновила
Анна Франк в Москве*

В ЭСТОНСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Крохотная Эстония – самая маленькая из республик Советского Союза – вместе со своими прибалтийскими соседями с самого начала шла в первых рядах перестройки: от первых массовых демонстраций и «поющей революции» до объявления, хотя и формального, но все же государственного суверенитета. Не зря в перестроечной журналистике замелькало выражение «Прибалтийская лаборатория» (пессимисты, правда, предпочитали говорить о «полигоне»). И действительно: в течение многих лет центральные власти допускали в балтийских республиках, в Эстонии в том числе, как бы испытание, обкатку вариантов социально-экономических реформ, которые в других регионах Советского Союза пока не допускались.

Какие же эксперименты осуществляются сегодня в «эстонской лаборатории» и кто их проводит?

Я уже писал («Страна и мир», № 3, 1990), что множество эстонских партий (около 30) и иных политических сил можно разделить на четыре основные соперничающие группы. Законодательных органов тоже не один, а два: Верховный Совет и Конгресс Эстонии. Есть две полувоеенные организации (сегодня уже в определенном смысле противостоящие друг другу): «Союз защиты» (Kaitseliit) и «Защита дома» (Kodukaitse). Правительство в Эстонии пока одно, но министров иностранных дел два: «настоящий» министр иностранных дел писатель Леннарт Мери и министр без портфеля, академик-физик Эндел Липп-

маа. Роль последнего сводится к организации и проведению переговоров с Москвой – в просторечии Липпмаа называют министром восточных дел.

Таковы параллельные структуры в мелководье эстонской политики, где личности играют большую роль, чем платформы партий, которые они представляют.

Есть, однако, в Эстонии и структуры «безальтернативные». Это КГБ и МВД и доблестная Советская Армия. В условиях «развитого суверенитета» можно, конечно, порассуждать на тему: кому они подчиняются, но ответ пока, увы, очевиден (даже в случае МВД, о «передаче» которого Эстонии много писали). Несмотря на все нападки, которым они подвергаются в условиях гласности, эти структуры по-прежнему достаточно закрыты для жаждущей сенсаций эстонской публики.

Напрямую «безальтернативные» структуры в политическую жизнь пока не вмешиваются. В ней, как было уже сказано, доминируют четыре основные течения, которые можно определить следующим образом: национальные радикалы, народный фронт, бывшие коммунисты (номенклатура) и интерфронт. Деление условное, тем более, что изменения в этой области происходят быстро и нередко неожиданно.

Интерфронт и бывшие коммунисты в республике слабы, и можно было бы обойтись и более простой формулой: в Верховном Совете доминирует Народный фронт, в Конгрессе Эстонии – Партия национальной независимости. Однако, оказывается, что игроков все-таки больше и ситуация не так проста. Серьезные трения возникли между Верховным Советом и правительством. Натянуты отношения правительства и с Конгрессом Эстонии. Все это очень сильно затрудняет какое-либо конструктивное сотрудничество.

Бывший председатель Совета министров Эстонии Индрек Тооме, ныне возглавляющий комиссию Верховного Совета и являющийся одним из ведущих членов Vaba Eesti (союз бывших коммунистов «Свободная Эстония»), недавно заявил в интервью, что внешняя политика Эстонии ведется сейчас по разным линиям, которые пересекаются, мешают друг другу. Сейчас мало кто сможет сказать, что Тооме неправ. Наиболее горячие споры в Эстонии ведутся именно по поводу внешней политики, и на первый план выступают фигуры главы правительства Эдгара Сависаара и председателя Верховного Совета Арнольда Рюйтеля.

В сентябре–октябре с.г. ряд эстонских политических деятелей имел ряд встреч с видными представителями администрации США. В частности, Сависаар и министр иностранных дел Мери были приняты президентом Бушем. Вслед за этим в центральной эстонской прессе развернулась шумная и оскорбительная кампания против Мери, за которой, судя по всему, стоял «министр восточных дел» Липпмаа.

Одновременно в США появился некий Калле Тенно, рекомендуемый эстонским дипломатом и снабженный доверенностью А.Рюйтеля. Тенно (и Рюитель) ведут дела с одной американской адвокатской фирмой, о которой газета «Wall Street Journal» сообщила 19 октября, что она представляет интересы в США Эстонской республики. Среди владельцев этой фирмы – несколько бывших членов руководства ЦРУ. Это дало Мери основание обвинить Рюйтеля в связях с ЦРУ. Разразился скандал, по аналогии с Уотергейтом получивший название «Эстгейт».

На вопрос, заданный 2 ноября председателю КГБ Эстонии Рейну Силлару, тот заметил, что и президент Буш в прошлом был директором ЦРУ, но это не значит, что каждый, ведущий дела с Бушем, – агент ЦРУ.

В ноябре вдруг интерес к внешней политике пропал, в политических кругах умы оказались заняты появившимся 4 ноября «заявлением восьмерых». Его авторы – хорошо известные в Эстонии политики, но из совершенно разных, противодействующих группировок: с одной стороны, Компартия и Vaba Eesti во главе с Индрекком Тооме, с другой – Конгресс Эстонии и Партия национальной независимости во главе с председателем Конгресса Тунне Келамом. Образовалась «коалиция националистов и социаллистов», как назвал ее один американский профессор эстонского происхождения.

В заявлении выражается недовольство деятельностью правительства и содержится призыв к созданию нового правительства на широкой коалиционной основе с

учетом всех политических сил республики. Против этого предложения в Эстонии, пожалуй, никто возражать не будет... кроме руководства Народного фронта, которое занимает сейчас в правительстве господствующее положение. Неудивительно поэтому крайне резкая реакция НФ на «заявление восьмерых». Особенное раздражение критиков вызывал состав подписавшихся: правые радикалы стакнулись с коммунистами, даже не озаботившись поддержкой, скажем, социал-демократов и христианских демократов.

В конце концов утихла и эта сенсация. «Подписанты» заявили, что выступали от себя лично, а не от имени своих партий, хотя это убедило немногих. Правда, авторитет «правых», которых раньше уважали за бескомпромиссность, в результате всего этого значительно упал. Коммунисты потеряли мало, ибо авторитет их и до того был невелик. Выиграл, как ни странно, лишь глава правительства Сависаар, против которого и было направлено заявление. По принципу «кому выгодно?» можно было бы даже подумать, что он сам это заявление и организовал.

Нынешнее состояние эстонских дел наводит на грустные мысли. Экономическое положение ухудшается, политическое – тоже оставляет желать лучшего. Советские войска остаются в Эстонии и неизвестно, когда будут выведены. Внутри страны создаются еще две маленькие армии, как будто специально созданные для «пробы сил». Внешнеполитические успехи тоже невелики – даже с Парижского совещания, куда министры иностранных дел Прибалтики были приглашены в качестве гостей, пришлось по требованию советской стороны уйти. «Безальтернативные» структуры на территории Эстонии по-прежнему остаются темным и грозным фактором.

Кто-то из бывших эстонских инакомыслящих начал недавно свое выступление словами: «Для описания положения в Эстонии достаточно двух слов: шизофрения и кризис». Отчасти это верно, но стоит заметить, что ситуация в Эстонии все же не уникальна. Развитие событий в Армении, Азербайджане, Молдове, Грузии во многом происходит очень сходным образом, сильно смахивая на длительную локальную гражданскую войну.

Я несколько раз упоминал о параллельных и «безальтернативных» структурах. Последние обеспечивают присутствие в республике третьей – и самой мощной – силы. Первые делают несостоятельными организованные протесты против этой «третьей силы». При таком раскладе серьезного дальнейшего развития событий можно ожидать лишь в результате само-

распада «третьей силы». Но когда это может произойти, и что получится в результате? Кому попадет в руки власть, и произойдет ли это демократическим путем? Есть основания опасаться, что нет.

Опыты в «эстонской лаборатории» продолжаются, и лишь время покажет, приведут ли они к поступательному движению или к откату назад. Впрочем, Эразм Дарвин говорил, что иногда имеет смысл ставить и бессмысленные опыты. Смысл обнаруживается позднее. ●

Хейки Ахонен

ГРУЗИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

После семнадцати лет избирательного фарса Грузии, наконец, всколыхнули волны настоящих, многопартийных выборов. У максималистов-грузин их было сразу двое: в неофициальный Национальный Конгресс и в официальный Верховный Совет. Перед республикой встала реальная угроза двоевластия, если не троевластия, угроза, чреватая, как известно, безвластием.

Национально-освободительное движение в Грузии еще до выборов раскололось на два противоборствующих лагеря: Координационный центр и «Круглый стол». Координационный центр выступал за выборы в независимый, неофициальный «альтернативный» Национальный Конгресс, а радикальное ядро Координационного центра – «Национальный Форум» (или «непримиримая» демократическая оппозиция) к тому же отказался участвовать в официальных выборах в Верховный Совет. Либералы Координационного Центра в лице блока «Демократическая Грузия» были за выборы в оба органа.

«Круглый стол» выступал за выборы в Верховный Совет и был решительным противником Национального Конгресса.

Выборы в 200-местный Национальный Конгресс состоялись 30 сентября (с последующими довыборами). В них участвовал 51% избирателей (около 1,5 миллиона человек). 136 мест в конгрессе получил блок «Национальный форум», в который вошли Партия национальной независимости (лидер Ираклий Церетели) и Национально-демократическая партия (лидер Георгий Чантурия), завоевавшие соответственно 71 и 65 мест. Блок «Демократическая Грузия» (в составе общества Ильи Чавчавадзе, Республиканской партии и др.) получил 37 мест, Демократическая фракция Компартии Грузии – 11 мест, несколько мест досталось двум меньшим избирательным блокам.

Выборы в 250-местный Верховный Совет прошли 28 октября и 11 ноября. В них участвовало 70% избирателей. Абсолютное большинство получил блок «Круглый стол – Свободная Грузия», возглавляемый Звиадом Гамсахурдия. Он завоевал 155 мест. 64 места досталось Компартии Грузии (под руководством Гиви Гумбаридзе), 12 – Народному фронту (Нодар Натадзе). Три других избирательных блока и независимые депутаты заняли остальные места. Выборы на 4 вакантных места – два в Абхазии и два в Южной Осетии – намечены на конец 1990 – начало 1991 года.

Итак, и на первых, и на вторых выборах убедительно победили радикальные сторонники полной государственной независимости Грузии.

Потерпели поражение и приняли непривычную для них роль парламентского меньшинства коммунисты. Полный крах испытали такие умеренные националистические силы, как Народный фронт, общество Руставели, социал-демократы и др. Это резко отличило грузинскую ситуацию от прибалтийской.

Сенсацией явилось активное участие избирателей в выборах в Национальный Конгресс. В силу ряда причин, идея альтернативных выборов перестала быть популярной, и мало кто надеялся, что их вообще удастся провести. Можно представить, с какими трудностями столкнулась Центральная избирательная комиссия по выборам в этот неофициальный орган, не имея ни средств, ни технической базы, ни опыта, саботируемая властями и испытывающая яростные нападки со стороны «Круглого стола», который старался сорвать выборы. Так, 19 сентября, всего за 11 дней до выборов, боевики «Круглого стола» устроили погром в штаб-квартире Центральной избирательной комиссии в Тбилиси, уничтожив избирательные бюллетени и другую документацию. Звиад Гамсахурдия призывал население бойкотировать выборы в Национальный Конгресс, который, по его выражению, есть «орудие Кремля». Были случаи прямого запугивания избирателей с целью не допустить их к избирательным урнам.

И несмотря на это, выборы состоялись и в них приняли участие более половины избирателей. Национальный Конгресс был избран. 26 октября грузинская Православная церковь благословила конгрессменов, и они провели первую сессию в бывшей резиденции независимого Грузинского правительства, в том самом зале, где 26 мая 1918 г. была провозглашена независимость Грузии. Казалось уж, что демократические силы Грузии нанесли поражение Звиаду Гамсахурдия, от которого тот не скоро оправится...

И вот новая сенсация: триумф Звиада Гамсахурдия на выборах 28 октября и последующее избрание его председателем Верховного Совета Грузии. Теперь уже Национальный Конгресс оказался в нокдауне, если не в нокауте.

Победившие на обоих выборах силы до апреля 1990 г. были объединены в Национальный Форум. Он был создан 15 марта на чрезвычайной конференции неформальных политических организаций Грузии и заменил собой Комитет Национального Спасения, созданный, в свою очередь, после событий 9 апреля 1989 г. Именно на этой конференции была высказана мысль о необходимости создания Национального Конгресса, как альтернативного официальному, национальному и демократическому парламенту. Звиад Гамсахурдия был одним из инициаторов этого проекта. Он был также горячим сторонником бойкота выборов в Верховный Совет республики.

Однако в конце апреля 1990 г. Гамсахурдия и ряд его союзников вышли из Национального Форума и создали альянс «Круглый стол». Весьма путано мотивировав свой разрыв с прежними союзниками, Звиад Гамсахурдия совершил разворот своей политической позиции на 180 градусов, став рьяным противником Национального Конгресса и сторонником выборов в Верховный Совет. С этого момента вражда между «Круглым столом» и Национальным Форумом, а также лидерами этих альянсов – Звиадом Гамсахурдия и Гией Чантурия – становится доминирующей темой политической жизни Грузии.

*

С самого начала «Круглый стол» был создан как противовес Национальному Форуму и хотя называл себя «радикальным» образованием (радикализм очень моден в Грузии!), в него были введены некие советники, начавшие разрабатывать более компромиссную для властей позицию. Один из таких советников – Тенгиз Сигуа, 56 лет, профессор, директор Института металлургии, недавно покинувший ряды КПСС, был назначен после выборов председателем Совета министров Грузии.

Основой «Круглого стола» стал культ Звиада Гамсахурдия, которого стали величать не иначе, как «патриархом национального движения». Заурядный кандидат филологических наук, он вдруг стал «блестящим ученым», «великим мыслителем»... Я не специалист в филологии, но у меня вызывает серьезные сомнения научная ценность таких вот открытий: «Грузинский язык выделяется среди всех языков. Это – первейший язык, главный

язык, так же, как Иоанн был главным апостолом Христа...» (З. Гамсахурдия, «Духовная миссия Грузии», Тбилиси, 1990). Выступая на митинге 26 мая 1990 г., посвященном Дню Независимости, Звиад Гамсахурдия сравнил себя с Мессией – спасителем нации, и с митинга восторженная толпа поклонников вынесла его на руках. Все это привело к разрыву с «Круглым столом» тех партий, которые хотели сохранить собственный голос (монархисты, республиканцы-федералисты).

Звиад Гамсахурдия, которому, несомненно, принадлежит заслуга в становлении раннего правозащитного движения в Грузии, в политических событиях последних лет, увы, не играл первой скрипки. Наибольшим авторитетом среди грузинских националистов пользовался не он, а Мераб Костава, многолетний политэзек, который поддерживал связи и со Звиадом, и с его политическими врагами. В Грузинскую Хельсинкскую группу Гамсахурдия не вошел. Первая массовая общественно-политическая организация – Общество Ильи Чавчавадзе – была создана в декабре 1987 г. тоже без участия Гамсахурдия и вопреки ему. Первую политическую партию в республике – национально-демократическую (НДП) – образовал в августе 1988 г. историк Гия Чантурия и Звиад в нее не входил. Эта же партия устроила первую серьезную акцию протеста – массовую голодовку перед Домом Правительства в Тбилиси в ноябре 1988 г., что резко катализировало рост национально-освободительного движения Грузии. В событиях 9 апреля 1989 г. роль Гамсахурдия также была второстепенной.

Возвеличивание Звиада началось после трагической гибели Мераба Костава 13 октября 1989 г. Звиад использовал имя этого национального героя Грузии, хотя при жизни Мераб не раз повторял, что стоит за консолидацию всех национально-освободительных сил, а не за предпочтение какой-либо одной из них. Были созданы Общество и Фонд Мераба Костава, возглавляемые Важей Адамия – главарем вооруженных формирований. В Фонд потекли миллионы: дань собирали в добровольном и принудительном порядке – с дельцов, с учреждений, с простого населения. На эти деньги покупалось оружие, люди, голоса, создавалась материально-финансовая база группировки Гамсахурдия.

До недавней поры политическая позиция Звиада Гамсахурдия была неясной. Он избегал заявлений по насущным политическим проблемам, сосредоточиваясь исключительно на теме защиты прав грузинского населения перед лицом населения

негрузинского. Выступая на митингах, Звиад неизменно твердил о дискриминации грузин абхазами, азербайджанцами, осетинами, армянами и даже совсем малочисленными в Грузии дагестанцами, об ассимиляции грузин русскими, о «демографической экспансии» против грузин. Он называл народы, живущие на территории Грузии, «пришельцами» и грозил им выселением, требовал ликвидации существующих автономий. Он вызвал массовый психоз в связи с вопросом о возвращении в Грузию турок-месхетинцев, выселенных Сталиным в 1944 г. Гамсахурдия писал: «Начиная с сего времени, грузинский народ впредь не допустит на свою землю ни единого этнического турка или гражданина турецкого самосознания» («Вестник Грузии», № 3, 1990). Он предлагал делить население Грузии на «законное» и «незаконное», выступал и выступает за запрет смешанных браков. Он заявил корреспонденту газеты «Baltimore Sun»: «Сейчас у нацменьшинств больше прав, чем у грузинского народа. Это – апартеид». Стоило сторонникам Национального Конгресса пригласить на свой съезд представителей национальных меньшинств Грузии, как Гамсахурдия объявил съезд «предательским», а его организаторов – «интерфронтом».

Вот выдержка из выступления Звиада Гамсахурдия на митинге в селе Ахалсопели Кварельского р-на (фонограмма): «Они должны быть выжжены каленым железом из грузинской нации, эти предатели и продажные люди... (имеются в виду сторонники Национального Конгресса – Т.Г.). Сила на нашей стороне, грузинская нация с нами, и мы расправимся со всеми предателями, всех призовем к надлежащему ответу, всех злых врагов и приютившихся тут негрузин выгоним из Грузии!». А вот мнение, высказанное соратником Гамсахурдия, одним из идеологов «Круглого стола», писателем Гурамом Петриашвили: «Мы должны сделать Грузию чисто грузинской: должны господствовать грузинский язык, грузинская культура и грузинское сознание». Естественно, что этноконфликты были стихией человека, который всю свою позицию строит на противопоставлениях: «мы (грузины) – они (негрузины)».

Политические выступления Звиада начались только в самое последнее время. За два месяца до выборов «Круглый стол» провел ряд «акций», широко освещавшихся и республиканскими, и всесоюзными средствами массовой информации. Такова «Самтредская акция», когда на несколько дней была блокирована железнодорожная связь, снятие памятника Ленину в центре Тбилиси, вылившееся в грандиозное шоу,

рекламная «борьба» против участия в выборах общества «Сталин», которое все равно не имело никаких шансов. Кстати, «Круглый стол» почему-то не замечает, что именем Сталина продолжают называться главная набережная в Тбилиси и центральная улица в древней грузинской столице – Мцхета...

Наряду с фейерверком «акций», «Круглый стол» выступил с предвыборной платформой. Тут впервые наглядно проявилась позиция Звиада Гамсахурдия по собственному политическим вопросам. «Круглый стол» за полную государственную независимость Грузии, но достижения ее требует не немедленно, а после «переходного периода» (вначале Гамсахурдия говорил о двух годах, потом – о пяти...). «Круглый стол» против союзного договора, но, как заявил Гамсахурдия в первом же интервью, данном после выборов 28 октября, «в обеспечении государственной безопасности Грузия намерена опираться на Советский Союз». «Круглый стол» назвал советские войска в Грузии «иностранными войсками», но в предвыборной платформе вместе с этим сказано: «Следует размежевать понятия оккупации и аннексии. Пребывание войск чужой страны на нашей территории не может быть расценено как непреодолимое препятствие на пути государственной независимости».

И все-таки, почему восторжествовал «Круглый стол»?

Я ни в коей мере не хочу подвергнуть сомнению личную популярность лидера этого блока. Звиад Гамсахурдия так же популярен в грузинском народе, как Борис Ельцин – в русском. Тем не менее нельзя не заметить, что в триумфальном приходе к власти национал-популистов «Круглого стола» огромную роль сыграли серьезнейшие тактические просчеты сторонников Национального Конгресса. По вине «непримиримых» избиратель был фактически поставлен перед альтернативой: либо «Круглый стол» – либо коммунисты. Ненавистники коммунистов, они же – сторонники безусловной независимости (а таковых в Грузии, по данным социологических исследований, – рекордный для советских республик процент: 92%) были обречены голосовать за Звиада Гамсахурдия, даже если он им и не очень по нраву.

Поразительно не то, что Звиад нанес поражение коммунистам, вопреки данным предвыборных опросов общественного мнения. Это – показатель того, насколько можно доверять подобным опросам в СССР. Удивительно, что грузинский избиратель напрочь отверг умеренных сторонников независимости (Народный фронт, «Демократическая Грузия» и др.) и отдал

голоса вчера еще неформальному, улично-митинговому, экстремистскому «Круглому столу». На выборах победила организация, которая является главным подозреваемым в покушениях на политических противников, имевших место в канун выборов.

В ночь на 24 октября автоматными очередями была изрешечена дверь в квартире политического соперника Гамсахурдия Валериана Адвадзе. До того «Круглый стол» яростно настаивал на исключении В.Адвадзе и его блока из избирательного списка.

26 октября, в 5 часов вечера, в самом центре Тбилиси, на проспекте Руставели, было совершено покушение на главного противника Гамсахурдия – Георгия Чантурия. В тот момент, когда Чантурия выходил с первой сессии Национального Конгресса, в него стреляли из проезжавшей мимо машины. Пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от сердца.

Уже после проведения выборов, в ночь с 28 на 29 октября, «неизвестные» совершили погром в штаб-квартире Национально-демократической партии в г. Кутаиси.

Вспомним и другие аналогичные факты, имевшие место еще раньше. 17 июля с.г. группа сторонников Гамсахурдия во главе с его женой Мананой учинила погром в редакции газеты «Картули фильми» («Грузинский фильм»), стремясь воспрепятствовать опубликованию статьи, критикующей З.Гамсахурдия.

18 июня с.г. «Круглый стол» привез из г. Телави полный автобус вооруженных боевиков, которые намеревались напасть на лидеров Национального Форума, пришедших на собрание. «Акцию» возглавлял Важа Адамия. Террористы были вовремя разоружены охраной Национального Форума. По словам одного из боевиков, им было приказано стрелять в Ирину Саришвили, Георгия Церетели и других противников Гамсахурдия.

27 июля с.г. штаб-квартира НДП на проспекте Руставели была обстреляна из автомата Калашникова. По счастливой случайности никто не пострадал.

19 сентября с.г. группа вооруженных боевиков, возглавляемых Важей Адамия, учинила погром и подожгла штаб-квартиру Центральной избирательной комиссии Национального Конгресса. После этого та же группа ворвалась в штаб-квартиру НДП, разгромила ее и избила прикладами автоматов тех, кто находился в помещении. Двое были госпитализированы. «Круглый стол» взял на себя ответственность за это нападение.

3 октября с.г. в штаб-квартире «Круглого стола» несколько минут длилась

перестрелка, стоившая жизни двум молодым людям: один получил пять пулевых ранений, другой – шесть. Это «выясняли отношения» члены вооруженного формирования «Белый Георгий», охраняющие персону Гамсахурдия.

Таков далеко не полный перечень «предвыборных» деяний «Круглого стола». О бесчисленных звонках с угрозой убийства и других кар говорить не приходится. Угрозам подвергались даже живущие в Грузии родственники сотрудников радиостанции «Свобода», после того как по волнам этой радиостанции было передано интервью Гии Чантурия.

Ни за одно это преступление никто не понес наказания. Когда же власти все-таки арестовали одного из членов «Круглого стола», которого обвиняли в издевательствах над раненым милиционером, «Круглый стол» попросту устроил погром в штаб-квартире республиканского КГБ и снял его блокаду только после того, как арестованный был освобожден. Народу было наглядно продемонстрировано, в чьих руках отныне сила.

Впрочем, во внезапную слабость местного КГБ плохо верится. Не имеет ли место согласованность в действиях КГБ и «Круглого стола»? – не устает повторять Георгий Чантурия. В связи с этим он безуспешно пытается вызвать Гамсахурдия на теледебаты.

В одном из интервью, данных сразу же после победы в выборах, Звиад Гамсахурдия заявил, что в качестве одного из первых шагов намерен реорганизовать грузинский КГБ в КНБ – «комитет национальной безопасности». Национализм среди местных гебистов – явление не менее, а скорее, более распространенное, чем среди прочих профессий, так что служить новой власти они вполне готовы.

На первой сессии новоизбранного Верховного Совета Грузии (14–15 ноября 1990 г.) была образована парламентская комиссия по делам обороны, национальной безопасности и правопорядка, во главе которой был поставлен не кто иной, как Важа Адамия, о «послужном списке» которого говорилось выше. Было также принято постановление о создании специальных внутренних войск «для борьбы с правонарушениями и для укрепления правопорядка». Министром внутренних дел назначен один из личных телохранителей Звиада – Билар Хабулиани, о котором известно только, что он – бывший член сборной СССР по дзю-до, мастер выламывать руки.

Новые «правоохранители», видимо, уже принялись за дело: 18 ноября было совершено нападение на двух членов

НДП – Муртаза Кизирия и Лашу Курамбедиани – свидетелей погрома в штаб-квартире НДП, учиненного 19 сентября Важей Адамия. Они получили пулевые ранения и были доставлены в больницу, причем Курамбедиани – в реанимационное отделение. Начато преследование сторонников Национального Конгресса. Несколько человек арестовано, некоторые сняты с работы.

В том, что в новых условиях у тайной полиции найдется много работы старого характера, а именно – преследование «инакомыслящих», в Грузии сегодня мало кто сомневается. Многие политические оппоненты Гамсахурдия опасаются репрессий. «Если дело пойдет таким образом, то не исключено, что мы все станем политзаключенными», – сказано 30 октября на митинге, посвященном Дню политзаключенного, один из противников Гамсахурдия – Ираклий Церетели, бывший узник политлагерей.

В сведениях счетов с политическими оппонентами Гамсахурдия не брезгует средствами. Когда произошла автокатастрофа, в результате которой погиб Мераб Костава, Звиад не нашел ничего лучшего, как обвинить в преднамеренной аварии своего давнего врага – Тамрико Чхеидзе, сидевшую у руля в ту трагическую ночь. Если верить его утверждениям, молодая женщина специально гнала машину со скоростью 120 км/час по мокрому пустынному шоссе в 2 часа ночи, дабы затем направить свои «Жигули» на летевшую навстречу машину, выпрыгнуть в последний момент и, оставшись невредимой, погубить Мераба Костава, кстати – своего жениха. Гамсахурдия требовал суда над Тамарой Чхеидзе и устраивал безобразные сцены перед окнами убитой горем женщины. В машине, кроме Т.Чхеидзе и М.Костава, находился также лидер Общества Ильи Чавчавадзе 38-летний Зураб Чавчавадзе. После аварии он в безнадежном состоянии был доставлен в реанимационное отделение. Наутро после трагедии я позвонил в Тбилиси и спросил Звиада, жив ли Чавчавадзе: «Не издох пока!». – был ответ.

Стоило в газете «Молодежь Грузии» появиться интервью нелюбезного Звиаду Эдуарда Гудавы, как «Молодежь Грузии» была окрещена «врагом грузинского народа» и выдвинуто требование ее ликвидации. Это заставило главного редактора газеты Георгия Пацурия горестно воскликнуть в редакционной заметке: «Раньше я не очень-то представлял себе методы морального террора. Но видно почва у нас благодатная».

В июне 1990 г., будучи в Париже, верный помощник Гамсахурдия Гоги Хошта-

рия угрожал по телефону одному из политических врагов Звиада, бывшему политзаключенному Захарию Лашкарашвили, живущему во Франции. Теперь Гоги Хоштария назначен министром иностранных дел Грузии и, надо полагать, поднимет кампанию устрашения неугодных Гамсахурдия грузинских политэмигрантов на более высокий уровень.

Гио Чантурия и Ирину Саришвили Звиад Гамсахурдия громогласно объявил «врагами народа» и потребовал их выселения из Грузии после того, как они подписали резолюцию международной конференции в Праге, осуждающую Гамсахурдия как пособника этнических конфликтов.

Вообще, слова «враг», «предатель», «вредитель» обычны для нынешнего грузинского «президента», когда он говорит о политических соперниках. Трудно на этом фоне представить себе радужные перспективы парламентской демократии в Грузии...

Не только Гио Чантурия и не только союзные ему партии видят опасность авторитаризма в лице Звиада Гамсахурдия. Известный грузинский философ Мераб Мамардашвили так выразил свое отношение к нему: «Если мой народ выберет Гамсахурдия, тогда мне придется пойти против собственного народа». Теми же словами могли бы выразить свою позицию многие грузинские интеллигенты. Впрочем, открыто заявлять об этом сейчас уже мало кто осмелится. Нет больше и доктора Мераба Мамардашвили – 25 ноября он скоропостижно скончался от инфаркта миокарда в московском аэропорту...

*

Личность Звиада Гамсахурдия крайне противоречива. С одной стороны, это – сын классика грузинской литературы Константинэ Гамсахурдия, один из основоположников правозащитного движения в Грузии, интеллекул, знаток европейских языков, неплохой оратор, представительного вида 51-летний мужчина. С другой стороны – тот, кто публично каялся в своих «антисоветских» грехах, когда его арестовали в 1978 г., болезненно мнительная личность, непременно сорящаяся со всеми, кто был ранее его соратником, человек, способный опускаться до мелочных клеуз и грязной клеветы в борьбе со своими бесчисленными оппонентами, человек, призывающий к депортации из Грузии не только «инородцев», но и грузин – своих политических врагов. Отношение к Западу у сторонников Звиада куда более критическое, чем у его противников. Это – своего рода грузинский вариант разделения на почвенников и западников. Разуме-

ется, ориентация Запада только на Горбачева и на сохранение советской империи мало кому может понравиться в Грузии. Однако, если Национальный Конгресс испытывает сожаление ввиду такой близоручкой позиции Запада и стремится эту позицию изменить, «Круглый стол» давно призвал грузинский народ отбросить за ненадобностью фактор Запада. В одном из телевизионных выступлений активист «Круглого стола» Темур Коридзе обрушился на Запад, назвав его «проституткой». В настоящее время Темур Коридзе назначен председателем парламентской комиссии по культуре, образованию и науке. Он уже успел показать себя, наложив цензуру на освещение республиканскими средствами массовой информации материалов Национального Конгресса.

«На Западе всячески стараются доказать, будто там лучше, но это не так, – говорил на своем суде в 1978 г. З.Гамсахурдия. – На Западе анархия, убивают президентов... «Свободу» глушат и правильно делают – ее передачи сильно искажают нашу действительность». Тезис об «анархичности» Запада я часто слышал из уст Гамсахурдия. Понятно, что ему ближе «твердый порядок».

Вот еще отрывок из протокола суда над Гамсахурдия:

«Судья: Какие права человека вы защищали?»

Гамсахурдия: Я ошибался.

Прокурор: Вы расканиваетесь?

Гамсахурдия: Да. Я пришел к выводу, что так поступать, как поступал, – нельзя. Путь, который я выбрал, несовместим с патриотизмом. Патриот должен идти официальным путем. У нас есть такие пути».

Этот «путь» Гамсахурдия, видимо, наконец-то, нашел.

*

Оценивая события в СССР, часто забывают, что уход коммунистов далеко не обязательно означает приход демократии. Джин Киркпатрик доказывала невозможность мирной трансформации тоталитаризма в демократию и возможность подобного для авторитаризма. А как насчет трансформации тоталитаризма в авторитаризм?

За поражением коммунистов не желают увидеть: кто победил, что победило?

«Люди боятся дестабилизации и проголосовали за сильную власть» – так охарактеризовал свою победу сам Звиад Гамсахурдия. «Фашистско-коммунистическим сговором» назвал Георгий Чантурия выборы в Верховный Совет Грузии. В заявлении, опубликованном 30 октября, он

сравнил прошедшие выборы с пактом Молотова–Риббентропа и разделом сфер влияния. Но не хватил ли через край молодой грузинский национал-демократ, называя фашистским феноменом гамсахурдиевского «Круглого стола»?

Фашизм есть не что иное как крайний национализм в сочетании с диктаторскими формами правления. Национал-коммунизм или, как пишет в своем заявлении Чантурия, – «привитый на почву советских структур ультра национализм», есть по сути своей не что иное, как фашистский феномен. Не обязательно этот феномен столь одиозен, каким он был в гитлеровской Германии. Фашизм может иметь и вполне «респектабельные» и устойчивые формы – вспомним хотя бы режим Франко в Испании. Следует добавить, что прийти к власти фашизм может и самым демократическим путем – так пришел к власти Гитлер. Однако демократическим путем он никогда не уходит.

Там, где ультра националистическое содержание вливается в готовые коммунистически-диктаторские формы, там появление фашизма становится весьма вероятным. Опасность эта существует не только в Грузии и даже не только в других республиках СССР.

Демократические страны всегда пропускают этапы зарождения и становления диктатур. Так было с Пол Потом, Ортегой и Чаушеску, которым пели дифирамбы, с Саддамом Хусейном, которого усиленно вооружали. Известно, как тяжело потом скинуть диктатуру и как дорого приходится за это платить. Поэтому так важна ранняя диагностика, учет самых первых симптомов развивающейся болезни.

Грузия – маленькая республика, но экономически одна из самых перспективных и стратегически важных зон разваливающейся Советской империи. Не хотелось бы, чтобы у грузинского народа так и не появилось свободного демократического будущего.

Ситуация в Грузии далеко не однозначна. Выборы не только не прояснили ее, а наоборот, усложнили. Противоборство двух начал в освободительном движении: националистического и демократического – поднялось с «неформального» и локального уровня на уровень межпарламентский и общенациональный. Да, Верховный Совет выбран демократическим путем, и «Круглому столу» отдал свой голос народ. Но и Национальный Конгресс выбран демократическим путем, и конгрессменам народ тоже отдал свой голос. Соотношение этих голосов приблизительно одинаковое: 1,3 млн. за «Круглый стол», 1,3 млн. – за Национальный конгресс. То, что пер-

вый орган официальный, а второй – неофициальный, мало что значит – официальное в СССР далеко не всегда равнозначно правовому и справедливому.

Национальный Конгресс, например, не собирается признавать полномочия Верховного Совета как «национального парламента»:

«Верховный Совет реально – это орган самоуправления оккупированной страны. Он не обладает необходимыми атрибутами верховного органа власти суверенного государства: армия, милиция, госбезопасность, таможня сегодня не подчиняются Верховному Совету и управляются извне», – говорит член Национального Конгресса Ивлиан Хандрова (Союз свободных демократов). – «Если ВС есть орган самоуправления оккупированной страны, то НК – орган национально-освободительного движения народа этой страны. Если ВС будет находиться в противоречии с национально-освободительным движением, то НК войдет в политическое противостояние с ним. Если такого противоречия не будет – впереди взаимопонимание и сотрудничество» («Заря Востока», 10 ноября 1990 г.).

А вот как смотрит на конфликт двух выборных органов «третья сторона»: «Мы считаем, что если ВС и НК не удастся найти общий язык, то обстановка в Грузии настолько осложнится, что Центр среагирует на это введением президентского правления и демократические процессы прервутся на неопределенное время» (лидер Социал-демократической партии Гурам Мучаидзе, «Заря Востока», 9 ноября 1990 г.).

Ситуация в Грузии – напряженная, чревата новыми конфликтами, актами гражданской войны, вмешательством имперских сил. Первые выступления нового политического лидера Грузии – Звиада Гамсахурдия многих обнадежили. Он говорил о межнациональном и гражданском мире, о сотрудничестве между всеми национальными политическими силами. К сожалению, Гамсахурдия не всегда верен своим словам.

Каковы же будут дела? ●

Тенгиз Гудава

НОВАЯ ЗАПОВЕДЬ КАТОЛИКОСА

Католикос-патриарх Всяя Грузии Илия II принял чрезвычайное решение, которое 28 октября после молебна было зачитано в Сионском патриаршем соборе.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа приказываю:



Отныне убийцу каждого грузина, несмотря на вину или невинность жертвы (убитого), объявить врагом грузинского народа.

Занести фамилию и имя убийцы в специальную книгу патриаршества и передавать из поколения в поколение как постыдное и подлежащее осуждению.

Чрезвычайный приказ этот принят, дабы в Грузии навеки был изжит тяжчайший грех и преступление против Бога и Церкви – братоубийство».

Грузинское патриаршество обратилось с просьбой к педагогам высших и средних учебных заведений, руководителям предприятий и учреждений ознакомить с этим чрезвычайным решением население, особенно молодежь.

В этой связи хотелось бы спросить Его Священство Илью II: а как быть, если убит не грузин (абхаз, осетин, аварец, русский и т.д.)? Не кощунство ли столь сужать рамки Господней заповеди: «Не убий»? Не забыл ли Его Священство, что для христианина «несть ни еллина, ни иудея»? ●

ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ?

В этом номере наш журнал публикует предсмертное интервью Мераба Мамардашвили, центральной мыслью которого является возрождение опасности большевизма – на сей раз большевизма в чистом виде, освобожденного от марксистских одежд. Мамардашвили пришел к этой мысли «на грузинском материале», но мог бы и на ином другом – русском, молдавском, азербайджанском...

Когда этот номер готовился к печати, стало известно заявление, которое 20

ноября направил Председателю Верховного Совета Украины Л.Кравчуку народный депутат Украины, председатель Львовского облсовета Вячеслав Чорновил. Заявление сделано им в связи с тем, что ВС УССР 14 ноября дал санкцию на арест депутата С.Хмары, обвинявшегося в избииении сотрудника МВД Григорьева. «Дело Хмары» получило противоречивую оценку в украинском общественном мнении, но заявление В.Чорновила представляет значительный интерес совершенно безотносительно к тому, виновен Хмара в инкриминируемых ему действиях или нет.

Заявление Вячеслава Чорновила гласит:

«До признания недействительным сфабрикованного голосования 14 ноября и освобождения из-под ареста народного депутата Хмары, до создания двусторонней депутатской комиссии по расследованию провокации, совершенной агентом спецслужб Григорьевым, считаю этически недопустимым для себя переступать порог оскорбленного насилия сессионного зала Верховного Совета УССР. Организационное оформление парламентского большинства под штандартами ЦК КПУ, подготавливаемая попытка изменения регламента, отсутствие гарантий для парламентского меньшинства исключают возможность реального влияния на законотворческий процесс, отводят оппозиции роль статистов. В условиях постоянного закрывания рта оппонентам падает и агитационное значение парламентских дискуссий, к которым народ начинает терять интерес.

Считаю поэтому, что *следует предоставить возможность реакционному большинству парламента довести до конца дело предательства Украины, развала ее экономики, а затем сполна ответить перед народом за свои действия.* В этот период наступления реакции, не соглашаясь на роль статиста при реакционном большинстве парламента, считаю необходимым, *не слагая с себя депутатских полномочий, быть рядом с моими избирателями, а также с обманутыми избирателями тех 240 округов Украины, депутаты которых окончательно демаскировали свою антинародную сущность во время теста на порядочность 14 ноября.»*

Вячеслав Чорновил – национальный герой Украины, прошедший большую часть своей жизни за колючей проволокой или в ссылке. В его мужестве, преданности делу освобождения Украины не может быть и тени сомнений. Но в политической борьбе наступает момент, когда одного мужества и преданности – недостаточно. Опыт показывает, что испытание властью и славой

порой труднее выдержать, чем испытание тюрьмой.

Народный депутат Украины открыто выражает желание, чтобы экономика его страны была до конца развалена, а сама страна – до конца предана. Так ему, народному депутату, будет легче обвинить «реакционное большинство под штандартами ЦК КПУ» и заставить его «ответить перед народом за свои действия».

Народный депутат не хочет, однако, слагать с себя депутатские полномочия. Только в депутатском качестве хочет он быть «рядом с избирателями», хотя всей своей жизнью он сам показал, что можно быть с народом, и не имея в кармане красной кожи книжицы. Лишь от одного, что дает депутатство, хочет он отказаться – от ответственности.

Возможно, таким путем депутат Чорновил скорее осуществит свои политические цели. Останется лишь мелочь – народ, которому предстоит жить в условиях «до конца разваленной экономики».

Для большевиков такие мелочи никогда не имели значения. ●

К.Любарский

«МИР АННЫ ФРАНК»

28 ноября в Государственной библиотеке иностранной литературы состоялось торжественное открытие выставки «Мир Анны Франк (1929–1945)». Материалы выставки привез в Москву голландский Центр Анны Франк.

Здесь надо напомнить, что «Дневник Анны Франк», опубликованный у нас в 1960 г., стал одной из важных книг, формировавших у моего поколения представления о добре и зле.

С тех пор, насколько мне известно, эта книга в нашей стране не переиздавалась, и сегодняшней молодежи имя Анны Франк, возможно, мало что говорит.

Под влиянием детских воспоминаний я и принял приглашение посетить открытие выставки в «Иностранке».

В своем вступительном слове Иохана Книсмейер, директор Центра Анны Франк, заметила: «Мы не чисто еврейская организация. В нашей деятельности мы руководствуемся основополагающими понятиями о человеческом долге». А заместитель директора библиотеки Екатерина Гениева призвала собравшихся «к сопротивлению и к свидетельству».

Архиепископ Смоленский Кирилл, председатель отдела внешнецерковных сношений Московской Патриархии, по-

строил свое слово как ответ на вопросы: «Можно ли найти смысл в бессмысленном страдании?». Он говорил как христианский богослов и представитель Русской Православной Церкви.

Наверное, владыке Кириллу известно (хотя бы в силу служебного положения), что вопрос о возможном *смысле* Катастрофы европейского еврейства стал мучительным камнем преткновения для современной еврейской религиозной мысли. Удовлетворительного ответа на вопрос о смысле этого события *для веры* не найдено.

Конечно, христиане осмысливают Катастрофу, исходя из своих вероучительных предпосылок. Так, архиепископ Кирилл говорит: «Во всем этом ужасе лишь одно несет укрепление: всякое невинное страдание имеет свои прообразом Голгофское страдание... Безвинное страдание очищает сей мир и находит отзыв в горних мирах. Неизвестно, смогли бы мы вообще сохранить человеческое достоинство, не будь в мире этого безвинного страдания... Быть может, страдание и гибель девочки Анны Франк имели искупительный смысл».

Слушатели вежливо поаплодировали этой речи. Аплодировал главный раввин Московской хоральной синагоги Шаевич, аплодировала руководившая открытием выставки Екатерина Гениева...

Тут я не удержался и бросил реплику: «Это же богохульство!» Мне трудно судить, трудно быть объективным: возможно, в ту минуту кощунственный смысл слов архиепископа Кирилла не поранил тех людей, чей слух привык к убаюкивающему звучанию христианской фразеологии. И все же я заметил: после его речи среди публики раздался легкий ропот. Как мне позже сообщили, один из приглашенных на церемонию зарубежных раввинов даже покинул зал.

Конечно, в наших условиях торжественное *мероприятие* – не лучшее место для богословских дискуссий. Да и речи были составлены заранее – для удобства перевода. Наверное, поэтому никто не пытался возразить владыке Кириллу. Лишь посол Нидерландов сказал: «Архиепископ хотел внушить нам долю оптимизма относительно безвинных страданий... Но все же в мире слишком много зла, и надо подумать о том, как спасти от него людей...»

Однако слова о необходимости руководствоваться основополагающими понятиями о долге, слова о свидетельстве и защите человеческого достоинства уже прозвучали, и они, как мне казалось, звучали обызвующе.

Поэтому я написал Екатерине Юрьевне Гениевой записку с просьбой предоставить

мне слово на 2–3 минуты после того, как предусмотренные программой выступления закончатся.

Когда записка была готова, я вдруг обнаружил, что окружен кольцом молодых женщин (как выяснилось, сотрудниц библиотеки, в задачи которых входило наблюдение за порядком). Это живое кольцо оттеснило меня подальше от первых рядов публики. И тут появился милиционер, предложивший мне покинуть помещение: знавшие свое дело сотрудники сказали ему, что я могу «сорвать мероприятие».

Но мне повезло: Эту сцену заметили знакомые, успокоили милиционера и передали мою записку Е.Гениевой. Ее ответ был отрицательным. А мне хотелось сказать нечто очень простое.

Мы хорошо знаем, кто уничтожал народ, к которому принадлежала девочка Анна Франк. Мы немало знаем и о жертвах наших собственных лагерей (владыка Кирилл сказал и о них, развивая мысль об искупительном смысле страдания невинных). *Мифологизация геноцида* – а к этому сводится христианская идея «искупительного смысла» в такой трактовке – снимает ответственность и с палачей, и с безразличных наблюдателей. А мы при этом избавляемся от чужой боли.

И в самом деле, архиепископ Кирилл вообще не упомянул о тех, на ком лежит реальная вина, ничего не сказал и о молчании мира, сопровождавшемся (и делавшим возможными) величайшие преступления против человечества, совершенные в нашем веке. Он ничего не сказал о раскаянии – а это важнейшее в христианстве понятие дает возможность для принципиально другого *религиозного* истолкования того, что христианские народы сделали с евреями.

По этому умолчанию и по всему смыслу сказанного православным иерархом выходит, что сам Бог направлял палачей, чтобы мы «могли сохранить человеческое достоинство». Так Он позаботился о нас.

Вот что уверенно и спокойно сказал о высшем смысле *чужого страдания* владыка Кирилл.

Как христианин я считаю это богохульством. Но это не все. В таких рассуждениях об «искупительном смысле» явно различимо неуважение к памяти жертв, теологически обоснованное *безразличие* к реальным человеческим страданиям, просто к судьбе одной еврейской девочки – Анны Франк.

В сущности – то самое безразличие, которое обрекло жертвы на их участь.

Вот и все, что я хотел тогда сказать.

МЕРАБ КОНСТАНТИНОВИЧ МАМАРДАШВИЛИ

15 сентября 1930 – 25 ноября 1990

Мераб все время пытался ответить, в сущности, на один философский вопрос: как человеку пребыть, осуществиться в этом мире во всей полноте своих возможностей. И собственной жизнью он фактически ответил именно на этот вопрос. Философия была для него не профессией, а способом жизни. Выражением той особой и только ему присущей страсти, которая вела его и позволяла чувствовать себя существующим.

Его философский темперамент был по-своему уникален. Подобно Декарту и Канту, он осмелился на ясное видение трагического опыта своей эпохи. И подобно им же полагал, что этот опыт может быть претворен только в свете Истины.

Ему было дано видеть все в сверхослепительном свете. Добро и зло. Он всегда занимал позицию не наблюдателя и не философскую, как она предстает в обыденном сознании, а ту, что связана с чувством абсолютной личной вины и одновременно ответственности. А это и есть подлинно философская позиция. Не надеяться ни на что и в то же время надеяться абсолютно. Мераб был философом в единственно точном смысле этого слова. Ибо любил свет мудрости, ценил ум, верил в здравый смысл.



Юрий Сенокосов

«НА АРЕНУ ВЫШЕЛ БОЛЬШЕВИЗМ»

Беседа с Мерабом Мамардашвили

27 ноября с.г. в московском аэропорту скончался от сердечного приступа выдающийся грузинский философ, профессор, доктор наук Мераб Мамардашвили. М.Мамардашвили окончил МГУ в 1953 г. В 1968–1974 гг. занимал пост зам.главного редактора журнала «Вопросы философии». С 1980 г. жил в Тбилиси, работал в Институте философии АН Грузии, был профессором Тбилисского университета им. И.Джавахишвили. Занимался философией Гегеля, Гуссерля, был признанным авторитетом по Прусту и Декарту. М.Мамардашвили был избран в Национальный Конгресс Грузии. По имеющимся сведениям, М.Мамардашвили скончался вскоре после того, как встретившие его в аэропорту члены «Круглого стола», пришедшего к власти в республике после последних выборов, запретили ему вернуться в Грузию (М.Мамардашвили был известен своим резко критическим отношением к позиции, занимаемой З.Гамсахурдия и его сторонниками).

Мы публикуем интервью М.Мамардашвили, взятое для «Страны и мира» незадолго до смерти философа. С М.Мамардашвили беседовала журналистка Ольга Васильева. О расстановке политических сил в Грузии, обсуждаемой в интервью, см. статью Т.Гудава в разделе «Страна сегодня».

Что заставило часть грузинской интеллигенции войти в Национальный Конгресс? Вас лично?

Причины две. Одна чисто грузинская: у нас еще сохранились такие понятия, как дружба, дружеские связи своей компании. Мои друзья входят в политический клуб, который принял участие в работе Координационного центра.

Это первое. Во-вторых, я считаю необходимым создание в Грузии политического центра, который был бы внепарламентской концентрацией общественного мнения. Такая потребность существовала в Грузии – на ее волне возник проект Народного фронта, в котором эта идея реализована не была, что, кстати, его и погубило. А идея осталась – идея создания некоего форума, который, с одной стороны, обладал бы моральным и интеллектуальным авторитетом, а с другой – был бы школой парламентской деятельности, где люди обучались бы тем парламентским знаниям, которыми они естественным образом не обладают. Все мы выходим из одного и того же темного туннеля при отсутствии гражданского общества и самого феномена политики.

Политика как в России, так и в Грузии только рождается. Ведь и Россия, и Грузия жили во внеполитическом государстве. Ни КПСС, ни Советское государство не являются политическим феноменом, это особые социальные формирования, для которых нужны другие, не аристотелевские термины.

Каковы функции Национального Конгресса? Какой смысл вкладывают его лидеры в заявление, что «Национальный Конгресс будет субъектом международного права, который будет говорить от имени грузинского народа, но не органом власти»?

Есть такой срез слов, в котором слова значат ровно столько, сколько значения им придаются. Национальный Конгресс будет таким, какое значение мы ему придадим. То есть частично и такое значение, какое придаю ему я. Может не получиться, может возобладать какое-то другое значение. Кто-то может вкладывать в слова «Национальный Конгресс» значение параллельной, конкурирующей власти. Я против такого значения. Но я тоже участник Конгресса и я постараюсь, чтобы он был таким, каким видят его мои единомышленники.

То есть школой внепарламентской борьбы?

Нет. Школой парламентской жизни, находящейся вне парламента. Когда создавался Конгресс, не было никакой гарантии, что в Верховный Совет войдут действительно прогрессивно мыслящие и компетентные политики. И на тот случай, если Верховный Совет будет поглощен официозом, необходимо было иметь подобие парламентской деятельности, чтобы публично могли обсуждаться реальные вопросы общества. Это попытка компенсации возможного одностороннего подхода Верховного Совета.

Каким образом Национальный Конгресс собирается решать эти вопросы?

Обыкновенным путем. Путем альтернативных разработок и публичного их обсуждения, создания компетентных комиссий. А сегодня на первый план вышла другая сторона Национального Конгресса – он должен быть противовесом возможным деспотическим претензиям Верховного Совета. Этот вопрос мог и не встать, если бы в Верховном Совете реализовался предвыборный расклад политических партий освободительного движения.

Существовала система, коммунизм, которая имела формальное, ритуальное большинство. Сегодня ситуация изменилась в том смысле, что победило безыдейное, то есть не имеющее никакого отношения к коммунистическим идеям, и даже противоположное по идеям, но реальное лицо самой системы как образа жизни, мышления, как форма социальных отношений.

Как Национальный Конгресс относится к понятию переходного периода? К заключению Союзного договора?

Для меня это означает построение независимой формы жизни до того, как будет объявлена независимость. Сейчас, безусловно, бессмысленно наклеивать этикетку, ибо нет содержания.

Союзный договор не может быть заключен сегодня, поскольку он как конституционный договор заключается между конституционными субъектами. Но нам еще всем предстоит стать конституционными нациями. Мы пока не знаем своих прав и обязанностей и в таких условиях не можем оговаривать делегирование каких-то прав Центру. Сейчас мы видим попытку решить априори, какие существуют права наций и какие из них могут быть делегированы Центру. Такая попытка с самого начала обречена на неудачу, поскольку использует имперское знание и имперский стиль. Советское государство будет существовать только при условии, если центр найдет в себе мужество и решимость отпустить на волю конституционные процессы в республиках. Республики должны создать свои конституции, люди должны быть рождены этой конституцией. Только тогда граждане смогут заключить Союзный договор.

Отношения с Россией могут быть построены только как взаимоотношения независимых государств. Нам нужно расцепиться – я говорю о демократическом движении. Я не хотел бы, чтобы судьбы грузинской демократии определялись крахом русской демократии. Для таких опасений есть много оснований. Кроме того, существует проблема эволюции русской демократии. В этом смысле Анатолий Стреляный был прав, когда указал на роковую черту русской демократии – странное, все время воспроизводящееся сочетание некоторого свободомыслия и великодержавности. Нам нужно расцепиться, лишь тогда мы сможем быть в союзе с русскими демократическими силами. В противном случае – это объятия в тумане. Я думаю, что такое отношение сохранится на любой ступени развития грузинского освободительного движения. Хватит обогрывать друг друга теплом собственных тел, может быть, став в сторону, мы придумаем центральное паровое отопление.

Как вы оцениваете результаты выборов в Верховный Совет, которые прошли 28 октября?

Основной результат выборов в том, что из законодательной деятельности полностью исключен интеллектуальный элемент грузинской культуры и общества. Это печально. В остальном случившееся скорее можно оценить оптимистично. Борьба только начинается. Борьба не внутри освободительного движения, а борьба с советским строем жизни, борьба с коммунизмом как с системой жизни и ее ценностей. На сегодняшний день коммунизм проявился своим реальным лицом – как определенный способ жизни. Ведь коммунизм до сих пор властвовал не идеями, а определенными реалиями. КПСС существовала не как политическая партия, а как способ жизни, государство было не государством, а идеологическим и моральным переплетением самой человеческой массы, которая фактически сама над собой властвовала, сама себя казнила, сама себя награждала. И никто никогда не мог столкнуться с властью, потому что она никогда не выступала с открытым забралом. Это свойство всякой абсолютной власти. Абсолютная власть, коммунистическая власть может быть только аморфной, диффузно существующей в миллионах своих субъектов. Это закон. И освободительное движение будет с себя сбрасывать эти идейные шкуры и приходить к действительным идеалам свободы, демократии и гражданского общества. В результате выборов на арену вышел большевизм, не прикрытый идеологией. Он еще не победил. Для победы он должен сначала победить освободительное движение. Я думаю, что много людей, действительно жаждущих свободы и достойной жизни, находятся в рядах «Круглого стола». Они, безусловно, будут участниками будущей динамики освободительного движения, и многие из них, возможно, примкнут к Конгрессу.

На чем основывается ваш оптимизм?

В Грузии идея свободы живет несколько тысячелетий, и я не думаю, что период в несколько десятилетий может быть таким роковым.

Трагизм состоит вот в чем: почему мы своей собственной шкурой должны платить за советское имперское наследие, за то наследие, которое отложились в душах людей? За их социальную немочь, их немочь гражданскую, мыслительную? Сможем ли мы вернуться из мертвого царства коммунизма в реальную жизнь, во время и в историю... Этот вопрос может быть сформулирован еще более узко: сейчас, когда спали внешние цепи тоталитарного режима, могут ли вернуться к нормальной жизни русские? грузины? В русских я вижу много такого, что толкает меня скорее к отрицательному ответу. Что касается грузин, то я пока тоже не вижу положительного ответа, хотя и ближе к нему, поскольку у них сохранились еще зачатки яростного индивидуализма и жизнелюбия.

Тем не менее грузины сегодня проголосовали за сильную антикоммунистическую власть.

Ее еще нужно создать. Они не голосовали, они «проявились». Мое воодушевление окрашено легким чувством отвращения к проявившимся здесь чертам советского человека, формирование которого является единственным «достижением» 70-летнего коммунистического правления. Семьдесят лет – для истории это миг, в данном случае миг гражданской войны. Прекратился нормальный обмен в социальном организме, образовались социальные пустоты, пустоты заполнились фантомными образованиями. Это советское государство, советская империя. Хотя по своей кровожадности это вполне реальные образования, но мне уже приходилось говорить, что именно фантомы больше всего пожирают крови.

Что такое «*homo soveticus*»? Это человек нигилистической морали и распределительной этики, это человек, обожествивший идею, согласно которой государство – это Молох, перед лицом которого никакие человеческие проблемы не имеют значения. Мы все время находимся в вечном беге, ищем, кому «сказать спасибо, что живой». А как только этот вопрос овладевает душой, он губит гражданина, превращает человека в раба. Эта идея достаточно глубоко поразила и грузин. Идея демократии и свободы воспринята как идея нового, но уже справедливого распределения, а не как идея личной свободы. И, слава Богу, что эта идея вышла сейчас на свет без оболочки коммунистических слов. Борьба с лозунгами было невозможно – что может быть возвышеннее и лучше, чем слова: «всем жить вместе, все равны, распределять по потребностям». Но реальность использует эти слова как орудие для беззащитного личного выживания. Сейчас с сути коммунистической системы сброшено идейное покрывало. Теперь мы можем локализовать свой гнев. И это большой шаг вперед, хотя сами выборы сегодня не стали прогрессом как таковым – ни экономическим, ни политическим, ни культурным, ни идейным.

Второе, что я называю «советизмом», – это потребность в идолах и связанном с ними рабстве. В Грузии досоветского периода никогда этого не было – каждый сам себе был царь. Недаром у нас существовал фантастический удельный разброд при сохранении символического единства на протяжении всей истории. Сегодняшняя потребность в идолах привнесена в Грузию со стороны советской системы. Это – вырождение нации, если под вырождением понимать то, что не вытекает из исторической традиции и вместе с тем существует как типичное, массовое.

Сегодня на выборах победило реальное лицо коммунизма, то есть то, что в народе является базой коммунизма. И в этом смысле у нас действительно народная власть. Все теперь будет зависеть от здравого смысла, нерассуждающей страсти свободы, яростного индивидуализма, от того, что каждый участник внесет в движение. Мы можем прийти к чему-то хорошему в той мере, в какой свободолюбие сохранилось в моем народе.

Как сложатся, на ваш взгляд, взаимоотношения Верховного Совета и Национального Конгресса?

Не знаю. И, честно говоря, меня не слишком волнует этот вопрос, поскольку я не политик, по очень веским для меня причинам. Для меня, как для человека большого свободой и философией, вся политика как таковая – совершенно чуждая мне игра. Это необходимая плата, которую мы платим бытию или Богу за нашу греховность. Я живу с сознанием этой платы, и тем самым исключаю, что могу сам заниматься конкретной политикой.

Я исхожу из того, что у меня своя компания. Моя компания – это «человек улицы», живущий своей жизнью и изнутри своей жизни видящий, насколько чудовищно несправедливо устроено советское общество, которое просто брызжет ложью, насилием, несправедливостью. Это единственные и основные мои проблемы как свободного существа и как возможного гражданина.

Да, но мы находимся в реальной ситуации противостояния Координационного центра и «Круглого стола»...

Я думаю, что динамика их отношений будет определяться тем, насколько много будет людей, исходящих из здравого смысла и своего свободного, «догосударственного» ощущения. Поэтому я весьма оптимистически смотрю на будущее, хотя называю это состояние другими словами – крайний метафизический пессимизм. Именно потому, что я не связан никакими надеждами, передо мной все время открывается ровно веселое, незамутненное разочарованием пространство, то, что называется «трагической веселостью». Я считаю, что борьба только начинается. До этого ее не было, потому что она была вся в подполье. А сейчас она может стать действительно борьбой – вещи должны выступить со своим лицом.

И мы действительно живем в переходный период, вдвойне переходный, как выражается Гамсахурдия. Только к чему? Для меня к чему-то другому, чем представляет себе Гамсахурдия. В этом смысле у нас политическое разногласие. Только он ошибается, если думает, что я его конкурент. Я не политический деятель и не собираюсь выступать в качестве такового.

Вы лично не боитесь репрессивных мер по отношению к себе? Ведь вам давно приклеили ярлык «врага нации»?

Знаете, чувство страха рождается в ситуации, когда ты априори ставишь другого человека заведомо ниже себя, лишаешь его в своем сознании каких-то определенных человеческих черт характера. Заранее считаешь его ущербным. Это и порождает чувство страха. И поэтому я могу ответить определенно: не боюсь. ●



Р.Бахтамов



НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ

ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОРАЖАЕТ В ПРАКТИКЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР? НЕТ, НЕ МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ, НЕ ТЮРЬМЫ, НЕ ЛАГЕРЯ. САМОЕ ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ — ЛЕГКОМЫСЛИЕ, ПРЕСТУПНАЯ САМОНАДЕЯННОСТЬ ЛЮДЕЙ, ВЗЯВШИХ НА СЕБЯ СМЕЛОСТЬ РАЗРУШИТЬ ВЕСЬ ВЕКОВОЙ УКЛАД ЖИЗНИ — ЭКОНОМИКУ, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, НРАВСТВЕННОСТЬ, САМ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИЙСЯ ТИП ЧЕЛОВЕКА, ВО ИМЯ СМУТНЫХ, ОТВЛЕЧЕННЫХ, УМОЗРИТЕЛЬНЫХ ПОСТРОЕНИЙ, ВОЗВЕДЕННЫХ В РАНГ ИДЕАЛА. ПОХОЖЕ, НИКТО ИЗ СТРОИТЕЛЕЙ НОВОГО МИРА ДАЖЕ НЕ ДАЛ СЕБЕ ТРУДА ЗАДУМАТЬСЯ, КАКИМ БУДЕТ ЭТОТ МИР И КАК ОТРАЗИТСЯ НА ЧЕЛОВЕКЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ. АНАЛИЗУ ТЕХНОЛОГИИ И ПОСЛЕДСТВИЙ РАЗРУШЕНИЯ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ДРЕВНИХ ТАКИХ ИНСТИТУТОВ — ПРАВА — И ПОСВЯЩЕНЫ НАСТОЯЩИЕ ЗАМЕТКИ.

Маркс не читал Зигмунда Фрейда, не мог по времени. Ленин мог и, вероятно, читал: уже в начале нашего столетия работы Фрейда пользовались известностью. Вряд ли, однако, они привлекли внимание Владимира Ильича. Главной характеристикой человека была для Ленина принадлежность к классу, основным содержанием жизни — классовая борьба.

Круг интересов Фрейда лежал в иной плоскости, биологической. Человек как существо мыслящее сформировался сравнительно недавно — тысячи, пусть даже десятки тысяч лет назад. А что было до этого? До этого были сотни тысяч или миллионы лет животного существования. Если допустить, что каждый из этих периодов получил адекватное отражение в мозгу, то собственно человеческое (сознание) должно было представлять собой лишь внешний, поверхностный слой, испытывающий постоянное давление неизмеримо более мощного животного начала, бессознательного.

В этом противоборстве двух начал Фрейд видел источник многих психических заболеваний. Здесь усматривается, однако, и нечто, гораздо большее — хрупкость всего того, что образует человеческую цивилизацию: культуры, науки, права, нравственности. Точнее не столько материальных свидетельств этой цивилизации, сколько их отражения в сознании человека. Шахматы — умная и тонкая игра. Но только до того момента, пока мы признаем правила игры. Стоит отбросить эти правила, и шахматы превратятся в скопление бессмысленных деревяшек.

Но это не все. Главная опасность, может быть, в том, что отказ от принятых в обществе правил игры вовсе не возвращает человека в бесхитростный мир животных. Нет, и став зверем, человек в полной мере использует такое дьявольское изобретение природы, как сознание. Какое-то представление о том, к чему ведет подобный "симбиоз", дает повесть Г.Уэллса "Остров доктора Моро", но куда более сильное и яркое — история XX века.

1 ● Однажды определив государству, праву, морали, религии место надстройки, Маркс специально ими не занимался. Ему было ясно: надстройка на базе капиталистического производства может быть только буржуазной. Изменится базис – возникнет другая надстройка. Какая? Естественно, коммунистическая. Владимир Ильич в самый канун Октября попытался набросать схему новой надстройки. Работа "Государство и революция" была впервые опубликована в мае 1918 года. К тому времени читатели уже накопили опыт, позволяющий сравнить передовую теорию с низменной практикой.

Началом практики следует, видимо, считать 22 ноября 1917 года – день принятия ленинского декрета о суде, которым вся существовавшая ранее система была сломана сверху донизу. Внешне тут все логично. Право и судебную систему следовало либо вообще уничтожить, либо коренным образом изменить – ведь это было *буржуазное* право.

Однако, что такое буржуазное право? Странно, но на этот вопрос вразумительно не ответил никто: ни Маркс с Энгельсом, ни Ленин, ни бесчисленные их комментаторы. Каноническая формула ("Право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных государственной властью в интересах господствующего класса") ровно ничего не объясняет. Запрет на убийство, на хищение, на подделку документов – неужто все это буржуазные нормы, установленные в интересах господствующего класса? Нет? Тогда о каких конкретно нормах идет речь?

Буржуазное (то есть современное) право действительно отличается от феодального или рабовладельческого. Но чем отличается? Прежде всего тем, что исключает привилегии какой-либо группы, сословия, класса. Для закона все равны – и в своих правах, и в своей ответственности перед законом.

Однако констатация этого очевидного факта мало что значит. Важно, что современное право представляет собой итог длительной эволюции, результат исключительно сложного развития человеческой мысли, правовых открытий и изобретений, рожденных многовековым опытом.

Людам, воспитанным на двухцветной классовой гамме, трудно понять, что право есть одно из величайших достижений культуры – не феодальной или буржуазной, но *человеческой*. Достижение тем более значительное, что право и в самом деле – область *острейшей* коллизии интересов: интересов отдельных людей, классов, общества, государства. Эти интересы не просто не совпадают, чаще всего они – *противоположны*. Было бы наивным уверять, что право их примиряет – это невозможно, но оно их *ограничивает*, регулирует, вводит в цивилизованное русло.

Нормы права можно сравнить с дорожными знаками. Только знаки здесь несравненно сложнее: соотношение примерно такое, как между дорогой и жизнью. Очень рано, по крайней мере в Средние века, люди, занимавшиеся созданием правовых норм, поняли, что *главную* опасность для человека представляет не другой человек (от него можно защититься), а *государственная машина*, стремящаяся использовать закон в собственных интересах. Если рассматривать историю права под этим углом зрения, то закономерность очевидна: развитие права и есть в сущности процесс укрепления прав человека, усиления его защиты от государства. Именно эту цель преследуют и *Habeas corpus act* (закон о защите личности), принятый английским парламентом в 1679 году, и презумпция невиновности, и суд присяжных, и принцип, по которому сомнение толкуется в пользу обвиняемого, и вся та тончайшая сеть процессуальных норм, которая предохраняет человека от государственного произвола.

Но, может быть, вся эта система действовала только там, на Западе? У нас же было иначе: царь, жандармы, столыпинские галстуки, закон, что дышло... Интересно, однако, что даже в сталинские времена о состоянии дореволюционной

российской юстиции писали двусмысленно. С одной стороны, конечно, жестокость, произвол, жандармы и все прочее. Но с другой: судебная реформа 1864 года привела к созданию в России самой передовой, самой прогрессивной (хотя, разумеется, буржуазной) системы права.

Странно? Это и в самом деле был странный и рискованный опыт: в стране едва освободившейся от крепостных порядков, ввести такие институты, как отделенные от администрации и независимые судьи, суд присяжных, адвокатура, устный и состязательный процесс... А самое удивительное, что опыт *удался*. И следователи, и судьи, и присяжные действовали не только свободно, но и квалифицированно: об этом свидетельствуют многие сложнейшие процессы тех лет. Характерно, например, что суд присяжных, составленный преимущественно из украинских крестьян, вынес оправдательный приговор по знаменитому делу Бейлиса. Давление прессы, громкие речи в Государственной Думе, угрозы – ничто не поколебало внутреннее убеждение присяжных.

Далеко не все знают, как тяжело далась Л.Толстому глава романа "Воскресение", посвященная неправому суду над Катюшей Масловой. Первый вариант этой главы Кони, видный юрист и друг Толстого, решительно забраковал. Было просто невероятно, чтобы судья в напутственном слове присяжным не упомянул о том, что Катюша дала купцу яд без намерения лишить его жизни, что сами присяжные об этом обстоятельстве забыли, что судья, обнаружив явную ошибку, не отменил вердикт, что апелляция не нашла оснований для отмены приговора. Автору пришлось долго и сложно аргументировать каждую ошибку, наслаивая одно несчастное совпадение на другое. Только после этого ошибочный приговор стал хотя и маловероятным, но *возможным*.

Значение судебных решений далеко выходит за рамки конкретных дел. Некий человек построил бассейн на своем участке. Вода из бассейна нашла дорогу сквозь слабый подземный пласт и затопила участок соседа. Кто должен возместить убытки? Естественно, владелец бассейна. Однако владелец представил суду заключение специалистов, утверждавших, что сооружение бассейна безопасно. Вины специалистов? Но приглашенные эксперты заявили, что специалисты не могли предвидеть прорыв воды из бассейна. Значит, убытки должен нести пострадавший? Нет, решил судья, убытки обязан возместить хозяин бассейна. Почему? А потому, что тот, кто строит объект, могущий представлять опасность для других, должен принять особые, чрезвычайные меры предосторожности, исключающие даже малую вероятность вредных последствий.

Второй случай еще нагляднее. Группа потерпевших кораблекрушение отказалась пустить в спасательную лодку "лишних" людей – иначе могло не хватить запасов продовольствия. Люди, оставшиеся на тонущем судне, погибли. Адвокат, который защищал подсудимых, сослался на то, что их действия были оправданы обстоятельствами: они спасли свою жизнь. Приговор гласил: "Безнравственной и преступной представляется сама мысль, что кто-то вправе спасти свою жизнь ценой жизни других".

Смешно думать, будто Ленин, юрист по образованию, не знал, что представляет собой современное ему право. Зачем же ему понадобилось, да еще в одном из самых первых своих декретов, ломать эту систему "сверху донизу"? Во-первых, Ленин и в самом деле считал это право буржуазным. И не столько уголовное законодательство, сколько *гражданское*, основанное на праве *собственности*. Уничтожив частную собственность, объявив орудия и средства труда монопольной собственностью государства, новая власть практически аннулировала, лишала смысла всю сложнейшую систему норм, регулирующих эту важнейшую сферу человеческих отношений.

Понятно, назвать эту систему буржуазной можно было лишь условно, ибо все основные принципы и нормы гражданского права сформировались в Древнем Риме. Казалось бы, тот очевидный факт, что эти нормы просуществовали, не очень даже

меняясь, *два тысячелетия*, должен был побудить Ленина задуматься. Например, о том, не слишком ли рискованно ломать не только сами эти нормы, но и всю систему отношений, которую они регулируют?

Есть, однако, и во-вторых. Так вот, во-вторых, юриста Ленина буржуазное право не устраивало не только потому, что оно *буржуазное*, но и потому, что оно *право*. Это позднее, в начале 20-х, Владимир Ильич будет объяснять своим соратникам, что право необходимо, что законность не может быть калужской или казанской, а должна быть единая всероссийская, что ограничивать гардероб обывателя одной парой штанов — это уже чересчур. Все это, однако, будет потом, когда главный вопрос, удастся ли большевикам *удержать власть*, решится. Пока же вопрос решается, право не просто не нужно, оно *вредно*. Диктатура есть никаким законом не ограниченное насилие...

Насилие, ладно — на то и революция, но почему новой власти так важно было освободить себе руки от закона, *любого* закона? Сейчас модно изображать Ленина в двух ипостасях. Первой — пламенного вождя революции и гражданской войны, второй — разумного и даже прагматичного государственного деятеля эпохи нэпа. По-моему, разграничительную линию, если она вообще существует, надо проводить по-другому: между руководителем одной из многих партий, добивавшихся власти, и главой партии, которая эту власть получила в результате революции, напоминающей вульгарный военный переворот. У дореволюционного Ленина можно найти что угодно: и идею о приоритете общечеловеческих интересов перед классовыми, и убедительные доводы в защиту свободы и демократии, и соображения в пользу этики и нравственности, и веру (видимо, искреннюю) в близкое торжество коммунизма — в постепенное отмирание государства и права.

Кажется, с *разочарования* именно в этой вере и началась трансформация Владимира Ильича. И он, и основоположники марксизма исходили в сущности из несложной посылки. Государство и право необходимы в обществе, где у власти стоят классы, составляющие ничтожное *меньшинство*. Чтобы поддержать это противоестественное состояние, и необходим специальный аппарат насилия. Революция переворачивает пирамиду, передает власть основной массе народа. Нужен ли этому огромному большинству какой-то особый аппарат, чтобы подавить сопротивление ничтожного меньшинства? Очевидно, нет. Или уж во всяком случае нужен ненадолго.

Поначалу казалось, что события развиваются в полном соответствии с теорией: октябрьский переворот свершился почти бескровно. Было, однако, в воздухе нечто такое, что заставило Ленина насторожиться. Может быть, статьи в газетах, или первые сведения о ходе выборов в Учредительное собрание, или массовое бегство интеллигенции на Юг. А может быть, где-то в глубине души Ленин сам сомневался в этой простой схеме, понимая, что на практике все будет совсем по-другому: новая власть столкнется с противодействием большей части населения.

А это — как раз тот случай, когда нужен уже не просто аппарат насилия, но аппарат удвоенный и утроенный, беспощадный, готовый использовать в борьбе любые средства, свободный от всяких ограничений — правовых, моральных, каких-угодно. Только в такой игре — без правил — у меньшинства останутся шансы победить в борьбе.

Итак, через несколько дней после революции *правила отменяются* — вступает в силу декрет об уничтожении суда и всей существующей юридической системы; еще через две недели создается ЧК — организация, призванная *вести* игру без правил. Об этом свидетельствует ее структура. ЧК объединила весь диапазон функций: тайный сыск, арест, содержание в тюрьме, предварительное и окончательное следствие, вынесение приговора и приведение его в исполнение. Ни феодальное право, ни даже судебная система рабовладельческого Рима ничего подобного не знали.

Нас уверяют, правда, что виной всему – чрезвычайные обстоятельства: революция, гражданская война. Это они побуждали брать и расстреливать заложников, уничтожить без суда и следствия царскую семью, топить баржи с пленными. Однако расправа над группой профессора Таганцева (в нее входил Н.Гумилев), или произвольная высылка из страны группы видных философов и ученых, или показательный процесс над эсерами никакими *особыми обстоятельствами* не вызывались.

Впрочем, к чему спорить, когда известно мнение такого специалиста, как Ф.Дзержинский. Объясняя, почему ЧК было предоставлено право изолировать людей "административным порядком", Феликс Эдмундович простодушно заметил, что иначе "всякий суд, даже самый суровый, их всегда или в большей части оправдает".

Это высказывание замечательно по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, оно характеризует, конечно, *деятельность* возглавляемой Дзержинским организации – те "материалы", которых было достаточно, чтобы арестовать человека. Во-вторых, – и это, пожалуй, еще важнее – общую *правовую обстановку* в стране, уровень правосудия и правосознания.

Я уже говорил, что успех судебной реформы 1864 года в чем-то был неожиданным. Как случилось, что полуфеодалная страна так естественно восприняла самую передовую по тем временам правовую систему? Если отрешиться от мистики (особые свойства национального характера, природная совестливость русского человека и т.п.), надо признать, что на то были *объективные* причины. С одной стороны, общая правовая атмосфера в стране: уважение к закону и суду, вера, что именно суд олицетворяет право и справедливость. С другой, – чрезвычайно высокие деловые и личные качества юристов-профессионалов: следователей, прокуроров, адвокатов, судей.

Это последнее соображение вряд ли нуждается в доказательствах. Судебные речи крупнейших дореволюционных адвокатов давно стали классикой. Деятельность следователей или прокуроров известна меньше. Ясно, однако, что эффективность защиты зависит от уровня компетентности и независимости всех остальных участников процесса – прежде всего суда.

Да, в России было самодержавие. Но самодержавие (при всех его недостатках) не следует путать с произволом и беззаконием. Закон, следствие, суд – все это было *свято*. Просто невозможно себе представить, чтобы чиновник любого ранга (хоть бы и сам царь) нарушил закон или принятую процедуру, потребовал к себе следователя, дал указание судье. Любое такое действие вызвало бы даже не возмущение, а изумление – настолько это было невероятно.

Конечно, со времен судебной реформы 60-х годов утекло много времени. За эти годы была и контрреформа 1889 года, и мировая война, вызвавшая всеобщее ожесточение. И все-таки слова Дзержинского означали, что в стране сохранялись и законность, и правовая система, и суд, который выносит решения на основе не указаний, а доказательств.

Не думаю, чтобы сохранение такого суда изменило исход гражданской войны, но ее атмосферу – безусловно. От одних мер (например, захвата заложников и массовых расстрелов) большевикам пришлось бы отказаться, другие (та же продразверстка) проводились бы иначе – с соблюдением хотя бы видимости законности. Взаимная ненависть, понятно, не исчезла бы, но борьба приняла бы иные формы, более *цивилизованные*.

Не стоит представлять себе дело так, будто Ленин задался целью разрушить правовую основу государства. Нет, цель у него была другая – победа любыми средствами, разрушение же права было лишь *побочным продуктом* войны "без правил" (так же, как дефицит – всего лишь побочный продукт социалистической системы хозяйствования). И особого ожесточения Владимир Ильич не испытывал (откуда ему было взяться, если вождь никогда и не приближался к фронту?), вполне обходясь доводами разума. С самого начала усвоив тезис о великой роли *насилия*, он с течением времени убеждался (критерий истины – практика), что

насилие — средство поистине *универсальное*. Зачем уговаривать крестьян и давать им расписки на хлеб, когда хлеб можно взять силой? Зачем просить церковь жертвовать имущество голодающим, когда достаточно священников расстрелять? Зачем вообще суд, если можно ввести институт заложников и убивать, руководствуясь не доказательствами вины, а безошибочным классовым чутьем?

Применительно к судебной системе логика *наклонной плоскости* просматривается удивительно четко. Суд присяжных тихо умирает, вытесненный военно-революционными судами. На смену им приходят ревтрибуналы, "тройки", "двойки", расстрелы заложников без суда и следствия. Складывавшийся веками механизм судопроизводства — состязательность сторон, адвокатура, цепь процессуальных гарантий — упраздняется. Его заменяют соображения *целесообразности* и *революционного* (позднее социалистического) правосознания.

2. Я уже говорил, что современная советская мифология предлагает нам двойной портрет вождя. Ленин первых лет революции увлекался (революционная романтика!), совершал ошибки, иной раз его несло по течению. Зато Ленин эпохи нэпа... о, это был человек совсем иного склада: горячий сторонник рынка, свободы, демократии, законности.

Так вот, о *законности*. Окончание гражданской войны поставило перед победителями множество проблем. Одна из самых сложных и деликатных — отношение к *праву*. Если следовать указаниям основоположников, включая самого Ленина, то государству рабочих и крестьян надлежало создать условия для постепенного *отмирания* права. Для начала хотя бы из оборота такое крайнее средство, как смертная казнь, сузить сферу действия уголовного закона, развить те правовые тенденции, которые сами классики марксизма считали прогрессивными: состязательность, гласность, защиту прав подсудимого...

Знакомство с первыми же юридическими актами мирного времени убеждает, что ничего похожего на отмирание права не наблюдается. Вместо этого сокровищница марксистской теории обогащается новым понятием, которому суждена долгая и славная жизнь, — *социалистическое право*.

Конечно, прилагательное "социалистический" способно облагородить любое существительное. И все-таки было бы интересно выяснить, чем социалистическое право *отличается* от буржуазного, какими новыми подходами, нормами, процессуальными гарантиями обогатил человеческую культуру самый передовой общественный строй?

Странно, но прямого и ясного ответа на эти вопросы мы не найдем ни в юридических учебниках, ни в специальных монографиях. Единственное, что утешает: оба основных кодекса (уголовный и гражданский) были подготовлены при "непосредственном участии В.И.Ленина". Кое-какое представление о характере этого участия дают письма вождя тогдашнему наркому юстиции Д.Курскому и формулировки, разработанные лично Лениным. Такие, например, как знаменитое определение "пропаганды и агитации" (будущая статья УК РСФСР 58—10) или научное обоснование "высшей меры", отказ от которой был бы "лицемерием".

Нет, в лицемерии Ленина не обвинишь. И не его вина, что новое, социалистическое право, которое предстояло создать, вызывало у него смешанные чувства. С одной стороны, государство — даже социалистическое — никак не может *обходиться* без права. С другой, вождь как огня боялся того, что право — даже социалистическое — *ограничит* возможности применения государственного насилия хоть какими-то рамками, хоть в чем-то свяжет руки органам, созданным именно для того, чтобы творить насилие без ограничений.

Будем точны. Ни Ленин, ни его преемники не внесли в правовую науку ни *единой* новой буквы. Вся их многотрудная (без кавычек) деятельность сводилась к тому, что *выхолостить*, лишить *содержания* правовые нормы: любые — и материальные, и процессуальные.

Тут нужна оговорка. Иногда думают (на том мы воспитаны), что норма права адресована лишь человеку — тому, кто может ее нарушить. Это заблуждение. В той же мере она адресована *государству*. Скажем, нарушение порядка содержания под стражей, установленного английскими законами, влечет за собой не только немедленное освобождение арестованного, но крайне суровое наказание того, кто этот порядок нарушил. Ясно, что если бы принципы *Habeas corpus act* действовали в СССР, Сталин очень быстро оказался бы не вождем и учителем, а заурядным каторжником.

Что касается методики "выхолащивания", то она разнообразна. Вот несколько наиболее распространенных приемов.

Способ первый. Положение закона формулируется настолько широко и расплывчато, что под эту норму можно подвести все что угодно. А поскольку вопрос "подводить—не подводить" решает не независимый суд, а государство и его чиновники, то "неопределенная" норма толкуется вполне *определенно*.

Способ второй. Принятие законов, противоречащих духу права. Таких, например, как печально известный Закон "семь восьмых" ("хищение социалистической собственности") или пункт бывшей ст.58 об ответственности "членов семьи изменника Родины". Как известно, одно из самых зловердных изобретений буржуазного права — понятие *вины*. Суть его в том, что человека нельзя осудить за нечто (даже если это "нечто" имеет вид преступления), если в действиях человека нет вины — в форме умысла или неосторожности. Между тем ст.58—1в предусматривала наказание членов семьи изменника родины именно в том случае, когда они об измене не знали и, следовательно, никак не могли быть в ней виноваты. Этот принцип (так называемое *объективное вменение*) применялся и к "кулакам", и к бывшим членам бывших партий, и вообще к кому угодно. Власти не очень даже затрудняли себя подбором статей. Достаточно было, скажем, поставить литер СО (социально-опасный), чтобы отправить человека в лагерь или многолетнюю ссылку.

Способ третий. Практика *закрытых* законов и всякого рода разъяснений, инструкций и иных подзаконных актов, меняющих его содержание. С точки зрения любого права, все это — полная абракадабра, нонсенс. Законы принимают, чтобы их исполнять. Но как исполнять закон, если он не публиковался? И как угадать, какие деформации закон претерпит в процессе последующего "толкования"?

В том-то и дело, что назначение советского закона не в том, чтобы его исполняли, это как раз не очень существенно. Гораздо важнее, чтобы человек (при прописке, обмене бракованного товара, на улице, дома) ощущал свою ничтожность, свою полнейшую зависимость от всемогущей и загадочной особы государства. Существование в недрах системы неведомых и недоступных гражданину законов указывает человеку его место в иерархии. Тот, кому положено знать, знает.

Способ четвертый. *Объединение властей* — операция, обратная их разделению. Принцип разделения властей обычно связывают с именем Монтескье. На практике, однако, он начал применяться много раньше, чем был сформулирован. Например, в Афинах и Древнем Риме периода поздней республики, а у нас — в Киевской Руси и Новгороде. Трудно сказать, чем не устраивал большевиков принцип разделения властей (Ленин ограничился тем, что буркнул: "Разделение власти — это хитрый обман трудящихся буржуазией"), видимо, сама *мысль*, что власть можно с кем-то *делить*, была для них нестерпима. Так или иначе, но суду — однажды и навсегда — было отведено место на *задворках администрации*. В общей системе власти (районной, областной, республиканской, союзной) суд котировался выше разве что органов просвещения и здравоохранения, все остальные инстанции — партийные, советские, прокуратура, КГБ — стояли явно выше. Забавно, что это проявляется даже *внешне*. Самое старое, грязное, заплывшее строение в районе или городе — здание суда.

Способ пятый. Обыкновенный произвол. Согласившись (думаю, со скрежетом зубовным), что государство не может существовать без права, сам Владимир Ильич никогда не чувствовал себя связанным догмами закона. Волокита? Посадить на пять суток. Мягкий приговор? Разогнать суд. Философы, ученые, писатели в чем-то сомневаются? Выслать за границу. И аресты, аресты... Членов Всероссийского комитета помощи голодающим – за то, что факт этой помощи компрометирует власть; эсеров – поскольку предсказанный ими провал программы “непосредственного перехода к коммунизму” состоялся. Законные основания? Их нет, да они и не требуются. Диктатура есть никаким законом не ограниченное...

Вообще в семидесятилетней истории советского государства все основные, наиболее значительные события совершались *помимо закона*. Нэп и до сих пор официально не отменен. Коллективизация, индустриализация, высылка целых народов никакими законами и не были предусмотрены. Постановление ЦК ВКП (б) – открытое, а чаще тайное, принятое вдогонку за действием, – самое большое, на что историк может рассчитывать.

Вернемся, однако, назад – к тому времени, когда Ленин лично закладывал фундамент нового, социалистического права. Любопытно перелистать Гражданский кодекс 1922 года: что же в нем оригинального? Да, в общем, ничего. Римское право, Гражданский кодекс Наполеона (1804 г.) – все старое, давно известное.

Собственно, уже в самом появлении Гражданского кодекса скрыто противоречие. Объявив орудия и средства производства общественной собственностью, государство тем самым до предела ограничило сферу действия гражданского права. Отношения между разными субъектами госсобственности – сфера сугубо административная, не случайно споры между предприятиями рассматривает, как правило, не суд, а арбитраж. Что касается так называемой личной собственности, то по мере приближения к коммунизму ей полагалось стираться, исчезать, растворяясь в собственности высшего порядка, общенародной.

Правда, первый советский ГК принимался в период “временного оживления капитализма”, в годы нэпа. Характерно, однако, что и в последующих кодексах присутствует привычный набор атрибутов: виды сделок, право собственности, обязательства и наследственное право... Дело, понятно, не в правовых нормах – они вторичны и отражают *реальные отношения*, которые существуют в жизни. Оказывается, за семьдесят лет содержание этих отношений изменилось мало. Люди по-прежнему живут не лозунгами и заклинаниями, а все теми же заботами: берут в долг деньги, продают и покупают, стремятся что-то скопить и оставить детям.

3. Понимание того, что перестройка – в числе прочего-остального – должна изменить и *правовые основы* государства, пришло к новому руководству далеко не сразу. Понадобилось три с половиной года, прежде чем были написаны, а потом и произнесены с высокой трибуны исторические слова: *социалистическое правовое государство*.

Это отставание во времени имеет, конечно, свои причины. Первая – марксистская *табель о рангах*: в этой табели центральная роль отведена базису, системе производства; право же, вместе с религией и моралью, занимает скромное место в надстройке. Но была и вторая причина, практическая. В области права все обстояло куда как благополучно. Законы принимались и исполнялись, суды действовали, преступность снижалась... И *вдруг* – правовое государство.

Чтобы ощутить *крутизну* этого поворота, обратимся к энциклопедии. “Правового государства теория, – гласит БСЭ, – буржуазная политико-юридическая теория, согласно которой государство в своей деятельности связано правом и не должно выходить за установленные им рамки. Термин “правовое государство” введен в научный оборот И. Кантом. Широкое распространение... теория получила в середине 19 в. с утверждением капиталистических отношений и явилась в значи-

тельной мере переводом на язык правовой идеологии требований экономического либерализма”.

Государство, которое в своей деятельности чем-то *ограничено*, это, понятно, не про нас. Ни один советский вождь не считал себя связанным какими-то рамками – тем более такой безделицей, как право. О Ленине или Сталине говорить нечего. Но и любой из преемников Иосифа Виссарионовича был неизмеримо *выше* закона. Вспомним, например, как лихо обошелся с законом Н.Хрущев, приказав придать ему обратную силу. Или как свободно Л.Брежнев снял с поста главу государства, определив на вакантную должность себя. Или как Ю.Андропов распорядился досматривать кинотеатры и бани – в поисках прогульщиков.

Впрочем, тут интересно не то, кто и как *нарушал* закон (нарушали *все* – в зависимости от нрава и задач “текущего момента”), интересно, как эти многолетние, изо дня в день повторяющиеся нарушения отражались на *жизни* страны. Вроде бы – никак. Оно и понятно: юридические законы, в отличие от естественных, автоматически не работают, в действие их приводит (или не приводит) аппарат государства.

Однако можно вспомнить другие законы – экономические. Здесь последствия тоже не лежат на поверхности. Механизм, игнорирующий эти законы, работает, временами кажется даже, что работает успешно. Попробуй догадайся, что в механизм заложена *мина*, и часы уже тикают...

Эту мину нелегко обнаружить в экономике, но еще труднее – в праве. Что с того, что законами объявляются акты, противоречащие самому духу права; что хранитель законов – государство не считается даже с собственными псевдозаконами; что суд творит не правосудие, а волю того, кто сидит в соседнем здании? Да, ничего. Если, правда, не учитывать сущей безделицы: чего-то такого предельно хрупкого, почти невесомого, что охватывается понятием *правосознание*. “Психологическую сторону правосознания, – комментирует специалист, – составляют привычки и чувства людей в отношении правовых явлений: например, чувство справедливости, отвращение к беззакониям, преступлениям и т.д.”

Если все это не домыслы теоретиков, если такие чувства человеку действительно свойственны, то как же эти семьдесят лет мы жили без права? А так и жили. Право нам заменял *страх*, страх не перед законом, а перед силой *беззакония*. Он и был тем цементом, что связывал нас в государство и побуждал делать то, что в каждый данный момент от нас требовали. Разумеется, требования эти менялись, даже в каждый данный момент они не всегда были ясны. Неизменным оставался только страх – он был главной, а может быть, и *единственной нормой социалистического права*. Норма гласила: бойся всегда, бойся везде, бойся как можно больше. Этому правилу социалистического общежития мы и следовали.

И вдруг – надо же! – правовое государство. Отдадим, впрочем, справедливость Горбачеву: эту дикую, нелепую, прямо-таки *контрреволюционную* идею он преподнес публике в достаточно привычной упаковке. Первоначально, в Тезисах XIX партконференции, идея была сформулирована так: *завершить* создание *социалистического* правового государства.

Поскольку определение “социалистический” давно обрело в языке то же значение, что приставка “анти”, само это построение можно было счесть фигурой чисто риторической. Вождь, однако, этим не ограничился и разъяснил, что правовым государством следует считать такое, где на деле обеспечено *верховенство* закона.

Собственно именно это, казалось бы, чисто справочное уточнение и вызвало скандал. Специалисты – благо эпоха уже позволяла – мягко разъяснили главе государства, что никак невозможно *завершить строительство того, чего нет*. Вождь – о, времена, о нравы – разъяснения учел. Так что с некоторых пор речь пошла уже не о завершении, а о *строительстве* правового государства.

Что-то в этом направлении даже было сделано. Изменен порядок выбора судей, увеличены сроки их пребывания на посту, одобрен в принципе институт присяжных. Приблизились ли мы к правовому государству? Разумеется, нет. Более того, как раз после этих мер стало очевидно, что задача нереальна: здание нельзя построить без фундамента, на болоте.

Некогда Маркс заметил, что право не может быть выше, чем культурное развитие общества. В общем случае это, видимо, правильно. Есть, однако, нечто, может быть еще более важное, чем культура — *правосознание*. Или иначе: "совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным и неправомерным". Судебная реформа 1864 года — высочайшее по тем временам достижение юридической мысли — проводилась в стране, где основная масса населения была далека от культуры. Но успех реформы доказывает, что правосознание не тождественно культуре, а есть нечто *отдельное*, особенное, что складывается веками и опирается и на традиции, и на уклад жизни.

Разрушить уважение к закону было совсем не так просто. Конечно, Первая мировая война и революция расшатали фундамент. Но и в двадцатые годы, и даже в начале тридцатых суды выносили оправдательные приговоры по "политическим делам" — акт сродни самоуправству. Власти потому и вынуждены были для начала возложить судебные функции на ЧК, а затем создать Особое совещание и "тройки", что преодолеть *инерцию* правовой системы удалось не сразу.

Верно, во второй половине 30-х годов такой вариант уже был невозможен — суд стал тем, чем хотело видеть его государство, — *писцом*, конторкой по переводу решений власти на корявый язык приговора. Мы знаем, однако, что основной смысл репрессий 30-х годов состоял в уничтожении всех несогласных. В том числе, конечно, тех, кто сохранил веру в право и справедливость.

Увы, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Вся карательная политика 30-х годов — раскулачивание, процессы над "врагами народа" и расхитителями государственной собственности — преследовала, среди прочих целей, и такую: создать у людей новое, *социалистическое, правосознание*. Власти (а потом уже и граждане) исходили из презумпции, что любой человек виноват перед государством; арест и последующее осуждение были лишь естественным следствием этого основополагающего принципа. Доказательства не имели значения — их поставляли сами арестованные в подвалах НКВД. Но еще раньше, до следствия и суда, миллионы людей одобряли будущие приговоры и требовали самого сурового наказания за преступления, о которых пока не знали даже подсудимые. Через полвека мы будем удивляться и горестно разводить руками: откуда такое пренебрежение к человеческой жизни, к закону, к суду?.. *Оттуда*.

Если основным оружием Сталина был страх, то его преемники использовали другие средства: кадровую политику, равнодушие, цинизм. Люди, в большинстве своем глубоко невежественные, они, кажется, просто не догадывались, что есть такие понятия, как правосознание, законность, справедливость. Для них все это был идеализм, та невесомая, недоступная чувственному восприятию "материя", которой они не понимали.

И Горбачев, взявшись за перестройку, далеко не сразу ощутил, что стране не хватает *чего-то такого*, без чего реформы обречены. Не хватает *критериев*. Самых простых, элементарных критериев: законности, справедливости, нравственности.

Допускаю, что в самом начале дефицит можно было как-то восполнить. История знает примеры властителей, сумевших переломить нравы смутного времени, восстановить для начала хотя бы веру в справедливость. Здесь важно было с самого начала расставить все на свои места. Черное назвать черным, произвол — произволом, бедность — бедностью. Однако новый вождь принялся юлить и выкручиваться, спуская машину на тормозах. Подробно излагать трансформацию его оценок (революции, Сталина, коллективизации, террора и проч.) долго и нудно. Общий

ход революции ясен. Взяв за исходную точку утверждение, что дважды два шестьдесят один, Михаил Сергеевич постепенно спустился до тринадцати. На какой-то отметке мы сейчас и находимся. Нынешнему состоянию соответствует новый вариант старой поговорки: "Закон — что дышло, все уже давно забыли, что это такое".

С некоторых пор законы, указы президента, иные (то ли законные, то ли подзаконные, то ли вовсе незаконные) акты сыпятся на нас как из рога изобилия. Как отличить одни от других? Наивный человек скажет, что критерий существует — Конституция. Какая конституция, наша?! Но ведь это вообще не закон, а набор лозунгов и заклинаний, не имеющих отношения к жизни.

Вы скажете, есть Комитет конституционного надзора. Комитет действительно есть, и во главе его стоит человек, видимо, искренне стремящийся восстановить авторитет права. Однако функции комитета размыты (похоже, сознательно); критерии, которыми он руководствуется, неясны; в стране не осталось юристов, чье имя могло бы придать правовому акту то, чего ему не хватает, — законность.

Говорят, что законы не действуют потому, что у президента, Совета Министров и прочих высоких инстанций *мало власти*. Однако объем властных полномочий того же президента непрерывно растет, перешагнув все мыслимые пределы. Резонно предположить, что паралич власти — явление *вторичное, производное*. А главное — это полная утрата доверия ко всей правовой системе государства. К людям, которые закон принимают (мы знаем, как они выбраны), к самому закону (мы видели, кто и как обсуждает законы), к тем, кто обязан законом руководствоваться — уж тут нам доподлинно известно, что суд руководствуется не законом, а конъюнктурой: телефонным звонком, требованиями митингующих, статьей в центральной газете.

У советских законов (и прежних, и нынешних) есть замечательная особенность: они принимаются совсем не для того, чтобы их исполняли. Цель другая — подвести *правовое основание* под любые возможные действия властей. А поскольку власти не знают, как они сочтут нужным действовать в будущих обстоятельствах, то закон конструируется в расчете на все случаи жизни.

Скажем, Нагорный Карабах. Тут очевидна коллизия двух норм права. С одной стороны, народ, согласно Конституции, имеет право на самоопределение; с другой — Конституция запрещает изменение границ республики без ее согласия. Нетрудно догадаться, почему власти сочли для себя выгодным сделать упор на второй норме. Однако закрепить этот принцип в законе они побоялись. А вдруг завтра та или иная республика захочет отделиться? Ясно, что в таком случае выгодной окажется как раз первая норма. Недавно секретарь ЦК партии Гибенко прямо заявил, что отделение любой республики почти непременно приведет к пересмотру границ. До чего же тут будет к месту право на самоопределение: абхазцев — в Грузии, Приднестровья — в Молдавии, Крыма — на Украине...

Эту тенденцию можно проследить на примере любого нового закона: о собственности, земле, предпринятии, аренде. Поскольку закон сконструирован так, что оставляет властям свободу рук, а власти определенно не желают расставаться с прежней системой, естественно, что закон не работает. И дело тут совсем не в том, что у руководителей мало власти; скорее ее *слишком много*. Во всяком случае *достаточно*, чтобы принять закон в *такой* форме, которая делает его неработоспособным.

Вместе с тем, это палка о двух концах. Неопределенность закона выгодна, пока власть сосредоточена в одних руках, руках "толкователя". Но когда в государстве появляются другие силы (будь то Верховный Совет республики, райисполком или частное лицо) возникает множество "центров толкования". С этого момента закон перестает действовать, наступает полное безвластие, правовой вакуум.

Недавно Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ "Об усилении ответственности за злоупотребления в торговле и спекуляцию". Председатель ЦК профсоюза работников торговли Замыцкая потребовала Указ отменить. Почему? А пото-

му, что Указ "морально угнетает женщин, вызывает у них страх за свое будущее и за будущее своих детей". Логика в этом пассаже есть, хотя и своеобразная. Гражданка Замышкая убеждена, что воровство является столь же неотъемлемым *правом* торгового работника, как, скажем, право контролера – бесплатный проезд в автобусе. Понятно, что при таком подходе усиление ответственности представляет собой "явное ущемление прав". И эта *позиция* изложена публично, в центральной газете!

Гражданин Баткаев, поссорившись с соседом, ранил его выстрелом из охотничьего ружья. Следствие, прокурор, суд... Ничего подобного. Стрелявший – депутат сельского совета. А совет отказался дать согласие на привлечение Баткаева к уголовной ответственности. Вместо этого совет решил создать депутатскую комиссию, которой поручил расследование.

Провинциальная история из тех, что так красочно описывал Чехов? Но так ли уж отличается от нее история *столичная*, всесоюзная, может быть, уже и всемирная – история Гдьяна? Тут столько написано и наговорено, что я ограничусь только одним – анализом того, в чем обвиняют Гдьяна.

Прежде всего в личной нескромности, *саморекламе*. Гдьян, дескать, присваивал себе чужую славу, фотографирюясь на фоне ценностей, изъятых не только им самим, но и другими следователями. Самореклама, конечно, не украшает человека, но вот незадача – подобного состава преступления в Уголовном кодексе нет.

Второе обвинение серьезнее. Гдьян привлекал к ответственности одних и освобождал других. Это преступление? В общем случае – тоже нет, ибо закон дает следователю такое право. Чтобы эти обычные следственные действия квалифицировать как преступление, нужно доказать, что следователь *злоупотреблял* положением, действовал *корыстно*. Доказательств такого рода я не встречал.

Обвинение третье – содержание подследственных под стражей свыше установленного законом срока. А вы знаете, какой это срок? Я, например, не знаю. Зато знаю, что все эти хитрые операции со сроками оформлялись вполне *официально* что-то там продлевала генеральная прокуратура, что-то Президиум Верховного Совета. Если Гдьян в этом и виноват, то уже во всяком случае не он один. Однако о привлечении к уголовной ответственности тех, кто санкционировал действия следователя, вопрос почему-то не ставится. Но самое удивительное не это. Самое удивительное, что всем известен по крайней мере один вполне современный случай, когда обвиняемый (Адылов) находится под арестом свыше шести лет. И никого это, представьте себе, не смущает.

Конечно, длительное содержание под стражей противоречит духу права. Ну, а закон, который позволяет властям манипулировать сроками, разве не *противоречит*? А странная система (то ли официальная, то ли неофициальная), при которой арест любого, мало-мальски значительного лица требует чьей-то санкции, – *соответствует* духу права? Между тем Гдьян именно тем и объясняет затяжку следствия, что санкции на арест ему приходилось ждать месяцами.

Если не ошибаюсь, в старой России такая санкция требовалась в единственном случае – при аресте члена царской семьи. Разумеется, тоже нехорошо, недемократично. Но министра, губернатора, главу правительства независимый следователь мог арестовать самолично – закон давал ему это право. В других странах исключение сделано для членов парламента, смысл этой меры ясен. Советская же система построена на *сплошных исключениях*.

Даже для ареста рядового члена партии (коммунистической, разумеется) до недавнего времени требовалось согласие райкома. Тот мир, где арест – необходимый элемент "профессионального риска", среагировал на эту *норму* должным образом: ростом очередей на прием в славные ряды строителей коммунизма. Однако руководящие деятели КПСС легко разгадали хитроумный маневр. *Ставки* взяток на прием в партию были резко повышены.

Еще одно обвинение Гдлян — фабрикация дел. К сожалению, все тут настолько туманно, что перестаешь понимать, о чем речь. Существовала все-таки практика хлопковых приписок, взяток и т.п. или нет? Были ли изъяты (пусть не Гдлян, другими следователями) ценности на миллионы рублей? Вроде бы да — об этом свидетельствует, среди прочего, целый ряд приговоров. Послушаем, однако, что пишет по сему поводу столь серьезный журналист, как Ольга Чайковская: "борьбы с мафией на самом деле не было", "пошли процессы ("чурбановский" и другие), поразившие многих (и юристов, и неюристов) своей бездоказательностью и беззакониями". Сама Чайковская — не юрист, она историк. Но, наверное, и историк должен знать, что существует такая норма, как уважение к суду. Можно назвать немало стран, где столь хлесткая оценка приговора, вступившего в законную силу, просто *уголовно наказуема*.

В чем же, однако, выразилась фабрикация дела? Та же Чайковская утверждает, что обвинения во взяточничестве не доказаны, так как опираются лишь на *признания* обвиняемых. Но ведь именно для того и существует суд, чтобы оценить доказательство. Если они не убедительны, приговор будет оправдательным.

Разумеется, одного признания обвиняемого для доказательства недостаточно — это знает каждый юрист. Но и одного только *отказа* на суде от показаний, данных на следствии, тоже *недостаточно*, чтобы обвинить следователя в давлении на обвиняемого, в "выколачивании" показаний. Все это тоже требует *доказательств*, и достаточно веских.

Есть, наконец, дополнительное соображение, которое тоже ставится в вину Гдлян. Уверяют, что "хлопковое дело" дискредитирует узбекский народ, оскорбляет его национальные чувства. Тут опять-таки трудно понять, что именно оскорбляет: приписки, взятки и прочие преступления или то, что эти факты стали достоянием публики?

Всем этим я вовсе не хочу сказать, что Гдлян ни в чем не виноват. В данный момент мы этого просто не знаем. Опубликованные материалы настолько одиозны, туманны и противоречивы, что не дают оснований для вывода о виновности. Но они достаточны, чтобы судить о другом — о *состоянии правосудия*, об уровне *правопорядка*.

Дело Гдлья — не рядовое дело. Уже хотя бы потому, что в нем замешаны руководители весьма высокого ранга, вплоть до недавних членов Политбюро. Казалось бы, власти просто обязаны сделать все, чтобы прояснить малейшие детали дела, превратить его в образец, в эталон правосудия. Оно и стало *эталон*ом. Эталон

двусмысленности, политиканства, элементарного неуважения к правосудию. И непонимания, вопиющего непонимания того, что государство *не может существовать* в правовом вакууме.

Сейчас, когда привычный мир трещит, рушится, распадается по швам, стране как воздух необходима опора, четкие и твердые критерии закона. Но ни опоры, ни критериев нет, они разрушены. Потому-то так зыбко и неуверенно чувствуют себя все: люди, общество, само государство. Страшная это вещь — правовой вакуум. ●



КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАПИСКИ

Новая Конституция для России: подходы и принципы

Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что, если какой государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа.

Из Декларации независимости
Соединенных Штатов Америки,
4 июля 1776 года

Гражданский мир — основное условие и цель Конституции

Необходимое условие принятия новой Конституции заключается в том, чтобы возвращение страны в открытый мир, в международное сообщество сопровождалось восстановлением гражданского мира в ней самой.

Часто говорят: «такой пожар бушует, а вы тут со своей Конституцией носитесь!» Что ж, история свидетельствует: достойные и стабильные документы рождались подчас в ситуациях горячих, политически обостренных. Например, очень давно — в 1789 г. в США; совсем недавно — в 1977 г. в Испании.

Следовательно, хорошая Конституция может и должна стать средством достижения национального и социального согласия, ведущим к закреплению гражданского мира. Разработка и принятие нового Основного закона — процесс коллективный, идущий с привлечением различных сил, создающий новое согласие. Конституцию можно будет назвать готовой, *созревшей*, если вокруг ее будущего текста сложится консенсус.

Принятие сбалансированного Основного закона может привести к перемене функций в системе координат «государство-общество-личность». Впервые в советской России отдельная личность, равно как и естественно возникающие сообщества граждан приобретут иной статус. Уйдет в прошлое дух взаимной ненависти и гражданской войны между властью и обществом.

Концептуальная линия: общественный договор

Самый склад новой Конституции будет показывать ее направленность на достижение пяти основных целей: гражданского мира (то есть национального и социального согласия); свободы личности; политической стабильности и свободы выбора; благополучия и экономического роста; выполнения государством своих обязательств перед личностью и обществом.

Это предполагает качественно иной, чем прежде, подход: создание Конституции не как документа о государственном устройстве, а как действительного соглашения между личностью, обществом и государством.

Здесь мы подразумеваем смену сложившейся модели отношений: от жесткого контроля со стороны тоталитарной власти над обществом мы идем к подобию многостороннего *общественного договора*.

В тоталитарной системе само понятие «общественного договора» было условностью. Официальная политика снисходительно посмеивалась над якобы устаревшей категорией, взятой из XVIII в. Нам эта ирония вполне понятна: советское государство не нуждалось ни в каких ограничителях. Власть коммунистического правительства не была справедливой – она не была основана на согласии управляемых управляться подобным образом. Не было добровольного отказа граждан от части их прав и свобод в пользу государства. Власть не была легитимной. Она не могла быть гарантом прав граждан, не охраняла их собственность и безопасность, но присваивала себе право безоговорочного распоряжения правами граждан, паразитируя на распределительной монополии, перераспределяя не только материальные блага, но и информацию, эмоции и веру.

Договор авторитарного типа возможен с условием: граждане откажутся от некоторых свобод, если государство обеспечит им стабильное повышение уровня жизни. Нечто подобное мы видели в течение 70-х–80-х гг. в Венгрии и Чехословакии. Однако с наступлением кризиса договор уже не работал, зыбкая система противовесов была нарушена. Но в нашей стране с ее полностью разрушенным рынком договор авторитарного типа (называемый с 1987 г. «перестройкой») просто нереален.

Новая Российская Конституция нацелена на свободную в своих действиях, суверенную сознательную и самостоятельную *личность*. Она содержит систему гарантий, охраняющих гражданина от агрессии со стороны государства. Задача Основного закона – содействовать реализации новых ценностей и устремлений, все более желаемых и принимаемых *обществом* и его участниками.

Эта концепция и просматривается в основных положениях нашего проекта, таких как приоритет народного и национального суверенитета над государством. Общество (= самоорганизованный народ) – вот подлинный источник и носитель всякой власти. Государство же – свободное, демократическое, правовое государство – является агентом общества и личности; оно создается нами с ясно определенными целями и правомочно решать лишь те вопросы, которые народ конституционно закрепляет за этим государством.

Отличия и особенности новой Конституции

Новая Конституция, безусловно, будет существенно отличаться от своих предшественниц. Назову ее наиболее важные особенности.

Конституция должна стать правовым документом в строгом юридическом смысле, базой всего законодательства государства. Она содержит правовые основы государственной и общественной жизни. В текст включаются точно сформулированные содержательные принципы и нормы, на основании которых можно делать судебное заключение о конституционности или антиконституционности тех или иных деяний. Иначе говоря, Конституция имеет непосредственное действие, положениями Основного закона обязательно руководствуются суды и государственные органы.

Текст новой Конституции идеологизирован, он не содержит идеологические директивы, заманчивые и эмоциональные посулы. Конституция перестает быть документом, устанавливающим определенную идеологию в качестве официальной государственной идеологии. При создании новой Конституции мы отказываемся от следования догматам отдельного учения. Правовой документ не должен выражать идеи, обосновывающие устремления определенных политических сил.

Конституция демократического правового государства не должна давать указания на характер строя, «общественной формации» и т.п. Определение характера строя не является задачей Конституции, это вопрос, решаемый в ходе естественной политической, парламентской жизни. Неправомерно использование словообразований типа «социалистическая демократия», «демократический социализм», «социалистическая законность» и иных атрибутивных конструкций – ввиду их полной правовой неопределенности.

Наш строй не должен быть «социалистическим» или «капиталистическим»: он должен быть *конституционным*.

Конституция закрепляет принцип социального государства, определяя социальные обязательства государства, которое *должно* пытаться обеспечить гражданам условия сравнительного и всеобщего благоденствия.

Социальной Конституция может стать отнюдь не от частого употребления слова «социализм», а от того, насколько удастся гарантировать ценность свободы, справедливости и солидарности, равенства возможностей и равенства перед законом и насколько большинство общества будет понимать и принимать эти ценности как конституционные – то есть верные, достойные уважения и выполнения.

Наконец, Конституция должна быть стабильной. За 73 года Советская Россия знала 4 конституции. Это лучше, чем в Доминиканской республике, имевшей в период с 1844 по 1966 г. тридцать одну конституцию, но явно хуже, чем в США. В 1787 г. они первыми приняли национальную Конституцию, которая действует по сей день. Конституция должна защищать себя и содержать непростой механизм принятия поправок.

В то же время это документ гибкий и открытый, достаточно компактный – то есть не регламентирующий все нюансы жизнеустройства, но содействующий дальнейшему его совершенствованию. Конституция должна оставлять пространство для плодотворных дебатов и поиска консенсуса.

Структура Конституции

Все это определяет структуру, то есть состав и последовательность разделов новой Конституции.

Основные разделы выстраиваются в следующем порядке:

Преамбула.

Раздел 1. Основные принципы конституционного строя Российской Федерации.

Раздел 2. Права, свободы и обязанности человека и гражданина.

Раздел 3. Гражданское общество.

Раздел 4. Федеративное устройство.

Раздел 5. Система государственной власти.

а) Законодательная власть; б) Исполнительная власть;

в) Судебная власть; г) Местное самоуправление.

Раздел 6. Основы экономической жизни.

Раздел 7. Заключительные и переходные положения.

Преамбула будет очень и очень краткой; ее главный смысл в том, что настоящую Конституцию создает народ-суверен.

Первой, ключевой главой становится свод основных принципов новой Конституции. Значительная часть их уже содержится в «Декларации о государственном суверенитете РСФСР», принятой первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года.

(Замечу, что большая часть авторов этого документа весьма плодотворно работает в Конституционной комиссии. Мы и писали наш вариант Декларации – тот, что был передан Б.Ельциным в президиум Съезда, – как неотъемлемую часть Конституции. Другой вопрос, что после согласительной и редакционной комиссии Декларация изменилась, причем не в лучшую сторону.)

Итак, фундамент конституционного строя закладывают следующие принципы:

1. Принцип государственного суверенитета Российской Федерации.
2. Принцип народовластия; недопущение монополии власти.
3. Человек как высшая ценность. Первенство прав и свобод личности. Принцип обязанностей и ответственности государства перед обществом и гражданином.
4. Верховенство права и верховенство Конституции.
5. Политический плюрализм.
6. Разделение властей: парламентская демократия, президентская республика, независимая судебная власть.
7. Свободная правовая экономика.
8. Принцип социального государства: государство – во имя всеобщего благосостояния.
9. Принципы федеративного устройства Российской Федерации.
10. Принципы межреспубликанских отношений. Содружество суверенных государств..
11. Принципы мира и сотрудничества.

Второй главой становится наш российский Билль о правах. Мы сознательно помещаем раздел о свободах личности перед разделом о государстве, порывая с традицией подчиненности и второстепенности гражданина перед всемогущим государственным Молохом. Не государство дарует права, но человек сознательно и ответственно пользуется совокупностью неотчуждаемых прав и свобод, данных ему самой природой общества. Конституционный перечень прав приобретает роль сильного юридического инструмента их защиты.

Третья глава – «Гражданское общество» – необычна. Кажется, таковой нет ни в одной Конституции других стран. И здесь заложено сознательное намерение приподнять роль гражданского общества – мира человеческих интересов, мира естественно возникающих сообществ, коллективов и организаций, групповых прав и устремлений. Здесь найдут отражение вопросы религии, частной собственности, самоуправления и др. В частности, речь пойдет о поддержке семьи. (Любопытная деталь – в проекте «Конституции Соединенных Штатов Европы» проблема семьи стоит уже в 3-й(!) главе.)

Глава четвертая отражает федеративный характер нашей Республики. Принципиально проводится линия на уравнивание прав и возможностей двух видов субъектов Федерации – национально-территориальных и региональных. Это предполагает и неизбежную «губернизацию» собственно российских земель. При всей открытости и гибкости Федерации проводится ясная линия на укрепление многообразного единства нашего государства – через разграничение полномочий федеральных органов и органов власти субъектов федерации.

Пятая глава вводит в систему государственной власти совокупность сдержек и противовесов. По горизонтали – через разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Через определение правительства и президента как ограничиваемой власти. По вертикали – через разделение государственной и местной властей. Разделить единую и неделимую советскую власть, дать максимум возможных и разумных полномочий местному самоуправлению – один из ключевых моментов в нашей концепции.

Система Советов меняется, это нормально; в связи с этим меняется и название нашей республики с РСФСР на «Российская Федеративная Республика».

Шестая глава закладывает незыблемые основы экономической жизни: неприкосновенность права собственности (человек нуждается в собственности для защиты своей свободы), принципы свободного предпринимательства и состязательности, роль государства в соблюдении контрактных обязательств и регулировании экономических процессов, возможность выбора форм хозяйствования.

В то же время самый характер нынешнего периода в развитии Российской Федерации определяет необходимость вынести ряд переходных положений в специальный комментарий к шестой главе.

Конституция России и проблема союза республик

В исторической «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» нам удалось отстоять само сердце *государственного* суверенитета: верховенство Конституции и законов Республики на всей ее территории.

С принятием новой Конституции Российской Федерации и реализацией верховенства ее положений становятся неясными назначение и правомочность конституции союзной. И не только самого текста, но и институтов Союза ССР: президенства, Съезда народных депутатов СССР, союзного Совета Министров и др.

Представляется, что Конституция Республики не должна включать положений о Союзе, ибо сама его структура ныне отличается значительной неустойчивостью, а упорно предлагаемое принятие нового Союзного договора может привести к возникновению очередного неработающего образования. Все это чревато дестабилизацией конституционного строя самой России. В новой Конституции не должно быть сомнительных и неустойчивых положений.

В то же время целесообразно узаконить принцип добровольных двусторонних и многосторонних межреспубликанских договорных отношений как наиболее здоровой основы возможного в будущем ренессанса конфедерации. Но уже не на базе репрессивных органов (КПСС, КГБ, Армия), не политическая воля центра явится стержнем нового Сообщества. Им может стать только общий рынок – товаров, идей, ресурсов, – на котором реализуются реальные интересы и способности участников Сообщества.

Помочь понять и воспринять новую Конституцию

Нам предстоит историческая и крайне сложная задача: не просто написать Конституцию, но заложить *традицию* глубокого уважения к ней. Уважения к Основному закону, к личности и праву, к суду и государству, к обществу и власти.

(Когда я спрашивал американских конгрессменов – что бы они хотели изменить в их Конституции, я нередко слышал ответ: «ничего – мы глубоко веруем в ту Конституцию, что имеем». Прийти к такому вот – почти набожному – отношению к Основному закону в России будет очень непросто.)

Конституция должна занять особое, исключительно место не только в новом законодательстве Российской Федерации, но и в российских умах.

Мы постараемся преодолеть укоренившееся в нас глубокое игнорирование Конституции. Основной закон не только должен уважаться, но и соблюдаться.

В этой связи я хотел бы обратить внимание на раздел о судебной власти, подготовленный подкомиссией под руководством Б.Золотухина. Впервые в нашей истории судебная власть выносится на особое, отдельное и высокое место. Подход, выраженный в этом разделе, позволяет надеяться, что у нас будет независимое правосудие и уважение к суду. К суду, который не составляется группой аппаратчиков, не заботится о своей популярности в связи с предстоящими выборами, суду, защищающему даже самое непопулярное меньшинство и право на протест.

Кто и когда примет новую Конституцию: план конституционного процесса

Можно подготовить хороший проект Конституции, но это лишь половина дела. Надо обеспечить его принятие и восприятие, то есть определить ход развития конституционного процесса.

Уважения достоин документ достоверный. И здесь встает проблема легитимности новой Конституции. Конституция будет подлинным Основным законом, лишь если будет принята легитимной и полномочной на то властью.

Весь мировой опыт свидетельствует, что Основной закон должен принимать сам народ – либо непосредственно, через «всемирную ратификацию» (референдум), либо через уполномочиваемых на это представителей.

Нам предстоит взвесить – полномочен ли Съезд народных депутатов РСФСР принимать документ, предполагающий существенное изменение основ нашего жизнеустройства. Можно ли, чтобы парламент, избранный по старой конституции и по старому закону о выборах, принял Основной закон нового суверенного, демократического, правового и социального государства?

В нашем бурно развивающемся обществе оформляются самые разнообразные направления политической мысли и политического действия, и избранный по закону 1989 г. Съезд уже не совсем адекватно отражает реальный расклад общественных сил.

Путь к новой Конституции лежит через несколько этапов; среди них:

- подготовка предварительного проекта Конституции;
- учет массы предложений, совершенствование проекта;
- проработка проекта в комитетах и комиссиях российского Парламента;
- опубликование проекта, подключение к его обсуждению россиян;
- вынесение проекта Конституции на Съезд народных депутатов РСФСР;
- через средства массовой информации – добиться объективного разъяснения и поддержки в обществе;
- обсудив проект на Съезде, принять решение о всемирном обсуждении и назначить сроки республиканского народного голосования (референдума).

(Не исключаю, что обсуждение новой Конституции возложат на нынешний Съезд народных депутатов. В этом случае обществом может быть использована широкая гамма средств давления на представительный орган. Вспомним отношение народа к труднейшему избранию Председателя Верховного Совета РСФСР – при том, что опросы общественного мнения показывали безраздельное доверие народа лишь одному кандидату.)

– Съезд вправе принять Постановление о вынесении проекта Конституции на всемирную ратификацию; в соответствующем Постановлении следует поручить сделать это Председателю Верховного Совета РСФСР, Председателю Конституционной комиссии РСФСР – Б.Н.Ельцину.

Мы завершаем этап подготовки проекта – этап профессиональной работы. Начинается этап политической работы – по обеспечению принятия новой Конституции. Это в 1977 г. было легко – благо все шло через всемирное обсуждение и о д о б р е н и е «исторического этапа на пути к коммунизму». Теперь сложнее.

Ранее мы предполагали возможным принятие Конституции на специально избранной Конституционной Ассамблее. Но, увы, – очередные выборы на эту Ассамблею могут смести все и вся (помните печальный итог Веймарской республики!). Мы с грустью отложили эту идею, столь созвучную выборам Учредительного собрания.

Сегодня упор делается на всемирную ратификацию нового Основного закона. Нас все время пугают «выбором, сделанным нашим народом в октябре 1917 года». Пусть же наконец выбор состоится на самом деле.

Опросы показывают: за общереспубликанский референдум по этому вопросу высказываются 55% опрошенных россиян и свыше 70% москвичей.

Сегодня идет соревнование двух революций – уличного бунта и радикальной парламентской реформы. Принятие Конституции в о з р о ж д е н и я Российской государственности открывает простор для больших преобразований. Поле деятельности огромно – и каждому найдется место для самореализации – представителям различных партий и слоев общества.

Еще до того, как проект Конституции был опубликован (АиФ, № 47, 1990), начались нападки на него в самой беспардонной и развязной форме. Особенно отличаются «Советская Россия» и «Правда»; да и местные органы печати им не уступают.

Движение «Демократическая Россия» поддержало этот проект. Компартия РСФСР категорически отвергла. Общество должно решить – с кем оно идет дальше: с силами обновления, или с силами, несущими прямую моральную, политическую и юридическую ответственность за все мытарства народа.

Смена вех

Россия находится на качественно новом этапе своей истории. Меняется прежнее – «перестроечное» – положение дел, при котором судьба обновления находилась в руках ограниченного круга авторитарных модернизаторов и их аппарата.

Два встречных потока определяют сегодня возрождение России: становление гражданского общества внизу и восстановление подлинной государственности сверху. Наша реформа все более входит в противоречие с умеренно-государственной логикой «демократического, гуманного социализма», на которой построены все еще действующие конституции Союза и России. Можно потратить изрядно сил и средств на подновление институтов, составляющих основу закрепленного в нынешней конституции строя. Можно до умопомрачения латать поправками конституцию перезревшего социализма. Но успешно реформировать можно лишь дееспособную систему; недееспособную следует менять. И менять ее мы намерены не на баррикадах, а путем мирного конституционного процесса.

Принятие нового Основного закона станет венцом перехода к демократическому правовому государству, свободному гражданскому обществу, современному стилю жизни.

Итак, разумный план подготовки, принятия и усвоения новой Конституции – первооснова перехода к **н о р м а л ь н о й** системе общественного и государственного устройства в обновляющейся России.

Вместо заключения

Сейчас, после трех месяцев напряженной работы над проектом Основного закона Российской Федерации, можно сказать со всей определенностью: мы решили первую часть поставленной первым Съездом народных депутатов РСФСР задачи – подготовили новую Конституцию России.

Завершен этап написания проекта. Предстоит самая широкая работа с обществом и его представителями в российском парламенте.

Всем нам стоит приложить свои силы и знания к разъяснению структуры, принципов и содержания проекта Конституции, готова общественное сознание и само российское общество к завершающему этапу нашей ответственной работы – *к принятию нового Основного закона Российской Федерации.* ●



Олег САВЕЛЬЗОН (Саратов)

КАК МЫ ПРИНИМАЕМ РЕШЕНИЯ

Я часто спрашивал себя вот о чем: несомненно, многим людям труднее и горше всего общаться, сталкиваться с глупостью ближних. Как же случилось, что никто не пытался изучить ее, написать «Опыт о глупости»?

Х.Ортега-и-Гассет, «Восстание масс»

Как подметил еще Шопенгауэр, человеку гораздо легче принять упрек, скажем, в лживости или подлости, чем в глупости. Недаром в своих перестроечных речах Горбачев, поговорив о прорехах и просчетах в промышленности, сельском хозяйстве, науке и т.д., тут же принимался превозносить советский народ, особенно упирая на накопленный им «громадный опыт и интеллектуальный потенциал». Звучало это по меньшей мере странно (получалось, что мы во всех делах попали впросак, но при этом выросли в очень умных людей), однако политически грамотно.

Однако глупость – столь неопределенное и широкое понятие, что оперировать им в аналитических работах не совсем корректно. Значит, прежде всего следует сформулировать проблему так, чтобы ее можно было обсуждать на серьезном уровне.

Очевидно, что основным проявлением глупости является принятие неразумных решений. Это понятие гораздо определеннее, чем глупость, но и оно нуждается в уточнении. На первый взгляд, «разумность» или «неразумность» решения естественнее всего определять по тому, какой результат оно дало. Однако такой подход позволяет оценивать качество только тех решений, результат которых уже известен, причем есть уверенность, что он не изменится с течением времени. Можно, однако, рассматривать принятие решений как, грубо говоря, четырехэтапный процесс: 1) формирование целей; 2) выработка вариантов их достижения; 3) выбор предпочтительного варианта; 4) создание предпосылок для осуществления выбранного варианта. Тогда появляется возможность прогнозировать качество решения, оценивая качество «технологии» его получения, как это делается в некоторых системах контроля качества настоящих технологических процессов. Считается, что если на каждом этапе процесса будут грамотно выполняться предусмотренные технологией операции, то высокое качество конечного продукта гарантировано; в случае же нарушения технологии продукт может оказаться высококачественным лишь по чистой случайности. То же самое относится и к принятию решений.

Время, протекающее между возникновением некоторой производственной задачи и завершением работ по реализации проекта ее решения, можно разделить на две части: время, ушедшее на принятие решения (условно говоря: «думание»), и время практического воплощения в жизнь этого решения («делание»). Профессионально занимаясь методологией принятия решений, я знаю, что среди специалистов считается, что в среднем соотношение первого и второго отрезков времени в СССР составляет 5:95, а в развитых капиталистических странах – 50:50. То есть в Советском Союзе во много раз быстрее думают, чем делают, по сравнению с цивилизованным миром, в котором создана и эффективно используется настоящая «технология» принятия решений – действуют сотни фирм, специализирующихся на управленческом консультировании, работают тысячи высококвалифицированных аналитиков, в десятках книг и журналов публикуются соответствующие исследования. Обо

всем этом в СССР не имеют понятия даже руководящие работники – люди, профессия которых связана с принятием решений.

В последнее время стали часто говорить о технологическом отставании СССР от развитых стран; даются оценки этого отставания: столько-то лет в робототехнике, столько-то – в компьютеризации и т.д. А вот относительно принятия решений дать такую оценку нет возможности, как нельзя сказать, насколько отстали дикари от цивилизованного мира в компьютеризации, потому что неясно, как долго им надо будет идти только к пониманию того, что такое компьютер.

Прежде чем подробно охарактеризовать наше «дикарство» в принятии решений, укажу на основные причины, обуславливающие этот феномен.

1. Одной из определяющих черт советской ментальности является пренебрежительное отношение к интеллектуальному труду.

Объясняется это классовым составом сил, пришедших к власти в стране в октябре 1917 г. По мере того, как победители утверждались в своей новой роли, они со все большим самодовольством отбрасывали как ненужные те качества побежденных, которыми сами не обладали. Их вдохновлял на это не только успех, но и теория, бывшая у них на вооружении. Ведь для марксизма с его апологией примата материи над сознанием характерно принижение интеллектуальных факторов бытия общества. Марксистская теория прибавочной стоимости, являясь концептуальным обоснованием справедливости экспроприации у буржуазии якобы несправедливо присвоенного ею капитала, построена в первую очередь на отрицании права интеллектуальной деятельности капиталиста быть признанной за труд, который должен быть оплачен. Марксизм по существу обвинял капиталистов в краже у рабочих части стоимости произведенного ими продукта, как будто тот вообще мог появиться, если бы капиталистом не была выдвинута первоначальная идея дела, а потом проведена колоссальная предпринимательская и организационная работа по ее осуществлению.

2. Экономические отношения и политический режим в стране таковы, что никто всерьез не отвечает за конечные результаты своей деятельности.

Поэтому большинство работников, может быть, даже не сознавая того, лишь имитируют деятельность. Думание же – самый неподходящий для имитации процесс; человека, которому взбредет в голову думать, а не бросаться сразу действовать, сочтут бездельником и выскочкой: «Он, видите ли, думает, а мы, значит, не думаем – так, что ли?! Работать надо, а не думать!»

С подобным отношением, например, столкнулась московская группа депутатов на I Съезде народных депутатов СССР¹. Москвичей, тщательно готовившихся к Съезду и стремившихся обнародовать разработанные ими материалы, с явного одобрения Президиума подвергли обструкции депутаты, не имевшие ни желаний, ни способностей к вдумчивой работе над научно обоснованными решениями. И главным обвинением в адрес москвичей было утверждение, будто они мешают Съезду работать. Работа, очевидно, понималась как возможно более интенсивное, не прерываемое никакими обсуждениями поднятие рук в знак одобрения всего того, что предлагалось председателем.

Безответственность обструкционистов проявилась не только в содержании, но и в форме упреков, которые отличались поразительным убожеством. Вот, например, высказывание депутата Аллаярова: «Меня заставило сюда выйти (на главнейшую трибуну страны. – *О.С.*) и сказать свое слово то обстоятельство, что некоторые группы московских и ленинградских депутатов, представителей братской Прибалтики получили очень много возможностей высказать свое мнение... Четвертый день мы работаем, а еще, можно сказать, ничего не решили».

¹ В дальнейшем вместо «Съезд народных депутатов СССР» я буду писать «Съезд», вместо «Верховный Совет СССР» – «парламент».

3. *Узурпаторский характер власти партаппарата в стране обуславливает то, что механизм выдвижения людей в «decision makers»¹ по деловым качествам либо отсутствует, либо работает неэффективно.*

Ниже в этом аспекте будет рассмотрено формирование Совета Министров, парламента, республиканских и местных советов. Вообще в дальнейшем я буду иллюстрировать анализ преимущественно ссылками на действия высших органов власти страны перестроечных лет, упреждая возможные возражения того характера, что так, мол, как представляет положение автор, было раньше, а в перестроечные времена все обстоит иначе.

4. *Идеологические установки зачастую влияют на содержание принимаемых решений, ограничивая их даже вопреки здравому смыслу рамками «социалистического выбора».*

Еще год назад это утверждение было очевидным. Ныне идеологизированность советского общества уже не столь тотальна как раньше. Но плюрализация ощутило затронула лишь область слов и только отчасти – дела. Объясняется это и ситуацией в верхах, где коммунисты все еще преобладают, и, главное, глубинным настроением низов. На поверхности – обманчивое впечатление отречения большинства населения от «социалистической веры», но лишь очень малая часть этого большинства готова в действительности принять прагматическую идеологию «равных возможностей» вместо абсурдной идеологии «равенства». В самом деле, первоначальная популярность перестроечных решений резко падает в тех случаях (как это произошло, например, в отношении развития кооперации), когда они вступают в противоречие с общепринятым в СССР пониманием справедливости, в соответствии с которым никому не следует давать жить много лучше среднего уровня. На этом фундаменте и зиждется то, что именуется «социалистическим выбором» советского общества.

Ныне концептуальная надстройка советской идеологии (марксизм-ленинизм) зашаталась, но фундамент идеологии – глубинный настрой масс – остался практически незыблемым. Я не знаю, какую концептуальную форму примет в дальнейшем «социалистический выбор» (может быть, и она останется прежней – марксизм устоит, будучи по новому интерпретирован). Но ясно одно: печать этого выбора остается и впредь останется на значительной части принимаемых решений.

5. *Авторитарный характер принятия решений на всех уровнях управления пустил в стране мощные, уходящие вглубь ее истории корни.*

Веками у нас живут по принципу: «я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак», а поэтому: «не рассуждать! выполнять!» И выполняют с великим рвением, видя в этом какую-то особую доблесть, – вспомним, с каким энтузиазмом на Съездах и в парламенте «агрессивно-послушное большинство» следовало наущениям Президиума, как поддерживало беспардонное обращение Горбачева с оппозицией. Горбачеву, может, и хотелось бы выглядеть поприличнее, но он, видимо, чувствует, что, соблюдая приличия, ему не сохранить влияния на «агрессивно-послушное большинство», для которого «своим» является лишь авторитарный лидер.

Как только Горбачев дает свободу интеллектуалам, он сразу навлекает на себя недовольство «рабов», оказавшихся не в своей тарелке. Вот что действительно задевает их, а отнюдь не беспардонность властелина, коему, по их понятиям, никак по-другому и не положено общаться с подданными.

6. *Социальные условия, установившиеся в стране после 1917 г., губительно (порой вплоть до физического уничтожения или удаления за рубеж) действовали и продолжают действовать на носителей интеллектуальной культуры.*

Вследствие этого число интеллектуалов неуклонно сокращалось, что в свою очередь ускоряло процесс, так как уменьшались возможности преемственности. Разве теперь есть у кого научиться культуре принятия решений в Советском Союзе?

¹ Принимающие решения (англ.).

Телерепортажи из Кремля позволяют судить об этом, наблюдая работу высших органов власти в СССР. Лишь прибалты преподали пример продуманной, четко выстроенной линии поведения, чем резко выделились на фоне других депутатов. Ведь даже лучшие из них, москвичи, разочаровали, обнаружив, сколь легко могут быть дезорганизованы люди с репутациями ведущих интеллектуалов. Поведение их было чересчур импульсивно, бесхитростно, оставляя впечатление неудачного экспромта, нецеленаправленности, в общем, недостатка культуры. Вспоминается цитированное советскими средствами массовой информации мнение одного западного журналиста о I Съезде: депутаты, заметил он, стремятся не к тому, чтобы убедить в чем-то остальных, а просто хотят высказать собственные соображения.

Здесь напрашивается одна литературная аналогия – с комедией «Горе от ума», точнее с тем, как ведет себя ее главный герой. То, что говорит Чацкий, умно, но то, в каких ситуациях он это делает, выдает в нем человека недалекого (так или почти так судил и Пушкин). Чацкий все время принимает такие решения, как будто его целью является не завоевать руку и сердце Софьи, а довести до сведения окружающих идеи, вызывающие у них и, в частности, у самой Софьи раздражение. Такую же реакцию вызвали и москвичи у большинства присутствовавших на I Съезде и, в частности, у «самого» Горбачева; на этом данная аналогия кончается: в отличие от Чацкого москвичи не сумели даже толком высказаться. Они поначалу вроде бы и добивались права изложить разработанную ими программу, но, встретив противодействие, оказались не готовыми его преодолеть – у них не хватило умения последовательно проводить свою линию в процессе принятия решений. И это у ведущих российских интеллектуалов! Среди кого же тогда искать в России носителей культуры принятия решений? Уж не вымерли ли они поголовно в здешних социальных условиях?

7. Принятию неразумных решений благоприятствуют характеристические особенности советского народа.

Советским людям свойственно относиться к серьезным делам с неадекватным легкомыслием и ленивомыслием. Как назвать эту черту: безалаберностью? бесшабашностью? Более всего по богатству смысловых оттенков подходит сленговое словечко «пофигизм», родившееся из жаргонных фраз, которыми «пофигисты» выражают свое отношение к неподдающимся простому решению жизненным проблемам: «ну и фиг с ним», «а мне все по фигу». Ныне эта черта характера является в СССР всеобщей; как мне представляется, она входит в число определяющих свойств того человеческого типа, который в последнее время выделяют под названием «*homo soveticus*».

Благоприятствуют принятию неразумных решений и особенности советской среды, в которой индивидуальные «пофигизмы», складываясь, многократно усиливают друг друга и выливаются в коллективную бестолковщину.

Может быть, мне возразят, что деинтеллектуализирующее влияние группы характерно не только для СССР. Однако здесь оно, по сравнению с другими странами, выражено столь мощно, что есть основания говорить о присутствии СССР особом феномене.

Видимо, этот, рассматриваемый последним, фактор лежит в основе всех шести предыдущих. Впрочем, выяснить здесь первопричину так же трудно, как определить, что было раньше – курица или яйцо.

Итак, наше «дикарство» в принятии решений имеет глубокие и разнообразные корни. После рассмотрения причин явления, которое до поры предлагалось понимать интуитивно, можно перейти и к описанию самого явления. Для этого обрисуем его отличительные свойства, другими словами, характеристические черты культуры (а точнее, антикультуры) принятия решений в СССР.

1. Полное пренебрежение методологической стороной дела, профессиональная неграмотность.

Руководящие работники, в беседах с которыми я пытался пропагандировать неизвестную им зарубежную «технология» принятия решений, не только не воспринимали собственное незнание как невежество (и, следовательно, недостаток), но, наоборот, относились к этому как к достоинству, чем напоминали своих предтеч времен военного коммунизма, бравировавших тем, что «академиев не кончали». И семьдесят лет назад, и ныне свою вульгарную некомпетентность наши «decision makers» представляют положительным качеством, опираясь на по-разному формулируемую идею о неприменимости, более того, вредности использования в здешних условиях капиталистического опыта управления.

2. Главные критерии выбора решения – угодность начальству и упрочение собственного положения.

Первый критерий определяется существующей в СССР тотальной зависимостью нижестоящих от вышестоящих. Действенных же обратных зависимостей здесь практически нет.

Но существует все же одна потенциальная зависимость начальника от подчиненных, связанная с возможностью подсиживания с их стороны. Поэтому, если требование угодить вышестоящей инстанции не ограничивает жестко решение, выбор его определяется прежде всего необходимостью предохранить себя от возможных посягательств «снизу». Чем положение «decision makeг» выше, тем этот критерий вступает в действие чаще. И уж только им (не считая, разве что естественного стремления к славе) руководствуются, как мне представляется, первые лица нашего государства на протяжении последних семидесяти с лишним лет.

Сопоставим два крайних варианта: Сталин и Горбачев. Если сопоставить происходящее в сегодняшнем треугольнике «лидер (со своей командой) – оппозиция – послушное большинство» с тем, что происходило в таком же треугольнике на партийных съездах и пленумах 20-х гг., можно обнаружить разительное сходство. Прочитав в качестве иллюстрации статью Гульбинского «Оппозиция» («Огонек», № 13, 1990): «Чрезвычайно важный момент, связанный с формированием «законопослушного» большинства и борьбой против оппозиции, – центризм Сталина. Последующая «экстремистская» деятельность Сталина подчас заслоняет от нас тот факт, что на каждом этапе внутрипартийной борьбы он первоначально выступает в роли центриста, примирителя, лидера, приемлемого для всех... «Знаете, – недоумевал Склянский, – поражаешься тому, как за последний период во всех областях выпирает наверх золотая середина, самодовольная посредственность. И все это находит в Сталине своего вождя». Сталин обладал всеми необходимыми качествами, чтобы возглавить это большинство, жаждущее беспрекословного повиновения».

Совершенно то же самое можно сказать и о Горбачеве (что и сделано уже многочисленными его приверженцами, правда, в другой, восторженной, а не критической тональности).

Общепризнано, что причиной столь частых изменений Сталиным своих позиций по стратегическим вопросам построения социализма в 20-е гг. являлось то, что принятие тех или иных конкретных решений служило для него прежде всего способом укрепления собственной власти.

Аналогичная причина лежит, на мой взгляд, и в основе частой смены позиций Горбачева относительно конкретных путей перестройки. Этим во многом были определены поворотные решения верховной власти.

3. В принимаемых верхах решениях отсутствует человеческое отношение к низам.

Последним отводится роль «винтиков», имеющих определенные функциональные свойства, в соответствии с которыми их используют, может быть, не так хищнически, как при Сталине, но и без какой бы то ни было ощутимой бережливости. Подозревать власть имущих в целенаправленной кровожадно-

сти, конечно же, вздорно. Просто они, принимая решения, не уделяют внимания тем возможным последствиям своих действий, которые могут негативно сказаться на жизни людей (Чернобыль, Тбилиси и т.д.).

4. Недоброкачественные решения нередко принимаются умышленно, дабы инспирировать ситуацию, способствующую достижению своекорыстных целей.

Этим, очевидно, объясняется плохая организация I Съезда. Депутат Попов заявил, что московская группа депутатов еще задолго до начала работы предвидела возможные организационные неурядицы на Съезде и вносила предложения по их предотвращению, которые не были учтены центральным партаппаратом. Какой это обернулось бестолковщиной, мы видели благодаря трансляциям. Но еще хуже, вероятно, выглядело то, чего мы не видели, – выборы в парламент. Мало того, что система выборов и выдвижения кандидатов была построена несуразно (что облегчило Президиуму формирование возможно более выгодного для него состава кандидатов), так еще и само голосование было скомкано – похоже, чем важнее для аппарата процедура, тем больше несуразиц он стремится в нее внести. Накануне вечером, когда депутаты собрались для голосования, первый заместитель председателя Верховного Совета Лукьянов попросил их подождать двадцать минут, пока не будут подготовлены списки кандидатов, после чего депутаты сидели четыре часа, не зная, чем заняться, и только глубокой ночью получили списки (в каждом было около шестисот кандидатов). Всего через десять минут после этого депутатов пригласили голосовать, они собирались группами, советовались, консультировались, кого оставить.

Центральный партаппарат стремился получить аморфный парламент и добился своей цели. Сформированный таким образом парламент не обманул ожиданий, легко поддаваясь управлению, в частности при помощи испытанных уже на Съезде методов: предоставления воли стихии и прямой дезорганизации.

В качестве примера применения первого метода укажу на обсуждение претендентов на министерские портфели. Президиум не только не сделал ничего, чтобы упорядочить их аттестацию, но и не поддержал попытку сделать это, предпринятую депутатом Фильшиным, предложившим положить в основу характеристик кандидатов ряд четких критериев. Это сильно облегчило аппарату расстановку на высшие посты в государстве «своих» (пусть и посредственных) людей.

Второй метод четко был продемонстрирован на заседании парламента 27 февраля 1990 г. Обсуждался закон об учреждении поста Президента СССР, причем проект закона не прошел предварительных слушаний в комитетах и комиссиях, текст закона был роздан парламентариям всего за день до заседания. Депутаты Лубенченко и Емельянов подняли вопрос о регулярных нарушениях Президиумом нормальной процедуры работы парламента. Депутат Болдырев, как бы подытоживая критические выступления коллег, заявил, что в парламенте вообще второстепенные вопросы решаются в соответствии с регламентом, а важные для Президиума – как правило, с нарушениями, и делается это не случайно.

5. Процессам принятия решений в СССР присуща закрытость, проявления которой многослойны и разнообразны.

5.1. Руководители засекают сведения, на основе которых принимаются решения.

Держа подчиненных в неведении, можно обманывать их, утаивать истинные мотивы своих действий, а главное, выглядеть умнее, чем в действительности (у неинформированных людей меньше возможностей обоснованно судить о том, насколько бездарны решения начальства). Если подчиненные решатся критиковать руководителя, тот может возразить им, как Горбачев литовским сепаратистам: я, мол, в отличие от вас, знаю все («все взаимосвя-

зи союзные» и т.д., и т.п.), поэтому можете не сомневаться – именно к тому, к чему я призываю, и «надо идти, сохраняя единство».

Возможно, в дальнейшем, с развитием гласности, этот прием будет приносить больше потерь, чем выгод – достаточно вспомнить упрек, который бросил Горбачеву при обсуждении его кандидатуры на пост Президента на III Съезде депутат Яненко: «Вы очень часто на Съездах говорили нам, что обладаете полной информацией, гораздо большей, чем мы. Это естественно. Но неестественным является то, что не видно активных целенаправленных действий руководства нашей страны в наведении порядка по многим политическим вопросам. Зато мы часто с вами наблюдаем (если выразиться образно) попытки догнать уже ушедший поезд. Создается впечатление, что руководство нашей страны зачастую не знает, что делать в том или ином случае, а если что-то делает, то чаще всего в спешке, непродуманно. Отсюда много решений, принятых в последнее время, которые принесли не пользу, а вред».

5.2. Принятые решения преподносятся публике анонимно.

В СССР практически отсутствуют профессиональные репутации «decision makers». О других представителях профессий, связанных с творчеством (ученых, писателях, режиссерах и т.д.), известно, кто что сделал и на что способен, но о руководителях даже самых высших органов ничего подобного не ведомо. Их послужной список, представляемый публике, говорит лишь о том, по каким ступеням номенклатурной лестницы они двигались вверх.

Один из столпов номенклатурной системы подбора и расстановки кадров, обеспечивающей власть имущим всевозможные удобства и привилегии, является отсутствие профессиональных репутаций руководителей, которое в свою очередь зиждется на повсеместной практике анонимного представления решений.

5.3. Истинные мотивы принимаемых решений всячески скрываются и камуфлируются.

Чем объясняют, например, аппаратчики свое стремление провести в советы как можно больше рабочих и крестьян? В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (№ 42, 1989) Лигачев, оценивая состав парламента, сказал: «Уверенно, как-то основательно действуют депутаты из числа рабочих и крестьян. Они нравятся мне своей открытостью, прямоотой, знанием жизни. Мне кажется, теперь многие поняли, что рабочий класс и колхозное крестьянство обидели тем, что их представительство в Верховном Совете не то, которое они занимают в обществе».

В связи с этим вспоминается выступление Евтушенко на встрече с народными депутатами в Останкинской телестудии после I Съезда. Он рассказал, как в Кремле в перерыве между заседаниями к нему подошла знакомая работница, героиня труда и многодетная мать (в общем, образец советской женщины-труженицы) и попросила объяснить ей, что это за договор Молотова-Риббентропа, о котором толкуют все время прибалты. «Ну, Молотов-то я знаю – раньше так Пермь называлась, а Риббентроп – это что же, город такой в Прибалтике?» Резюмируя свой рассказ, Евтушенко назвал людей, толкнувших эту женщину в депутаты, преступниками.

Почему же Лигачев столь небрежно камуфлирует призыв к подобным преступлениям, не опасаясь, что его, аппаратчика, истинные мотивы (стремление сформировать удобные партаппарату советы) будут разоблачены? Почему вообще в СССР авторы подобных маскирующих мотивировок не боятся, что их схватят за руку?

Подойти к ответу на этот вопрос поможет краткий анализ состоявшихся 13 ноября 1989 г. и 27 февраля 1990 г. заседаний парламента.

13 ноября радикально настроенные депутаты, не удовлетворенные предложениями Президиума по повестке дня II Съезда, потребовали включить в нее обсуждение правомерности статьи 6 Конституции СССР, а также принятие

практически подготовленных к тому времени законов о собственности и земле и связанных с ними поправок к Конституции. Горбачев не оспаривал прямо высказанное рядом депутатов утверждение о недемократичности шестой статьи. Но, ссылаясь на то, что «придание этой проблеме чрезвычайного характера вызовет ненужную обеспокоенность в обществе», убеждая не спешить с ее обсуждением, он давал понять, что проблема эта будет рассмотрена позже вместе с другими изменениями Конституции, которые должны быть взаимовязаны, юридически выверены с точки зрения возможных последствий, а это-де требует тщательной подготовки и не должно делаться в спешке. «Думаю, что конституционная комиссия внесет в свое время все свои предложения об изменениях и дополнениях в Основной закон СССР, подкормленные жизнью, всем народом».

Сомнения в искренности этой мотивировки тут же обрели реальные основания: из выступления одного из членов созданной I Съездом Конституционной комиссии, председателем которой был избран сам Горбачев, выяснилось, что эта комиссия еще ничего в практическом плане не сделала, а Горбачев даже ни разу не собрал ее за истекшие полгода. Обоснованность этих сомнений подтвердилась в ходе III Съезда, когда в предложенных Президиумом поправках к Конституции обнаружилась масса неувязок, кои пришлось исправлять, что называется, на бегу. Так, депутат Шелканов заявил: «Мы сделали первый шаг, изменив редакцию статей 6 и 7. Но получился парадокс... в преамбуле у нас осталась фраза: «Возросла руководящая роль Коммунистической партии – авангарда всего народа». А в статье 6 мы убрали это утверждение». Через несколько минут, перед тем, как прервать заседание, Горбачев отреагировал на это замечание: «Я прошу Владимира Николаевича Кудрявцева (под его руководством производилось редактирование Конституции. – *О.С.*) рассмотреть вопрос о преамбуле и статье 7 с депутатом Шелкановым. Перерыв на 20 минут». И после перерыва Съезд изменил преамбулу к Конституции.

Вот цена взаимоувязке и юридической выверенности поправок к Конституции! А ведь именно для достижения этих целей, как утверждал 13 ноября Горбачев, и было отложено на более поздний срок обсуждение предложенных радикалами изменений. Горбачев отверг и предложения об утверждении на II Съезде законов о собственности и земле, мотивируя это тем, что необходимо предварительно «посоветоваться с народом» – дескать, такие важные законодательные акты, как тут можно обойтись без всенародного обсуждения?! Радикалы возражали, что ни со статьей, ни с законами нельзя медлить, вопросы эти давно муссируются в прессе, а депутаты как раз и есть представители народа – они и выразят его мнение. Горбачев в ответ продолжал упираться на то, что нельзя обойтись без всенародного обсуждения.

Убедиться, что не этим на самом деле определялись действия Горбачева, можно было 27 февраля 1990 г., когда он уже сам настаивал на принятии в спешном порядке Закона об учреждении поста Президента и созыве внеочередного III Съезда для немедленного ввода в действие этого закона. Представители оппозиции привели доводы о недопустимости нарушения процедуры прохождения закона через парламент, требующей обязательной юридической экспертизы закона, что обеспечит его выверенность и взвешенность. Приводились также доводы о необходимости согласовать столь революционные перемены политической системы страны с Верховными Советами республик и народом. На сей раз оппоненты как бы поменялись местами. Горбачев возражал оппозиционерам: «А вы, что же, не народные депутаты? Нельзя больше медлить» и т.д. – точно так же, как они ему 13 ноября. Однако депутаты не посмели «поймать» его на этом.

Вот чем объясняется легкость, с какой руководители дают ложные мотивировки своих решений – укоренившийся «двойной стандарт» имеет одностороннюю направленность, поскольку существует нечто вроде негласной уста-

новки, в соответствии с которой за начальством как бы признается право дурочить подчиненных, но подчиненным непозволительно «ловить» на этом начальство.

Выскажу предположение, что главной причиной, по которой Горбачев приложил столь много усилий, чтобы оттянуть изменение статьи 6 Конституции всего лишь на три месяца, было то, что именно в эти месяцы проходила кампания по выборам в республиканские советы. Если бы многопартийность была введена до начала этой кампании, КПСС вряд ли удалось бы столь легко удержать власть на местах в наиболее крупных республиках – РСФСР и Украине.

5.4. Механизмы принятия решений, как правило, не устанавливаются гласно и не подлежат обнародованию.

Многие решения вырабатываются какими-то не определенными четко путями – под влиянием «руководящего» звонка (срабатывает так называемое «телефонное право»), партийной установки (говорится, например: «есть мнение, что надо сделать то-то», а откуда взялось мнение, чем оно обосновано, – об этом даже не принято спрашивать) и т.п. В некоторых случаях не имеет смысла говорить и о таких «механизмах»: решение не вырабатывается, а (не знаю, как лучше и выразиться) возникает, что ли, в результате некой случайной, порой совершенно невероятной вереницы событий. Подобное «решение», наверное, даже называть следует по-другому, скажем, «реагированием».

Иногда спонтанность принятия решения столь неадекватна его важности, что в это трудно поверить. Обманываются и квалифицированные наблюдатели, которые начинают искать смысл в том, в чем его нет. Иллюстрацией может служить свидетельство одного из руководителей советских космических исследований академика Мишина. Отвечая в беседе с корреспондентом журнала «Огонек» (№ 34, 1990) на замечание последнего о том, что СССР своими экспериментами в космосе вводил в заблуждение Запад, академик сказал: «Мы демонстрировали в Космосе своего рода цирковые трюки, каждый из которых западные «зрители» воспринимали по-своему. В совокупности трюки создали мнение о существовании связанной программы. Такой программы не было. Был волонтеризм и его плоды».

Возможно, подобным заблуждением (в которое на сей раз попал не Запад, а сам СССР) объясняется провал всех попыток разобраться, как было выработано решение, приведшее к кровопролитию в Тбилиси. Бесспорного ответа на этот вопрос не дал и доклад специально занимавшейся им комиссии, представленный II Съезду. Уже после него на февральском 1990 г. пленуме ЦК КПСС Лигачев сообщил новые данные, с их комментированием и опровержением выступил в журнале «Огонек» председатель комиссии Собчак, однако полной ясности так и нет. Причина, полагаю, в том, что комиссия подошла к делу с установкой выведать механизм выработки рокового решения, а оно, поже, было спонтанным.

6. Решения зачастую запаздывают и принимаются в «пожарном» порядке.

В этом, в частности, проявляется присущий нам «пофигизм». Мы издавна живем в соответствии с поговоркой: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

7. Лица, принимающие решения, обманывают народ и отчасти самих себя необоснованно радужными прогнозами относительно ожидаемых результатов.

Самообман страшнее обмана тем, что он грозит неожиданными, никем (в том числе и самими «decision makers») непредусмотренными катастрофическими последствиями. Руководители, раздавая несбыточные посулы и получая в итоге противоположное обещанному, продолжают тем не менее считать метод проб и ошибок единственным способом решения вопросов.

Вспомним, как описывал Горбачев путь, пройденный перестройкой за пять лет, во время выступления в Вильнюсе: «В начале перестройки был выдвиг-

нут лозунг «Ускорение за счет научно-технического прогресса»... И вот мы начали поворот, но потом увидели, что нынешняя система хозяйствования отвергает эти наши подходы. И тогда мы поняли – и провозгласили: нам нужна радикальная экономическая реформа, реформа отношений собственности и так далее. Начали заниматься этими делами, видим, что и этот процесс сдерживается. Чем? Командно-административной системой... Так мы подошли к политической реформе. То есть *по ходу перестройки*, в результате анализа событий, взаимосвязей всех направлений нашей политики *поняли, что нам нужна продуманная комплексная концепция перестройки* (выделено мной. – О.С.). Так преподносил «этапы» (а если прямо говорить – провалы) перестройки Горбачев утром 11 января 1990 г.. Но к вечеру того же дня стало ясно, что, перечисляя свои «прозрения», он рано остановился – политическая реформа тоже ничего не дает без следующего шага, о котором тут же было сказано: «Мы подошли к тому, что в нашем многонациональном государстве ничего не сделаем, если не займемся федерацией, положением народов, их судьбой».

Симптоматичен тон высказываний Горбачева, свидетельствовавший о том, что, говоря о своих «пробах и ошибках», он не только не осознавал, что расписывается в собственной некомпетентности, но, наоборот, как бы учил литовцев, объяснял им, какое непростое дело перестройка. Правильнее-де довериться ему, умудренному богатым опытом, а не предлагать от себя заведомо порочную «профессорскую схему», позволяющую «профессуре эксплуатировать естественные огромные чувства» (телевизионная трансляция встречи еще больше выпятила сходство подчеркнуто пренебрежительных отзывов Горбачева о «профессорах» с классикой самодовольного невежества – «мы академики не кончали»).

Прибалтов не привлекли его описания будущих прелестей «обновленной федерации», «суверенитета республик в рамках Союза» и т.д. Все это выглядит крайне сомнительно, учитывая, что уже в перестроечные времена намечаемые программы не выполняются, планы срываются, проекты не осуществляются. Но, будто не замечая этого, руководители принимают все новые и новые решения, ожидаемые результаты которых по-прежнему прогнозируются интуитивно, как бы нехотя – еще один пример имитации деятельности, о которой я упоминал выше.

Именно такой «деятельностью» занят, например, парламент, члены которого по существу обманывают себя и вводят в заблуждение избирателей, принимая законы, которые, как правило, не работают. Вместе с тем после второй сессии парламента в средствах массовой информации нет-нет да и появляется утверждение о повышении его профессионального уровня, основанное, по-видимому, на том, что депутаты стали более грамотно выражаться и быстрее принимать законы. На таком основании можно говорить и о повышении профессионального уровня Сизифа – тот, после ряда попыток, безусловно, должен был научиться более ловко и споро толкать в гору свой камень. ●



Кронид ЛЮБАРСКИЙ

ПРОПИСАННЫЙ ПАСПОРТ

16 февраля 1990 г. в пресс-центре МИД СССР был задан вопрос: советские граждане имеют сейчас возможность выезжать на постоянное место жительства за границу; когда же они будут иметь право на свободное передвижение внутри своей собственной страны? "Недавно, — был ответ, — принято принципиальное решение о подготовке законодательного акта о паспортной системе, в рамках которого предполагается решить и вопрос с пропиской. Это будет сделано в ближайшие месяцы."

17 мая председатель Комитета по конституционному надзору СССР Сергей Алексеев высказался более осторожно, но все же достаточно определенно: "По прописке вряд ли мы сможем принять решение в следующем месяце. А предельный срок, предусмотренный законом, — это шесть месяцев. Мы у себя договорились, что это будет для нас самый критический, последний срок".

Месяцы прошли, и 26 октября появилось, наконец, заключение Комитета по конституционному надзору СССР. В заключении признается, что "регистрационная функция прописки не противоречит законам СССР и общепризнанным международным нормам, однако ее разрешительный порядок препятствует реализации гражданами основополагающих прав — на свободу передвижения, труд и образование". Вместе с тем, подчеркнул член комитета Михаил Пискотин, сразу отменить институт прописки в целом не представляется возможным из-за огромного дефицита жилья в стране. Переход от разрешительного к регистрационному порядку прописки должен происходить "позитивно, по мере формирования рынков жилья и рабочей силы".

Поскольку темпы формирования любого рынка в Советском Союзе определились уже достаточно ясно, вопрос об отмене прописки откладывается тем самым до греческих календ. Так что у нас есть время, чтобы неторопливо ознакомиться с тем, что же это такое — всем хорошо известная "прописка". И начать, конечно, придется с паспорта — нашего родного советского паспорта, представляющего сейчас явление почти уникальное.

Вот как определяет понятие "паспорт" Encyclopedia Americana: "ПАСПОРТ — документ, выданный компетентным чиновником государства, позволяющий его владельцу путешествовать. Обычно это формальный документ, устанавливающий личность владельца и его гражданство и позволяющий данному лицу покидать страну и возвращаться в нее. В нем содержится также просьба о защите его владельца за рубежом... Хотя паспорт обычно выдается для путешествий за границу, некоторые страны — такие, как СССР, — требуют, чтобы граждане имели паспорт для удостоверения личности и при внутренних поездках". Не следует, однако, думать, что советские граждане в этой своей обязанности совсем уж одиноки: черные в Южной Африке (пока еще) тоже хорошо знают, что такое и внутренний паспорт, и прописка.

Неприятно, конечно, быть в такой компании, и поэтому время от времени делаются попытки доказать, что ничего такого особенного не происходит, у нас — как у всех. Вот, например, зам. начальника паспортного отдела МВД СССР подполковник милиции А. Гунаев сообщает читателям журнала "Человек и закон" (№ 6 за 1990 г.) следующие сведения о странах Западной Европы: "На паспортную систему денег не жалеют. В этих странах учет населения такой, который нашим гражданам и не снился. За нарушение — весомый штраф. В той же ФРГ, оформляя прописку или выписку, надо заполнить обширные анкеты (бланки продаются в газетных киосках), ответить на массу вопросов. В том числе о родите-

лях, где и когда они вступили в брак, регистрационный номер соответствующего свидетельства. Если же кто-то из них умер, надо указать номер удостоверяющего документа, место захоронения и т.д. и т.п.”

Неудобно, но как человеку, в настоящее время живущему в ФРГ, все-таки придется сказать: каждое слово тов. Гунаева в этом заявлении — ложь. Точнее: наглая ложь, ибо простой лжец обошелся бы без красочных деталей, вроде ”места захоронения”. Но известно — чем наглее ложь, тем вероятнее, что в нее поверят...

*

”Заслуга” изобретения паспортной системы принадлежит Германии, где она зародилась еще в XV в. Нужно было каким-то образом отделить честных путешественников-торговцев и ремесленников от огромного количества бродяг, разбойников и нищих, скитавшихся по Европе. Этой цели и служил особый документ — паспорт, какового у бродяги, естественно, быть не могло. Время шло, и государства все более и более открывали для себя удобства, создаваемые паспортами. В XVII в. появились военные паспорта (Militärpass) для воспрепятствования дезертирству, чумные паспорта (Pestpass) для путешественников из зачумленных стран, особые паспорта для евреев, учеников-ремесленников и т.п.

Своего апогея паспортная система достигла в конце XVIII — начале XIX в., особенно во Франции, где она была введена в эпоху революции (странное свойство революций!). Именно с укреплением паспортной системы и возникло понятие ”полицейского государства”, в котором паспорта используются и для контроля за передвижением граждан, и для надзора за ”неблагонадежными”.

Европейским государствам понадобилось менее века, чтобы понять, что паспортная система — не благо, а тормоз развития, прежде всего — экономического. Поэтому уже в середине XIX в. ограничения паспортной системы начинают ослабляться, а затем и вообще отменяются. В 1850 г. на Дрезденской конференции были резко упрощены паспортные правила на территории германских государств, а в 1859 г. к этому соглашению примкнула и Австрия. В 1865 и 1867 гг. паспортные ограничения в Германии практически были отменены. Паспортные ограничения были уничтожены поэтапно также в Дании — в 1862 и 1875 гг., в Испании — в 1862 и 1878 гг., в Италии — в 1865 и 1873 гг. Дальнейшее развитие практически всех других европейских государств шло в том же направлении.

Таким образом, в XIX в. (а в Англии еще ранее) в европейских государствах на смену паспортной возникла так называемая *легитимационная система*, по которой не установлено обязанности гражданина иметь какой-то определенный вид документа, но в случае необходимости личность его может быть удостоверена любым способом. При легитимационной системе обладание паспортом — это *право*, а не *обязанность* (оно становится обязанностью лишь при выезде гражданина за границу).

В Соединенных Штатах паспортная система не существовала никогда, не говоря уже о прописке. Граждане США знают только иностранный паспорт. Внутри страны личность гражданина может быть удостоверена любым документом, чаще всего — водительскими правами. Это классический пример легитимационной системы.

*

Первые зачатки паспортной системы в России стали появляться в Смутное время — в виде ”проезжих грамот”, вводимых, главным образом, с полицейской целью. Однако подлинным творцом этой системы в России стал Петр I, указом от 30 октября 1719 г. введший ”проезжие грамоты” в общее правило в связи с установленными им рекрутской повинностью и подушной податью. Лица, не имевшие

при себе паспорта или "проезжей грамоты", признавались за "недобрых людей" или даже "прямых воров" (эту славную традицию мы продолжаем и сейчас). В 1763 г. паспорта получили и фискальное значение как средство сбора паспортных пошлин (за годовой паспорт взималось 1 руб. 45 коп. — по тем временам немалая сумма).

Кабальность паспортной системы, с петровских времен лишь усложнявшейся и "совершенствовавшейся", ощущалась все тяжелее, особенно после отмены крепостного права и других реформ Александра II. Однако лишь 3 июня 1884 г. по инициативе Государственного Совета было принято новое "Положение о видах на жительство". Оно несколько облегчало ограничения паспортной системы.

По месту жительства никто не был обязан иметь паспорт и выборка его была необходимой лишь при выезде далее чем на 50 верст и дольше чем на 6 месяцев (исключение было сделано лишь для фабричных и заводских рабочих и жителей местностей, объявленных на положении чрезвычайной или усиленной охраны; для них паспорта были безусловно обязательны). Хотя на практике паспорт для выезда получить было несложно, но сама необходимость испрашивать предварительное разрешение на отлучку и принципиальная возможность отказа, безусловно, были обременительными и унижительными. В 1897 г. это "Положение" было распространено на всю Российскую Империю, кроме Польши и Финляндии.

Именно это несомненно недемократическое "Положение" вызвало резкую критику В.Ленина. В статье "К деревенской бедноте" (1903 г.) он писал:

"Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения?.. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земской начальник не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько еще закрепощен чиновником, что не может свободно перевестись в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали самовольных переселений: губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик — дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом?.." (В.Ленин, Соч. Изд. 4-е, т. 6, стр. 362-363).

Существенные изменения в сторону либерализации были внесены в паспортную систему лишь после революции 1905 г. Указом от 8 октября 1906 г. был уничтожен ряд ограничений, существовавших для крестьян и других лиц бывших податных сословий. Местом постоянного жительства для них стало считаться не место прописки, а место, где они живут, стало возможным избирать это место свободно.

*

Право человека на свободный выбор места жительства принадлежит к числу основных и должно быть признано естественным правом. Это право зафиксировано в ст. 13 п. 1 Всеобщей декларации прав человека и в ст. 12 п. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, который с 1976 г. вступил в силу и, следовательно, имеет на территории Советского Союза статус закона. В последнем документе это право формулируется так: "Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит, в пределах этой территории, право на свободное передвижение и свобода выбора места жительства".

Тщетно было бы, однако, искать какой-либо не международный, а советский законодательный акт, который бы если не гарантировал, то хотя бы декларировал это право. Нет права свободного выбора места жительства и в Конституции СССР

от 7 октября 1977 г., где не забыто даже "право на пользование достижениями культуры"(?!), хотя эта Конституция была принята уже после вступления в силу упомянутого Пакта и должна была быть с ним согласована.

Тем более отсутствовало упоминание об этом праве в предыдущих советских конституциях: Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. и Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. В Конституции же СССР от 31 января 1924 г. вообще отсутствует раздел о каких бы то ни было правах граждан, хотя, например, деятельности ОГПУ посвящена целая глава (даже не статья!).

Такая забывчивость советских конституций, конечно же, не случайна. Посмотрим, как на практике осуществлялось процитированное выше требование "социал-демократов" — ленинцев о предоставлении "для народа полной свободы передвижения и промыслов".

Сразу по установлении советской власти паспортная система была отменена, однако уже весьма скоро была сделана первая попытка ее восстановления. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июня 1919 г. были введены обязательные "Трудовые книжки", которые, так не называясь, фактически были паспортами. Это было частью политики борьбы с так называемым "трудовым дезертирством", неизбежным в условиях полной разрухи и голода на территории РСФСР. IX съезд РКП(б), состоявшийся в марте-апреле 1920 г., откровенно разъяснил эту политику в своей резолюции:

"Ввиду того, что значительная часть рабочих, в поисках лучших условий продовольствия... самостоятельно покидает предприятия, *переезжает с места на место...* съезд одну из насущных задач советской власти... видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь".

Трудовые книжки были особо мощным средством прикрепления рабочих к месту еще и потому, что они единственные давали право на получение по месту работы продовольственных карточек, без чего жить было просто нельзя.

Окончание гражданской войны и переход к нэпу не могли не привести к смягчению положения. В условиях жесткой закрепленности рабочей силы за предприятиями проведение в жизнь новой экономической политики было бы невозможным. Поэтому, начиная с 1922 г., наблюдалось резкое изменение в отношении советской власти к паспортной системе, позволявшее думать, что заявленные Лениным программные требования действительно принимаются всерьез.

Законом от 24 января 1922 г. всем гражданам Российской Федерации было предоставлено право свободного передвижения по всей территории РСФСР. Право свободного передвижения и поселения было также подтверждено в ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР. Отсюда вполне естественным был уже переход к легитимационной системе, что и было сделано декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1923 г. "Об удостоверении личности". Ст. 1 этого декрета воспрещала требовать от граждан РСФСР обязательное предъявление паспортов и иных видов на жительство, стесняющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР. Все эти документы, а также трудовые книжки, аннулировались. Граждане, в случае необходимости, могли получить удостоверение личности, однако это было их правом, но не обязанностью. Никто не мог понуждать гражданина получать такое удостоверение.

Положения декрета 1923 г. были конкретизированы в постановлении СНК РСФСР от 27 апреля 1925 г. "О прописке граждан в городских поселениях" и в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 18 декабря 1927 г. Согласно этим постановлениям, как прописка, то есть регистрация в органах власти по месту жительства, так и любой иной официальный акт могли быть произведены по предъявлении документа

любого вида: расчетной книжки с места службы, профсоюзного билета, актовой выписки о рождении или браке и т.п. Хотя система регистрации по месту жительства (прописка) существовала, однако сама множественность пригодных для этого документов исключала возможность использования прописки для прикрепления гражданина к определенному месту жительства. Таким образом, легитимационная система, казалось бы, восторжествовала на территории СССР, и Малая Советская Энциклопедия 1930 г. могла в статье "Паспорт" торжествующе-презрительно написать:

"ПАСПОРТ – особый документ для удостоверения личности и права его предъявителя на отлучку из места постоянного жительства. Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в так называемом полицейском государстве... Советское право не знает паспортной системы".

Однако "легитимационный" период в советской истории оказался столь же кратким, как и период нэпа. Начавшиеся на рубеже 20-х и 30-х гг. индустриализация и массовая насильственная коллективизация села проводились при огромном сопротивлении народа. Особое сильное сопротивление оказывало крестьянство, которое бежало из разоренных и вымирающих от голода сел в города. Намеченные мероприятия могли быть проведены только фактическим введением принудительного труда, невозможного при легитимационной системе. Поэтому 27 декабря 1932 г., через 20 лет после написания процитированных выше ленинских слов, ЦИК и СНК СССР издали постановление, которым в СССР вводилась паспортная система и обязательная прописка паспортов. Под постановлением стояли подписи М.Калинина, В.Молотова и А.Енукидзе.

Полицейский характер вводимой системы явствовал уже из самого текста постановления, где причины введения паспортной системы разъяснились так:

"В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков, новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях и школах и не занятых общественно-полезным трудом... а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов..."

"Укрывающиеся в городах кулацкие элементы" – это и есть "беглые" крестьяне, а "разгрузка" городов от "не занятых общественно-полезным трудом" – принудительные направления в места, где ощущается острая нехватка рабочей силы.

Главной особенностью паспортной системы 1932 г. было то, что паспорта вводились только для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозники были лишены паспортов, и это обстоятельство сразу ставило их в положение прикрепленных к месту жительства, к своему колхозу. Уехать в город и жить там без паспорта они не могли: согласно п. 11 постановления о паспортах такие "беспаспортные" подвергаются штрафу до 100 руб. и "удалению распоряжением органов милиции". Повторное нарушение влекло за собою уголовную ответственность. Введенная 1 июля 1934 г. в УК РСФСР 1926 г. статья 192а предусматривала за это лишение свободы на срок до двух лет.

Таким образом, для колхозника ограничение свободы выбора места жительства стало абсолютным. Не имея паспорта, он не мог не только выбрать, где ему жить, но даже покинуть место, где его застигла паспортная система. "Беспаспортный", он легко мог быть задержан где угодно, хоть в транспорте, увозящем его из села.

Положение "паспортизованных" жителей городов было несколько лучшим, но не намного. Передвигаться по стране они могли, но выбор постоянного места жительства был ограничен необходимостью прописки, причем паспорт стал единственно допустимым для этого документом. При приезде на выбранное место жительства, даже при перемене адреса в пределах одного населенного пункта,

паспорт должен был быть сдан на прописку в течение 24 часов. Прописанный паспорт был необходим и при приеме на работу. Таким образом, механизм прописки стал мощным инструментом регулирования расселения граждан по территории СССР. Разрешая или отказывая в прописке, можно эффективно влиять на выбор места жительства. Проживание без прописки каралось штрафом, а при рецидиве – исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев (уже упомянутая ст. 192а УК РСФСР).

При этом также колоссально возросли возможности контроля за гражданами, резко облегчился механизм полицейского сыска: возникла система "всесоюзного розыска" через сеть "паспортных столов" – специальных справочных центров, созданных в населенных пунктах. Государство готовилось к "большому терруру".

Большая Советская Энциклопедия 1939г., забыв о том, что 9 лет до того писала энциклопедия малая, уже заявляла вполне бесстыдно:

"ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА, порядок административного учета, контроля и регулирования передвижения населения посредством введения для последнего *паспортов*. Советское законодательство, в отличие от буржуазного, никогда не вуалировало классовую сущность своей П.с., пользуясь последней в соответствии с условиями классовой борьбы и с задачами диктатуры рабочего класса на разных этапах строительства социализма."

Паспортную систему начали вводить с Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска, Ростова-на-Дону, Владивостока и в течение 1933 г. распространили на всю территорию СССР. В последующие годы она неоднократно дополнялась и совершенствовалась, наиболее значительно – в 1940 г.

Однако даже такая паспортная система не обеспечивала для рабочих и служащих столь же прочной закреплённости, как для колхозников. Нежелательная "текучесть" кадров сохранялась. Поэтому в том же 1940 г. паспортная система была дополнена целой серией законодательных актов, закрепляющих рабочих и служащих еще и по месту работы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. был запрещен самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий, а также самовольный переход от одного предприятия или учреждения на другое. За самовольный уход устанавливалось уголовное наказание: от 2-х до 4-х лет заключения. Для создания круговой поруки директора предприятий и начальники учреждений, принявшие на работу такого "самовольно ушедшего" работника, также предавались суду.

Через месяц, 17 июля 1940 г., Указом Президиума Верховного Совета уголовная ответственность за самовольный уход с работы была распространена также на трактористов и комбайнеров МТС. Указ Президиума ВС СССР от 19 октября 1940 г. установил уголовную ответственность инженеров, техников, мастеров и квалифицированных рабочих за отказ подчиниться решению администрации о переводе их с одного предприятия на другое: теперь эти категории лиц могли в любое время быть переселены насильственно в любое место и поставлены на любую работу (в пределах их квалификации). В последние дни этого же года, 28 декабря, Указ ПВС СССР прикрепил к школам ФЗО, ремесленным и железнодорожным училищам их учащихся, установив за самовольный уход из школы заключение в трудовую колонию на срок до 1 года. Даже детская хитрость – вести себя плохо, чтобы директор сам тебя исключил, – не помогала. За такое поведение был предусмотрен также 1 год трудовой колонии.

Теперь закрепление было полным. Практически никто в СССР уже не мог выбирать по своему желанию ни места жительства, ни места работы (вспомним ленинские "передвижение и промыслы"). Исключение составляли лишь немногочисленные лица "свободных" профессий да партийно-государственная элита

(хотя, пожалуй, для нее-то закрепление было подчас еще более полным: через партийную дисциплину).

Перечисленные указы отнюдь не были мертвыми. Судебная статистика не публиковалась, однако по разным неофициальным оценкам число осужденных по этим указам составляет от 8 до 22 миллионов человек. Даже если верна минимальная цифра, количество все равно впечатляющее.

Стоит отметить особо зловещую деталь: согласно утверждению первого из этой серии указов, инициатива принятия закрепляющего труженников закона принадлежит ВЦСПС – организации, долженствовавшей стоять на страже интересов трудящихся.

Уголовная ответственность за самовольный уход с работы была отменена только через 16 лет, Указом ПВС СССР от 25 апреля 1956 г., хотя после смерти И.Сталина перечисленные выше законы практически мало применялись. Известен, впрочем, рецидив применения этих законов в связи с насильственным направлением граждан на целину.

Если прикрепленность к месту посредством такой своеобразной системы "трудового законодательства" после смерти И.Сталина ослабла, то в отношении паспортной системы никаких принципиальных изменений не произошло. Новое "Положение о паспортах" было утверждено Советом Министров СССР постановлением от 21 октября 1953 г., однако оно во всех основных чертах подтвердило уже установившуюся паспортную систему, отличаясь от нее лишь в деталях.

Был несколько расширен список местностей, где граждане были обязаны иметь паспорта. Кроме городов, районных центров и поселков городского типа паспорта вводились по всей территории прибалтийских республик, Московской области, ряда районов Ленинградской области и в пограничных районах СССР. Жители большей части сельских местностей по-прежнему были лишены паспортов и не могли без них покидать место жительства более чем на 30 дней. Но и при краткосрочном выезде, например, служебной командировке, требовалось получение специальной справки в сельсовете.

Для паспортизованных граждан был сохранен режим прописки. Прописке подлежали все лица, сменившие место жительства хотя бы временно, на срок выше 3 суток. Вводилось понятие временной прописки (при сохранении постоянной по месту жительства). Паспорт во всех случаях должен был быть сдан на прописку в суточный срок и прописан в городах не позднее 3 суток со дня прибытия, а в сельских местностях – не позднее 7 суток. Постоянно прописаться можно было только при наличии штампа о выписке с предыдущего места жительства.

Важным новым ограничением было введение в текст "Положения" так называемой "санитарной нормы", когда необходимым условием прописки являлось наличие в данном жилище некоего минимума жилплощади на каждого жильца. Норма эта была разной в разных городах. Так, в РСФСР и в ряде других республик она равнялась 9 кв.м, в Грузии и Азербайджане – 12 кв.м, на Украине – 13,65 кв.м. Были различия и внутри одной республики. Так, в Вильнюсе норма была повышенной по сравнению со всей Литвой и составляла 12 кв.м. В Москве, напротив, норма была понижена: 7 кв.м. Если площадь была ниже указанных норм, прописка не разрешалась.

Любопытно, что для прописки и для регистрации гражданина на "улучшение жилплощади" нормы были разные. Так, гражданин мог просить о новой жилплощади в Москве только если на каждого жильца приходилось не более 5 кв.м, в Ленинграде – 4,5 кв.м, в Киеве – 4 кв.м.

В условиях хронического недостатка жилплощади "санитарная норма" стала действенным инструментом регулирования размещения населения. Жилья всегда не хватало, и отказывать в прописке было очень просто. Лица, которым было отказано в прописке, обязаны были в трехдневный срок покинуть населенный пункт. Об этом им объявлялось в милиции под расписку.

Разумеется, сохранена была и уголовная ответственность за нарушение паспортного режима. Статья 192а УК РСФСР не претерпела изменений. Введены были и административные наказания должностных лиц за прием на работу лиц без прописки (штраф до 10 руб.), управдомов, комендантов общежитий, домовладельцев и т.п. за допущение проживания без прописки (штраф до 100 руб., а в Москве – до 200 руб.) и т.д. Все эти лица при повторных нарушениях попадали также под действие ст. 192а УК РСФСР.

Позднее, с введением новых уголовных кодексов (в 1959–1962 гг. в разных республиках), мера наказания за нарушение паспортного режима была изменена. Проживание без паспорта или без прописки стало теперь караться лишением свободы на срок до 1 года или исправительно-трудовыми работами на тот же срок, или же штрафом. При этом необходимым условием стало не менее чем трехкратное нарушение паспортных правил (в первый и во второй раз нарушения карались административно – штрафом). Некоторое смягчение выразилось в том, что лица, попустительствующие нарушениям паспортного режима, отныне стали подвергаться только административно налагаемому штрафу. Уголовная ответственность для них отменялась.

Поскольку по обвинениям такого рода легко было сфабриковать уголовные дела, они часто использовались для преследования инакомыслящих, а особенно бывших политзаключенных, юридическое положение которых было особенно уязвимо. Из наиболее известных примеров можно указать на осуждение Анатолия Марченко на 2 года лагерей в 1968 г. и Иосифа Бегуна на 3 года ссылки в 1978 г. Первый был арестован сразу после написания им открытого письма в поддержку Пражской весны, второй – около здания, где шел суд над Ю.Орловым. Оба эти бывшие политзаключенные были формально осуждены за нарушение паспортного режима.

Кроме основных положений, заключавшихся в "Положении о паспортах", были приняты еще многочисленные постановления, ограничивающие свободу поселения. Появилось понятие так называемых режимных городов, где прописка регулировалась особенно строго. К их числу относились Москва, Ленинград, столицы союзных республик, крупные промышленные и портовые центры (Харьков, Свердловск, Одесса и т.п.). Принято было постановление о прекращении строительства в этих городах новых фабрик и заводов, чтобы, в дополнение к административным мерам, уменьшать тягу населения в крупные центры. Но главным регулирующим методом оставались по-прежнему административные ограничения.

В Москве, например, исполком Моссовета принял 23 марта 1956 г., через месяц после XX съезда КПСС, постановление № 16/1 об усилении паспортного режима в г.Москве. Через два года, в июне 1958 г., на ту же тему было принято новое, усиливающее постановление. Оно требовало от органов МВД усилить уголовное преследование нарушителей паспортного режима, выявлять и высылать из Москвы, аннулируя их прописку, лиц, "уклоняющихся от общественно-полезного труда", не разрешать, даже внутри Москвы, проживать не по месту постоянной прописки и т.д. От Министерства обороны требовалось не направлять в Москву демобилизованных военнослужащих. От Министерства высшего и среднего специального образования СССР – распределять в Москву молодых специалистов только из числа уже проживающих в Москве. Предусматривался и ряд других мер.

Аналогичные постановления были приняты и в других городах. 25 июня 1964 г. особый статус Москвы был закреплен даже специальным постановлением Совета Министров СССР № 585, на основе которого было утверждено "Положение о прописке и выписке населения в г.Москве".

Секретные инструкции, разосланные во исполнение этих постановлений в ведающие пропиской органы МВД, практически запретили прописку новых лиц в режимных городах. Однако, так как вскоре ход естественного развития этих городов привел к несоответствию между спросом и предложением рабочей силы,

была введена система "лимитов прописки". Отдельные предприятия получали право прописать в данном городе (например, в Москве) определенное число лиц в течение года в пределах установленной квоты. В огромном большинстве это были предприятия военной промышленности либо просто имеющие военное значение, однако встречались и забавные исключения из этой закономерности. Так, в Москве стали прописывать рабочих-строителей ввиду нехватки рабочих рук на стройках столицы. Другое неожиданное исключение составили дворники. Система "лимитов" продержалась до нашего времени. Забегая вперед, отметим, что в перестроечное время ее пытались отменить (не отменяя самих ограничений на прописку). Результат был предсказуем: "лимита" вновь потихоньку появились, сначала для "Метростроя", а потом и для других организаций.

Перевод Москвы и других крупных городов в разряд "режимных" быстро привел к патологическому искажению структуры рабочей силы не только в самих этих центрах, но и на периферии, где таких ограничений не было. Москвичи-специалисты, в особенности молодые специалисты — выпускники вузов, стали пытаться любыми средствами остаться в Москве, понимая, что, однажды уехав, более они туда не вернуться. Ст. 306 Гражданского кодекса устанавливала, что при отъезде лица с места постоянной прописки на срок более 6 месяцев оно автоматически теряет право на эту прописку (за исключением случаев так называемого "бронирования" площади при выезде за границу или по вербовке в районы Крайнего Севера). В результате периферия стала быстро ощущать недостаток квалифицированных специалистов, которые могли бы туда приехать, не будь они скованы боязнью навсегда потерять Москву или другой крупный центр.

Целью введения системы "режимных городов" было, по-видимому, прежде всего стратегическое рассредоточение населения, предотвращение появления мегалополисов. Второй целью было справиться с серьезным жилищным кризисом в городах. Третьей — последней по счету, но не по важности — было установление контроля над нежелательными элементами в городах-"витринах", посещаемых иностранцами.

Такой контроль был впервые введен еще в сталинский период, в 30-е годы, когда неопубликованные инструкции ввели ограничения для лиц, отбывших заключение по печально знаменитой статье 58 УК РСФСР (а в ряде случаев и для членов их семей), а также для отбывших наказание за тяжкие преступления (хотя бы и не политические). Однако главным объектом, на который были направлены эти инструкции, были все же жертвы 58-й статьи. Возникло до сих сохранившееся в русском языке понятие 101-го или 105-го километра (помните, в "Реквиеме" у Ахматовой: "стопятницы"): ближе этого расстояния к Москве и другим крупным центрам упомянутым лицам селиться было воспрещено. Поскольку все же естественная тяга к родным, оставшимся в городах, да и просто к культурным центрам побуждала людей селиться как можно ближе к ним, вскоре вокруг Москвы, Ленинграда и других городов образовались целые пояса, населенные бывшими лагерниками, которые в те времена в СССР насчитывались миллионами.

Освободившиеся из лагерей получали паспорта как все прочие граждане, и необходимо было их как-то выделить из общего ряда, чтобы контролировать их расселение. Это было сделано с помощью системы шифров. Паспорт имел двухбуквенную серию и числовой номер. Буквы серии составляли особый шифр, хорошо известный работникам паспортных столов и отделов кадров предприятий, хотя сам владелец паспорта ни о чем не догадывался (система шифров была секретной). По шифру можно было судить не только о том, был ли владелец паспорта в заключении или нет, но и о причине заключения (политическая, хозяйственная, уголовная статья и т.д.).

Инструкции 50-х гг. расширили и усовершенствовали систему контроля над нежелательными элементами. К их числу отнесены были новые категории граждан, среди них особо большое место заняли так называемые "тунеядцы".

В таком виде паспортная система и система прописки просуществовали до 70 гг. В 1970 г. возникла небольшая лазейка для непаспортизованных, приписанных к земле колхозников. В принятой в этом году "Инструкции о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся", утвержденной приказом МВД СССР, была сделана внешне незначительная оговорка: "*В виде исключения разрешается выдача паспортов жителям сельской местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также гражданам, которым в связи с характером выполняемой работы необходимы документы, удостоверяющие личность*".

Этой оговоркой и стали пользоваться все те — особенно молодежь, — кто любимыми средствами готов был бежать из разоренных деревень в мало-мальски обеспеченные города. Но лишь в 1974 г. началась поэтапная *законная* отмена крепостного права в СССР.

Новое "Положение о паспортной системе в СССР" было утверждено постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. за № 677. Самое существенное отличие его от всех предыдущих постановлений — это то, что паспорта стали выдавать всем гражданам СССР с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Полная паспортизация началась, однако, лишь 1 января 1976 г. и закончилась 31 декабря 1981 г. За шесть лет в сельской местности было выдано 50 миллионов паспортов.

Тем самым колхозники были хотя бы уравнены в правах с жителями городов. Однако самый режим прописки новое "Положение о паспортах" оставило практически неизменным. Чуть более либеральными стали сроки. Так, при поселении на срок менее 1,5 месяца стало возможным жить без прописки, но с обязательной записью в домовую книгу (ведущейся в СССР на каждое жилое строение). Различие здесь состояло в том, что для такой записи не требуется специального разрешения властей. Срок сдачи документов на прописку увеличился от 1 до 3 суток. Лица, которым отказано в прописке, теперь должны были покинуть данный населенный пункт не в 3, а в 7 дней.

Все прочее осталось без изменений, включая уголовную ответственность за нарушение правил прописки. "Положение" также впервые открыто зафиксировало ранее существовавшие инструкции об особом режиме пограничных районов: для прописки в них стало необходимо получать в органах МВД специальное разрешение еще до въезда в этот район. Это, правда, практиковалось и ранее, но в открытой печати не объявлялось.

Одновременно с новым "Положением о паспортной системе" Совет Министров СССР принял постановление "О некоторых правилах прописки граждан" (№ 678 от 28 августа 1974 г.). Первые четыре пункта этого постановления были опубликованы, следующие шесть имели гриф "не для печати".

В опубликованной части постановления основным был первый пункт, несколько смягчающий ограничения на прописку. В этой части постановление разрешало прописку в городах и поселках городского типа целой категории граждан, независимо от того, удовлетворяет площадь санитарной норме или нет. Так, было разрешено прописывать мужа к жене и наоборот, детей к родителям и наоборот, братьев и сестер — друг к другу, демобилизованных из армии — на жилплощадь, где они проживали до ареста и т.д. Эти смягчения были продиктованы необходимостью устранить хотя бы наиболее варварские ограничения, приводившие раз за разом к прямому разрушению семейных связей. Такие смягчающие оговорки уже приходилось вводить задним числом даже в текст предыдущего, 1953 г., "Положения о пас-

портах" (Постановление СМ СССР № 1347 от 3 декабря 1959 г.). Здесь же они были введены в основной текст с самого начала.

Однако основной пункт неопубликованной части, пункт 5, тут же устанавливал изъятия из этого "либерального" постановления, исключавшие, в частности, для бывших политзаключенных возможность вернуться на прежнее место жительства, если оно, по тем или иным соображениям, должно быть очищено от "нежелательных элементов":

"Установить, что лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, и лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы или ссылки за особо опасные государственные преступления, бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, массовые беспорядки, нарушение правил о валютных операциях при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, разбой при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, не подлежат прописке до погашения или снятия в установленном законом порядке судимости в городах, районах и местностях, перечень которых определен решениями Правительства СССР".

Обращает на себя внимание, что под действие этого пункта попадали не только так называемые "особо опасные государственные преступники", но и лица, отбывшие наказание по статье 190¹ УК РСФСР (до этого постановления на них таких ограничений формально не накладывалось).

Перечень мест, закрытых для бывших политзаключенных, естественно, не был опубликован. Известно, однако, что в него входили Москва и Московская область, Ленинград и ряд районов Ленинградской области, столицы союзных республик и ряд крупных промышленных центров, пограничные районы СССР и, по-видимому, еще целый ряд местностей, четко не определенных (насколько можно судить по практике, решение о запрете на проживание бывших политзаключенных могло приниматься местными властями).

Это постановление подтвердило и окончательно закрепило формально существовавшую и ранее практику изгнания инакомыслящих из крупных культурных центров с целью уменьшить их влияние, а также не допускать их возможных контактов с иностранными гражданами, которым, в свою очередь, нельзя без специального разрешения посещать глубинные районы СССР. Изгнание из крупных центров инакомыслящих, у которых остались там семьи и друзья, стало также важным инструментом внесудебных репрессий.

Запрет на прописку в Москве и других крупных городах для освободившихся из заключения продолжался до недавнего времени. Более того, для этой категории лиц вводились новые ограничения. Так, в августе 1985 г. Совет Министров СССР принял новое постановление (№ 736) о внесении изменений и дополнений в упоминавшееся нами старое постановление 1964 г. о прописке в Москве (№ 585). В нем, в пункте 27, указано: "Не подлежат прописке в Москве: а) граждане, отбывшие лишение свободы, ссылку или высылку за преступления, предусмотренные статьями..." Далее шел список статей Уголовного кодекса, резко расширенный по сравнению с тем, что приведен выше. Более того, бывшим эзкам стало невозможно не только жить в Москве, но даже посещать ее: "Лицам, которые в соответствии с п. 27 настоящего Постановления не подлежат прописке в г. Москве, въезд в Москву разрешается при наличии уважительных причин на срок не более 3-х суток, если они имеют прописку в другой местности. Условия и порядок выдачи разрешения на въезд в г. Москву указанным лицам определяется МВД СССР".

Под паспортные ограничения со времени издания этого постановления в Москве подпало более 60 тысяч человек. Но Москва — лишь один из закрытых для бывших заключенных городов. Такие же (или чуть смягченные) ограничения были введены еще в более чем 70 городах и населенных пунктах страны.

Первое смягчение в этом отношении было сделано 10 февраля 1988 г., когда Моссовет принял постановление, по которому лица, отбывшие срок заключения "за тяжкие преступления", если они были осуждены впервые, могут быть теперь прописаны в Москве у своих супругов или родителей. Затем начались смягчения явочным порядком, в связи со все более развивающимся в стране общим параличом власти. Хотя запрет на посещение Москвы бывшими эсками отменен не был, никто их в Москве более не вылавливал, а многие даже жили постоянно без прописки. Завершилось все это принятием Советом Министров СССР 8 сентября 1990 г. постановления № 907 "О признании утратившими силу некоторых решений Правительства СССР по вопросам прописки граждан", которое сняло для возвращающихся из мест заключения все ограничения по прописке на прежнем месте жительства.

Казалось бы, хоть здесь, в частном вопросе, все кончилось благополучно. Так, да не так. Согласно жилищному законодательству лица, осужденные к лишению свободы, ссылке или высылке на срок свыше 6 месяцев (см. упомянутую выше ст. 306 Гражданского кодекса), с момента приведения приговора в исполнение теряют право на жилое помещение. На их прописку после отбывания наказания требуется согласие всех взрослых членов семьи. Если осужденный не имел родственников, его жилплощадь переходит в фонд местного Совета. Таким образом, после отбывания наказания человек оказывается бездомным.

В последнее время сделано несколько косметических послаблений в режиме московской прописки. 11 января 1990 г. Совет Министров СССР разрешил прописку в Москве уволенных в запас военнослужащих, если они до призыва имели жилье в столице. В упомянутом постановлении № 907 отменено целых 30 ограничительных решений предыдущих лет о прописке в Москве и других городах. Снята секретность с подзаконных актов о прописке (после того как Комитет конституционного надзора подготовил заключения "О несоответствии запретов на опубликование правил о прописке положениям международных Пактов о правах человека").

Что же касается режима прописки вообще — не только московской — то здесь все остается по-старому. Разговоров о вреде прописки, пожалуй, не меньше, чем разговоров о пользе рынка, — с теми же практическими результатами. Прописка и по сей день остается стержнем регулирования социальных процессов в стране, основой контроля за населением. И все это при том, что никакого *законного* основания у прописки нет.

Ни прописка, ни всеобщая паспортизация населения даже не упомянуты в Конституции СССР. Нет и никакого отдельного закона на эту тему. Все, что имеется, — это бесчисленные "постановления", издаваемые Советом Министров. Между тем, в соответствии с Конституцией, "Совет Министров СССР на основе и во исполнение законов СССР и иных решений Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР издает постановления и распоряжения и проверяет их исполнение". А поскольку никаких законов СССР или решений Съезда и Верховного Совета на тему о паспортах и прописке нет, отсюда следует единственный вывод: все эти драконовские "постановления" попросту незаконны.

Есть лишь один закон на этот счет — Уголовный кодекс, устанавливающий суровые наказания за неисполнение *незаконных* норм. Что ж — привычный парадокс нашей жизни!

Прописка и паспорт определяют жизнь советского человека куда в большей мере, чем это кажется с первого взгляда. Это ведь не только нарушение права жить, где хочется, работать, где хочется. С пропиской и паспортом тесно

повязано и соблюдение всех иных законных прав гражданина. Право на образование записано в Конституции, но это право вторично по сравнению с пропиской: без паспорта и прописки вы не устроите ребенка в ясли или школу (лишь недавно отменены "прописочные" ограничения при приеме в вуз). Без прописки не воспользуешься знаменитым правом на бесплатное медицинское обслуживание (сколь бы убогим оно ни было). Сейчас, с широким распространением системы карточек, талонов, "визиток" и иных способов получения еды, даже само право на жизнь поставлено в прямую зависимость от паспорта и прописки.

Кажется, единственным спасением в такой безвыходной ситуации является всеобщее неисполнение любых законов и постановлений. Хорошая основа для построения правового государства!

Наш обзор касался лишь юридического аспекта проблемы (если только во всей этой безумной ситуации есть хоть что-либо от юриспруденции в нормальном понимании этого слова). Речь шла об ограничениях, которым в нашей стране подвергается любой и каждый. За пределами обзора остались трагедии "спецпереселенцев" — "кулаков", "наказанных народов" и т.п. Впрочем, в этом случае уже приходится говорить не столько о нарушении права на свободу передвижения и выбора места жительства, сколько о настоящем геноциде.

Об этих трагедиях написано много, теперь они известны широко. Здесь стоит лишь заметить, что принудительные переселения целых народов отнюдь не являются в СССР только результатом потрясений военных лет или сталинского произвола. Так, в 60-х гг. было осуществлено официально объяснявшееся "недостатком рабочих рук" переселение таджиков-ягнобцев из высокогорных областей, где они жили столетиями (высота более 2000 м), в долины. Переселение осуществлялось путем грубого физического принуждения (вплоть до разрушения жилищ). Желаемого экономического результата это, естественно, не принесло. Никакого юридического документа о переселении ягнобцев опубликовано не было. Власти, очевидно, исходили из того, что отдаленность района и низкий образовательный уровень переселяемых позволят провести насильственное переселение без лишних формальностей и огласки. Расчет оказался правильным. О событии стало известно лишь через полтора десятка лет.

Последний пример как в капле воды отражает тесную связь советских методов решения экономических проблем и государственного силового регулирования места жительства каждого из нас. Любой советский гражданин — в той или иной степени немножко ягнобец. Только многолетняя привычка и чуть более цивилизованная форма принуждения приводят к тому, что это как бы перестает замечать.

Сейчас страна стоит перед выбором: рынок или смерть, и эта дилемма имеет отнюдь не лозунговое, а совершенно конкретное содержание. Но никакой рынок невозможно сочетать с крепостным правом — хотя бы и в респектабельных одеждах паспортной системы. Я понимаю, что противники ее отмены именно сегодня получили в руки аргумент, кажущийся совершенно неотразимым: отмена прописки разрушит и без того шаткую систему распределения жизненно необходимых товаров и продуктов. Разрушит. Придется искать иные формы и пути, платить за слишком долгое оттягивание в принятии этого необходимого решения. Но если тянуть еще дольше, то придется заплатить такую цену, которая окажется уже совершенно непосильной.



ПОЛНЫЙ КОНСЕНСУС...

Расстрел ста шестидесяти одного заключенного Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 г. стал делом громким, даже несоразмерно громким: при циклопическом размахе сталинского террора 161 человек – не такая уж большая цифра. Но тут в одночасье погибли люди известные: левая эсерка Мария Спиридонова; крупный деятель Октября, жертва сенсационного процесса Христиан Раковский; заметная фигура русской эмиграции, потом советский шпион Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой; Ольга Каменева, сестра Троцкого; видные оппозиционеры (мой отец в их числе); деятели пресловутого Коминтерна – русские, немцы, евреи, японцы, корейцы, персы, латыши, венгры, армяне, китайцы, финны, украинцы, эстонцы... Это еще не полный перечень национальностей узников Орловской тюрьмы, погибших в тот день.

Еще в 1988 г. орловский «Мемориал» добивался сооружения памятного знака жертвам этого расстрела. Но тогда заместитель начальника секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР В.Полуянов ответил назойливым просителям из Орла, что Военная коллегия не располагает данными об орловском расстреле. Между тем казнь была произведена по приговору именно Военной коллегии, а ложь чиновника была тем более наглой, что к тому времени во многих газетах и журналах были уже опубликованы сведения об этом расстреле. О нем говорил в интервью газете «Труд» даже заместитель председателя Верховного Суда СССР Гусев. И тем не менее служащий того же учреждения соврал по долгу службы, в результате чего орловские власти отвечали «мемориальцам» на их домогательства примерно так: «Никакого расстрела не было, все это слухи; статьи и очерки для нас не доказательство, найдите документы, обратитесь в КГБ. Пусть они вам помогут».

«Они» не помогли.

Попытки торжественно возложить цветы у тюремной стены расценивались как криминальные: хотите – кладите, но тихо, без речей! Спокойствие обеспечивали наряды милиции.

Но со временем и центральная партийная пресса заговорила об орловской трагедии, упрямиться дальше орловским властям стало неудобно. И вот сорок девять лет спустя после гибели посмертно реабилитированных эзков орловский горсовет решил установить памятный знак. «В память о жертвах репрессий 30–40-х – начала 50-х гг.», – гласила надпись на гранитной плите, точно повторяя государственно утвержденную формулу: ни шагу назад в двадцатые и ни шагу вперед в семидесятые годы.

Но еще до открытия этого памятного знака городскими властями был запрещен, уже как бы по традиции, другой митинг, назначенный на 9 октября: возложение цветов у орловского центра, где, возможно, были похоронены казенные.

Громные красные знамена из волнистого шифера, приделанные к тюремной стене, тянутся, одно за другим, во всю ее длину мимо холмиков, над которыми памятный знак. Надпись на нем сообщает, разумеется, только о жертвах нацизма.

Орловские «мемориальцы», а также приехавшие из Ленинграда христианские демократы, члены других демократических групп – всего несколько десятков человек – все-таки положили цветы и зажгли свечи подле этой красноречивой тюремной стены. Между тем у входа на кладбище стояли милиционеры с дубинками; офицеры были на чеку; милицейские машины ждали невольных пассажиров...

Но речей не было. Эммануил Менделевич, выступив от имени орловского «Мемориала», прочел стихи Волошина о красном терроре. Все обошлось благополучно, если считать «благополучием» самоуверенный произвол властей. Все разошлись по домам и службам. А через два дня, в 18 часов 11 сентября, все – и неформалы, и милиционеры – сошлись снова, теперь уже за чертой города – в Медведевском лесу, на разрешенном митинге по поводу открытия памятного знака, сошлись под звуки траурного марша из исполкомовской спецмашины. Однако недавний эпизод у стен орловской тюрьмы заставляет меня усомниться в искренности орловских градоначальников.

Где именно расстреляли узников, никому неизвестно; есть предположение, что именно в этом Медведевском лесу. С точки зрения властей, у этого предположения было еще и то удобство, что памятный знак оказалось возможным поставить за городской чертой, чтобы в городе подле Орловского центра он никому глаза не мозолил. К тому же – объясняли городские власти – на Орловщине были и другие жертвы сталинизма; памятный знак, хоть и за чертой города, но все же у самой его черты – место перспективное...

На «перспективном» месте собралось человек триста. У подножья памятного знака уже лежал большой венок с лентой: «В память жертв сталинских репрессий от УКГБ Орловской области».

Ах, если бы эти горбачевские чекисты были столь же внимательны к просьбам орловского «Мемориала»! А то ведь даже списка расстрелянных 11 сентября 1941 г. «мемориальцы» от гебешников не получили. Зато собкору «Известий» они предоставили сведения об орловской трагедии, как это явствует из заметки в «Известиях» от 5 сентября 1990 г. под названием «Берия попросил, Сталин подписал». Так что активным источником зла оказался все-таки Берия.

Митинг прошел быстро, по-деловому. Открыл его председатель горсовета Александр Кисляков. Выступали ораторы от горсовета, успели выступить и «демократы» разных толков.

Я говорю «успели выступить», потому что на мирной и торжественной церемонии произошел скандал, заставивший ведущего поскорее свести все на нет – дать сигнал церковному хору петь. Торжественный молебен достойно и в духе времени завершил гражданские речи.

Скандал же произошел мерзкий, но по счастью негромкий: люди молчали, хотя многие – по лицам было видно – испытывали горькую обиду, слушая речь Ветрова, почтенного на вид старика, представителя Объединенного фронта трудящихся, а может быть, – общества «Память». Мнения орловских жителей по этому поводу разделились.

Долго и выразительно читал Ветров по бумажке, что не Сталин был палачом России, – нет, мировой империализм под руководством мирового сионизма морочит нас с 1917 года, а вождь Сталин изнемог в борьбе с ними. Злодей Берия подсказывал Сталину неверные решения, разбойничал за его спиной, чтобы все шишки валились на вождя (тут я вспомнил заголовок известинской заметки «Берия попросил, Сталин подписал»).

– А это, дорогие товарищи, кому же памятный знак? Не поминаем ли мы тут добром врагов, которые губили Россию? – так закончил Ветров.

Ему дали слово на запланированном митинге, хотя, конечно, организаторы отлично знали, кто он. Разумеется, и этот человек имел право говорить. Ветрову успел возразить темпераментно и резко полковник авиации Приселков – из московских демократов. Почти сразу после его выступления началось торжественное богослужение, а затем власти уехали, забрав звуковую аппаратуру, но оставив на всякий случай милицию.

Теперь говорили через мегафон; тут уж все наговорилось вволю. От орловского отделения Демократической партии России выступил Николай Перовский, от орловских же христиан-демократов – Алексей Ромаш; произнес

речь, тоже, кажется, от демократов, Евгений Чернов. Все они говорили правильно и дельно.

Впрочем, говорить правильно и дельно за демократию, за христианство, против Ленина и Сталина – это все равно, что профессиональному актеру играть Гамлета: если знаешь слова, провалиться нельзя. Пусть актер без всякой нюансировки хоть в крик кричит, – все равно про него скажут: такая исполнительская манера.

Митинговому стилю у нас, да и везде, наверное, свойственна именно такая «исполнительская манера» – всеобъемлющий гиперболизм. Огромные цифры («Сталин уничтожил 120 миллионов человек»), в крик переходящие голоса, бронебойные формулировки вроде: «Бандитская клика Ленина». Все это естественно, хотя и смешно, но симпатично, – когда внове и от души. Но теперь это сделалось штампом, и от этого скучно.

Даже если в основе пропагандистского утверждения лежат факты, оно принципиально отличается от фактов в чистом виде, без пропагандистской надстройки. Пропагандистское утверждение, основанное на фактах, подобно памятнику архитектуры: оно закончено в себе, оно прежде всего впечатляет, а глубокое впечатление нередко приостанавливает аналитическую мысль. Сам по себе факт, наоборот, требует объяснения и толкает к дальнейшему исследованию.

На такой именно факт я наткнулся во время митинга: в списке расстрелянных был астроном, член-корреспондент Академии Наук СССР Борис Нумеров; уже после того, как трагедию в Орле перестали замалчивать и родственникам погибших выдали новые документы о смерти близких взамен документов прежних, лживых, его дочь, Анастасия Борисовна, тоже астроном, получила справку, где значилось, что отец ее умер 15 сентября 1941 г.

Значит ли это, что расстрелы шли несколько дней? Где в это время держали людей?

Прежний «политический» корпус, в котором были подвалы, не сохранился; в сохранившемся старинном корпусе, где есть камера Феликса Дзержинского (туда, в эту камеру-музей, иногда водят особо заслуженных пионеров), нет подвалов.

К сожалению, как ни каются чекисты в своих прежних преступлениях, но даже своих старинных тайн они не открывают, а только приоткрывают их чуть-чуть, да еще кладут венки на могилы жертв своих бывших однополчан.

Между тем бредовое сталинистское выступление Ветрова весьма симптоматично.

Ведь венку от КГБ в память жертв сталинских репрессий сопутствовало и другое обстоятельство, тоже увенчавшее, правда, весьма своеобразно, орловскую трагедию. Были посмертно реабилитированы не только жертвы. В 1990 г. реабилитированы и их палачи. Главная военная прокуратура СССР прекратила дело, возбужденное против председателя военной коллегии Верховного Суда СССР Ульриха и других двух членов коллегии, отштамповавших в один день 161 смертный приговор орловским узникам без рассмотрения их дел. Прекратила «за отсутствием состава преступления» в действиях этих судей. Этот документ Главной военной прокуратуры подписан помощником главного военного прокурора СССР полковником Анисимовым и опубликован в газете «Вечерняя Москва» от 27 июля 1990 г. В документе говорится: «Военная коллегия Верховного Суда СССР, вынося заведомо неправосудный приговор, руководствовалась постановлением Государственного комитета обороны – высшего в тот период органа государственной власти. По этой причине уголовное дело в отношении Ульриха В.В., Кандыбина Д.Я. и Буканова В.В. прекращается за отсутствием состава преступления».

Это принципиальная мотивировка: выносящие преступный приговор по воле того или другого высшего в данный момент органа государственной власти не совершают тем самым никакого преступления. Тоталитарная безнака-

занность возводится в юридический принцип. Такая мотивировка имеет далеко идущие политические последствия. В 1990 г., когда ситуация в стране взрывоопасна, высший правоохранительный орган объявляет, что приказ Верховной Власти снимает с судей всякую ответственность перед законом.

Дело в отношении преступной тройки – Ульриха и его подручных – можно было бы прекратить за смертью этих людей на основании п.8 ст.5 УПК РСФСР. Однако военные прокуроры предпочли другую, грубую, откровенно сталинистскую мотивировку, осуществив тем самым не акт защиты права, а нападение на самые основы демократического правопорядка. Не готовит ли нас руководство военной прокуратуры к будущим славным деяниям того или другого Верховного Правителя?

Тоталитаристская мотивировка реабилитации судей-преступников социально опасна еще и потому, что лишает законного основания уголовное преследование за преступления против человечества, поскольку это касается, например, нацистов; судить некого и не за что, кроме Гитлера: гитлеровские суды и расстрельщики, как и сталинские, просто выполняли приказы свыше.

Между тем ленинско-сталинская государственность была преступной с момента своего основания, так же как государственность гитлеровская. Попытка описать ее функционирование в терминах правового государства, как это сделано в ответе Главной военной прокуратуры, – попытка, достойная Вышинского, но не современных квалифицированных юристов.

И тут в ходе размышлений по поводу памятного знака жертвам орловской трагедии у меня возникает еще один мотив: и криком кричать, и убедительно говорить на митингах наши демократы умеют. Но умеют ли они, приветливо приглашенные в кабинеты высшей власти в качестве «мужей совета», противопоставить тем условиям игры, которые им предлагают радужные хозяева, свое прежнее бестактное упрямство?

Конечно, оно было не у всех; демократ в душе, ставший теперь демократом при должности, а демократом-диссидентом не бывший никогда, исходно склонен уступать. Но ведь и демократы-диссиденты иной раз уподобляются своим прежним тайным, а теперешним явным союзникам, демократам-соглашателям. И тут все сходится на либеральном государственничестве. Они не анархисты какие-нибудь, – к чему же в среде единомышленников диссидентские жесты?

Видимо, у людей сдали нервы и пропала острота реакций (об орловских демократах этого сказать нельзя), – иначе почему опубликованный еще в июле документ Военной прокуратуры не вызвал гласного общественного протеста? Ведь это же не козел чихнул, – Главная военная прокуратура СССР высказалась в духе покойного Вышинского, подтвердила правомочность сталинского тоталитаризма. А со стороны общества в ответ – молчание... знак согласия?

Для меня совокупность этих событий – открытие памятного знака жертвам орловской трагедии и реабилитация их судей-убийц – демонстрирует парадоксальную (и тупиковую!) ситуацию: все у нас в конце концов правы – и палачи, и жертвы.

Полный консенсус добра и зла на чужих костях.



НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

«Вряд ли какое-либо иное слово занимает столь видное место в современном политическом словаре, как слово «национальный», – так начал свою книгу «Национальность нашего времени» Карл Каутский. И все, сказанное им далее, удивительным образом созвучно дискуссиям, которые ведутся в СССР сегодня... «Что словами «национальный», «национальность» нередко прикрывается простое мошенничество, что национальному духу часто приписывают процессы, которые на самом деле обусловлены совершенно иными факторами – это несомненно. Все эти соображения нисколько не могут ослабить того факта, что национальная идея оказывает огромное влияние на народы современной культуры; влияние, которое нельзя объяснить одними искусственными махинациями. Нельзя отрицать, что некоторые партии эксплуатируют национальную идею в своих партийных интересах и поэтому стремятся, елико возможно, усилить ее значение. Но если бы мы захотели искать в этом образе действий корень национальной идеи, мы впали бы в... ошибку. Сотни тысяч шли на смерть за национальную идею, терпели преследования и гонения. Она возбудила такой живучий дух самопожертвования, такое продолжительное воодушевление, которые не могут быть вызваны речами и журнальными статьями».

В цитированной работе К.Каутский описывает историю возникновения нации как социально-исторического феномена и состояние национальных отношений в конце прошлого века. Как видим, то, что было актуально для капитализма сто лет назад, сделалось актуальным и для социализма сегодня.

В последнее время национальный вопрос в СССР вдруг обострился, причем до такой степени, что стал краеугольным камнем (или камнем преткновения?) нынешних реформ. От его решения зависит судьба советского народа – «новой исторической общности людей».

Помните шлягер: «Друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве!». Казалось бы, что тут особенного? А ведь за этим угадывается позиция. Друга, с которым встретился в Кемерово, Бедиркенте или, скажем, в Париже, можно и позабыть. А вот если это событие произошло в Москве, то никогда. Потому как Москва – по части дружбы, братской взаимопомощи и во многих других отношениях – город особенный, в своем роде единственный.

Надо признать, что в некотором смысле это утверждение верно. В дни шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г. московские «доброхоты-интернационалисты» отлавливали советских девушек, неформально общавшихся с иностранцами, и стригли их наголо. После этого, конечно, друга «никогда не забудешь»...

Понятно поэтому, что состояние национального вопроса именно в Москве представляет особый интерес. Тем более, что население Москвы соответствует тому определению субэтнуса, которое сформулировал Л.Н.Гумилев в известной работе «Этногенез и биосфера Земли».

Опрос москвичей по проблеме национальных отношений проводился с 22 по 26 марта нынешнего года, методом телефонного интервью.¹

На наш взгляд, результаты опроса достаточно интересны. Однако, прежде чем перейти к их анализу, хотелось бы кратко остановиться на том, что

¹ Использовалась случайная механическая бесповторная выборка. Опрошено 654 респондента. Основа выборки – список квартирных телефонов Москвы. Отбор респондентов в квартире производился по методу Киша.

же все-таки означают такие расхожие ныне слова, как «нация» и «национализм», ибо ни то, ни другое пока не имеет исчерпывающего объяснения.

Нация и национализм

Начнем со слова «нация» как исходного. В цитированной выше работе К.Каутский определяет нацию как исторически складывающееся единение людей, которое возникает на основе общности их территории, экономики, языка и центральной власти.

«У нас один чудесный грузин засел и пишет... большую статью (о национальных отношениях. – Ф.И.), собрав все австрийские и пр. материалы», – писал В.И. Ленин А.М.Горькому в феврале 1913 г. В статье «Марксизм и национальный вопрос», опубликованной в 1913 г., «чудесный грузин» заявил, что «мы исчерпали все, отбросив такой признак, как «центральную власть», и заменив его «психическим складом, проявляющимся в общности культуры». Заметим, что эта поправка заимствована из так называемых «идеалистических учений о нации», которые Каутский, видимо, не разделял.

В итоге советское каноническое определение нации включает четыре признака: общность территории, экономики, языка, культуры и характера. Почему И.Сталину не понравилась «центральная власть», остается загадкой. Ясно, однако, что это – один из существенных признаков нации. Именно централизация власти выступает в роли первичного фактора, образующего нацию.

Несмотря на то, что это каноническое определение выглядит весьма впечатляюще, при внимательном с ним знакомстве возникает ощущение неполноты и даже прямой ущербности. Чего-то тут явно не достает. Говоря конкретно, не достает той самой части, которая как раз и содержится в упомянутых «идеалистических учениях». Вот, например, как определял нацию М.Ковальский: «Сознание взаимной зависимости и общности исторического прошлого, языка, других культурных особенностей... в числе их – веры; наконец, сознание общности интересов в настоящем».

Очевидно, что феномен нации невозможен без «сознания взаимной зависимости и общности интересов», без осознания общности «особенностей культуры и характера».

Объединив понимание К.Каутского и М.Ковальского, гармонично дополняющие друг друга, мы приходим к выводу, что нация – это объединение людей, возникшее на основе общности центральной власти, территории, экономики, языка и осознания общности интересов, особенностей характера и культуры.

Попробуем рассмотреть с точки зрения данного определения Советский Союз. Каждая входящая в него республика имеет, во всяком случае формально, центральную власть и все остальные слагаемые нации. Поэтому в данном смысле между республикой и нацией можно поставить знак равенства. Что касается СССР в целом, то здесь наличествует центральная власть, общность территорий, экономики, в какой-то мере присутствует (или было?) осознание общности интересов и культуры. Позволительно говорить и о существовании общего языка. Таким образом, допустимо рассматривать СССР (по крайней мере в недавнем прошлом) как формирующуюся супернацию.

Теперь перейдем к производному от «нации» слову «национализм». Отражая марксистскую позицию, философский энциклопедический словарь разъясняет: «Национализм – буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе».

Нынешние социальные процессы в СССР свидетельствуют как минимум о неполноте приведенного определения. Возьмем результаты нашего интервью.

На вопрос: «Как Вы считаете, есть ли в СССР националистически настроенные народы, или все интернационалисты?» – 70,5% респондентов ответили: «Есть националисты». Их попросили уточнить: у людей каких национально-

стей национализм развит больше всего. Распределение ответов приведено в табл. 1. На «первом» месте, по мнению москвичей, здесь находятся прибалтийские республики, на втором – закавказские, затем следуют республики Средней Азии, далее украинцы, евреи и русские.

В табл. 1 приведены и ответы на вопрос, каким национальностям национализм свойственен в меньшей степени. Как видим, безусловные «лидеры» здесь русские – так полагают 49,5% опрошенных.

У людей каких национальностей национализм больше всего развит?	Каким национальностям национализм свойственен в меньшей степени?
Литовцы	Русские
Латвы	Белоруссы
Эстонцы	Украинцы
Азербайджанцы	Народы Севера
Армяне	
Грузины	
Народы Средней Азии	
Украинцы	
Евреи	
Русские	

Приведенные данные надо, очевидно, понимать так, что национализм возможен и без национальной буржуазии, ибо в республиках Советского Союза ее уже (пока?) нет. Конечно, относить к этой категории «теневиков» не следует. Значит, официальное определение нельзя считать исчерпывающим.

Попробуем вновь обратиться к теоретическим изысканиям «идеалистов». Вот точка зрения Вл.С.Соловьева: «Национализм – превращение живого народного самосознания в отвлеченный принцип, утверждающий «национальное» – как безусловную противоположность «универсального» и «свое

родное» – как безусловную противоположность «чужеземного». Как видим, старое понимание куда полнее отражает реальные процессы в СССР.

Правда, и это определение нельзя считать исчерпывающим. Вообще все известные и справедливые характеристики национализма обычно отражают лишь те или иные стороны этого явления. Ключ к пониманию проблемы дает, на наш взгляд, методология, разработанная Г.Плехановым. Исходя из его подхода, национализм можно определить как систему представлений, настроений и действий, направленных на большее удовлетворение интересов (потребностей) данной нации (национальности) в ущерб другой.

Для сравнения отметим, что в рамках этнологического направления в социологии возможно понимание национализма и как коллективной агрессии. Последняя в этологии интерпретируется как конкурентное поведение в условиях дефицита ресурсов.

Итак, национализм – это феномен, имеющий сложную когнитивно-эмоционально-поведенческую структуру. Конечно, для каждого из элементов этой структуры можно использовать самые различные системы показателей. Наше исследование – лишь первая попытка изучить некоторые аспекты этой проблемы.

Национальное сознание

Рассмотрение структуры национализма начнем с того ее элемента, который в определении обозначен как «представления», – то есть с когнитивной компоненты. Национализм в этой части представляет собой систему взглядов, идей и программ, направленную на обоснование приоритета национальных интересов и их пропаганду с указанием путей реализации поставленных целей.

В одной из статей, посвященных проблеме искусственного интеллекта, отмечалось, что представление о собственной исключительности – атрибутивное свойство всякого сознания. Видимо, тут следует уточнить: всякого, включая коллективное (групповое). Действительно, исследуя сознание любой социальной или малой группы (профессиональной, образовательной, воз-

растной и т.д.), всегда обнаруживаешь в структуре ее коллективного сознания элементы представления об исключительности данной группы в том или ином отношении.

Непосредственным проявлением указанного феномена в национальной сфере служит так называемое «чувство национальной гордости». Индивид гордится тем, что принадлежит к определенной нации (национальности) в силу того, что эта нация обладает, по его представлениям, некоторыми качествами, которые он высоко ценит.

Вероятно, эта особенность может служить неплохим индикатором национализма. Информацию на этот счет можно было бы получить посредством вопроса типа: «Гордитесь ли вы тем, что вы (русский)?» с альтернативами: «да», «нет», «считаю, что национальной принадлежностью гордиться не следует». Однако подобная схема представляет ценность лишь при проведении сравнительных исследований, а потому в нашем опросе москвичей не использовалась.

Идея национальной (и любой групповой) исключительности – это один из механизмов консолидации индивидов, отражающий их коллективные интересы. Попытки же приписать национальной идее мистическую самоценность есть не более чем стремление (осознанное или не осознанное) прикрыть сущность явления магией проникновенного слова. Как же и кем формируется эта идея? В период до возникновения нации эта функция реализуется фольклором (сказки, былины, легенды, пословицы и т.п.). В период образования нации их сменяет националистическая идеология, которую создает особая группа людей. При возникновении капитализма – это национальная буржуазия и националистически настроенная интеллигенция.

Осознание членами группы своей принадлежности к ней, своего отличия от других групп и противопоставленности им и проявляется как групповое самосознание (самоосознание). В марксистской литературе этот феномен известен как «классовое сознание».

В основу разделения кладутся при этом групповые интересы. Можно, видимо, говорить о двух этапах становления национального сознания. На первом – в индивидуальном сознании членов нации возникает представление о своей групповой (национальной) общности. Лишь позднее происходит осознание общегрупповых (национальных) интересов. О развитости национального самосознания как раз и можно судить по тому, насколько сильно в индивидуальном сознании людей данной нации отражено понимание и собственной национальной общности, и общности групповых интересов. Из развитого национального самосознания со временем вырастает национальное сознание – концептуальное выражение национальных интересов и путей национального движения.

При оценке зрелости такого сознания следует учитывать два фактора – объективный и субъективный. Объективный – это степень концептуальности национального сознания, то есть зрелость национальной концепции. Субъективный – уровень знакомства членов нации с национальной идеологией – глубина ее проникновения в массы.

Если рассматривать отдельные республики Советского Союза в качестве субъектов национального движения, то на нынешнем этапе пока нельзя говорить о наличии развитого национального сознания. Правда, в отдельных республиках (особенно в прибалтийских и закавказских) этот процесс зашел достаточно далеко. Однако и здесь мы встречаемся скорее с отдельными элементами национальных «представлений», чем с законченной идеолого-политической концепцией.

Нынешний этап развития национального сознания связан прежде всего с представлением о неравном удовлетворении интересов различных этнических групп, входящих в состав Союза. В ответ на вопрос: «Как Вы считаете, в СССР люди всех национальностей живут приблизительно одинаково, или одни нации лучше, а другие хуже?», подавляющее большинство москвичей (70,8%) выбрало

второй ответ и лишь 17,4% полагали, что все живут одинаково. При этом москвичи считают, что лучше живут там, где национализм сильнее (см. табл. 2).

Табл. 2

Распределение ответов на вопросы
об уровне жизни различных этносов (%)

Какие национальности в СССР живут лучше других?		Какие национальности в СССР живут хуже других?	
Латыши	28,5	Русские	28,8
Литовцы	27,7	Туркмены	13,2
Эстонцы	26,4	Киргизы	12,9
Грузины	22,5	Таджики	12,8
Армяне	18,5	Народы Севера	9,3
Азербайджанцы	13,5	Якуты	1,8
Узбеки	8,1		
Евреи	6,1		
Белорусы	5,5		
Украинцы	4,4		
Русские	3,1		
Татары	1,3		

Впрочем, тут важны не столько представления о неравенстве этнических групп, сколько общий уровень жизни. Если одни национальности живут хорошо, а другие еще лучше – это одно; если же одни живут плохо, а остальные еще хуже – это другое. Именно общий низкий уровень жизни придает представлениям о неравенстве тот импульс, который лежит в основе национализма. Там, где нет чувства ущемленности, националистические настроения и тем более идеи не возникают.

21 мая 1990 г. на встрече канадских студентов с группой

работников АН СССР студенты спросили: «Почему национальное движение так активно в Прибалтике и Закавказье и так пассивно в России? Объясняется ли это русским национальным характером?» Один из ответов гласил: «Дело в том, что национальное движение в этих республиках имеет идею, содержание ее – «все беды от русских». Поэтому национальное движение, объединенное вокруг этой национальной идеи, имеет общую цель – «освободиться от русских и зажить красиво». Русские же не могут воспользоваться этой идеей, то есть освободиться от самих себя. По этой причине здесь нет и столь активного русского национального движения».

Следует, однако, признать, что в данный момент идет консолидация противоположной идеи: «русские живут плохо из-за других республик». В нашей анкете содержался вопрос: «Согласны ли Вы с мнением, что некоторые республики хорошо живут за счет РСФСР?» Ответы распределились следующим образом: «согласен» – 56,6%, «не согласен» – 16,5%. Итак, можно констатировать, что в национальном сознании московской части российского населения указанная идея достаточно распространена.

Вместе с тем опрошенные (в значительной части) готовы и дальше «нести свой крест»: 74,9% из них считают, что «следует стремиться к сохранению Союза Советских Социалистических Республик как единого государства», и только 16,2% высказываются против этого.

Интересно, что такое соотношение существует несмотря на то, что 62% респондентов согласны с утверждением: «Если из состава СССР вышли бы некоторые республики, то в целом жизнь в СССР стала бы лучше». При этом лишь 57,3% опрошенных являются сторонниками полной экономической самостоятельности республик.

Подведем некоторые итоги этого опроса. Большая часть москвичей считает, что некоторые национальности в СССР живут лучше других, что часть республик «хорошо живет за счет РСФСР» и если отдельные республики выйдут из Союза, то жизнь станет лучше. В то же время большинство из них (74,9%) является сторонниками сохранения целостности СССР. Таким образом, полагая, что российское население живет в составе Союза в ущерб своим национальным интересам, большинство в то же время не хочет роспуска СССР. Вывод вроде бы напрашивается: москвичи и в самом деле интернационалисты, то есть готовы помогать другим народам даже в ущерб собственным интересам.

Тут возможны, однако, два антитезиса. Первый, «имперский», исходит из идеи уникальности российского империализма-колониализма, «колониализма наоборот»: метрополия, в силу русского характера, готова жить хуже коло-

ний, платя этим за сохранение империи. Второй антитезис («идеологический») – ради торжества и распространения марксистско-ленинских идей большевики согласны жертвовать благополучием русских.

Налицо, видимо, противоречие между экономическими и политическими интересами нации. Такое противоречие, как правило, решается в пользу политических интересов, поскольку они отражают стратегические цели национального движения и достижение их в конечном счете должно привести к более эффективному удовлетворению и экономических интересов.

Вероятно, так бывает далеко не всегда. Известно, что в ряде стран после их освобождения от колониального ига эффективность функционирования экономики снизилась, а уровень жизни упал. Лишившись финансовой, технологической и интеллектуальной поддержки метрополии, они не смогли в полной мере использовать плоды свободы.

Аналогичную перспективу предсказывают и ряду советских республик в случае их выхода из Союза. Можно полагать, что активность национальных движений в значительной мере зависит от того, насколько в национальном сознании укоренилось представление, что выход из СССР позволит улучшить качество жизни.

Можно, разумеется, возразить, что теми же прибалтами движет обида, обусловленная их насильственным, как они считают, присоединением к СССР. Если бы, однако, народ не верил в значительное и резкое улучшение качества жизни после выхода из Союза, вряд ли национальные лидеры пользовались бы такой широкой поддержкой.

Национальные вожди

Такой национальный феномен, как лидеры национальных движений в СССР, до сих пор почти не исследован. Понятно, что лидеры порождены социальной ситуацией в Союзе до и в ходе перестройки. Появление в стране – впервые после Октября – политических свобод и гласности открыло перед отдельными лицами и группами возможность сравнительно свободного, не-санкционированного движения к власти. Как известно, иерархическое (статусное) поведение – одна из фундаментальных характеристик человека. В условиях тоталитаризма эта активность была жестко ограничена, а формы ее строго регламентированы. Действовали суровые механизмы социального отбора: во властвующую элиту могли войти лишь лица, имеющие строго определенные нравственно-политические качества. Не имевшие таких качеств, а тем более не желавшие их иметь, в коридоры власти не допускались. Поэтому большинство населения не могло адекватно своей природе реализовывать потребности статусного поведения. Они подавлялись, аккумулируясь, естественно, в негативную энергию. Когда клапан чуть приоткрылся, эта энергия хлынула плохо регулируемым потоком. Начались национальные стычки и кровопролития.

Кто за этим стоит? Распространенные ответы: дельцы теневой экономики, партийно-коммерческая мафия, противники перестройки и т.д. Однако ни одна из этих версий не подтверждена фактами. Более того, после трезвых размышлений их вряд ли можно считать состоятельными. Ведь никто из перечисленных «виновников» не обладает столь мощным влиянием на массы, чтобы повсеместно творить недоброе дело в своих преступных интересах.

Между тем здесь, как и в любом социальном феномене, есть свои причины и свои закономерности. Если вспомнить, что толпе свойственны иррациональность, подражательность и потребность в вождях, то ситуация несколько прояснится, поскольку нынешние национальные конфликты зачастую стихийны, и поведение участвующих в них – это поведение «толпы».

Представляется, что национальному движению и в самом деле присуща иррациональность: «перестройка предоставляет нациям реальные возможно-

сти, а они губят ее, давая «шанс» тоталитаристам». Подражательность тоже налицо: «один закричал, выскочил, побежал – и все задвигались». Отчетливо проявляется и потребность в вождях, ибо прежние вожди в народном сознании перестали быть вождями. Как сказал Шекспир: во времена смуты слепцы следуют за безумцами.

Однако взаимоотношения между нацией и вождем сложнее. Известный туркменский писатель Б.Кербабаев, «служивший и у белых, и у красных» и наблюдавший за поведением масс с обеих сторон баррикады, как-то заметил (разумеется, устами отрицательного героя): «Народ – это стадо баранов, куда погонишь, туда и пойдут».

Конечно, это не так, вернее, не совсем так. Чтобы направить национальное движение в ту или иную сторону, надо убедить нацию, что именно этим путем могут быть реализованы ее национальные интересы. Поэтому, с одной стороны, лидер указывает нации направление, исходя из собственных воззрений, но с другой – народ, выдвигая вождя, отражает в его личности свое представление о том, как улучшить жизнь нации.

В формировании общего направления вождю и нации может принадлежать большая или меньшая роль. Это зависит от доступности и привлекательности социально-политической доктрины вождя и уровня представлений самой нации о путях улучшения ее жизни. Ясно, что чем менее развито общество, тем легче им манипулировать.

Можно утверждать, что М.Горбачев начал перестройку, руководствуясь наполеоновской формулой: «Главное ввязаться в бой, а там видно будет». Это справедливо лишь отчасти. Думаю, ему представлялось, что не так уж трудно будет разработать конкретную программу перехода к новому обществу, а главное – подготовить к этому народ. Все оказалось, однако, гораздо сложнее. Похоже, ту же ошибку повторяют сейчас многие новые лидеры.

Конечно, М.Горбачев формировал национальное сознание. Но и оно, эволюционируя, меняло его. Видимо, тут важны не столько собственно личные качества лидера, сколько его способность отражать или даже олицетворять своей персоной потребности национального движения. Можно полагать, что именно эта особенность процесса выдвинула на передний план таких людей, как Б.Ельцин.

Существует весьма показательная зависимость между нравственными качествами национального лидера и особенностями социальной системы. Политическими лидерами всегда становятся люди, у которых потребность в доминантном поведении выражена очень сильно. Настолько сильно, что подчиняет себе всю структуру ценностей человека, включая, естественно, нравственность. Поэтому для политического лидера обычно нравственно то, что позволяет ему прийти к власти.

В каждой социальной системе, однако, свои механизмы вхождения во властвующую элиту и свои требования к нравственности. Поэтому нравственность политического лидера есть лишь отражение господствующей в данном обществе этики. Политик морален в той мере, в какой морально общество. Это соответствие политик стремится поддерживать хотя бы внешне, меняясь сообразно с требованиями времени. Именно поэтому некоторые прежние руководители сумели стать лидерами нынешних национальных движений.

Национальное движение в СССР неоднородно. Разномастны и вожди, отражающие весь спектр настроений. Соответственно пестры и лозунги – идеологические флаги движения. И гамма их предельно широка: от «Наш долг ненасильственными методами вернуть большевиков в лоно цивилизации» до «Да здравствует Сталин!». Справедливо полагать, что демократичная нация должна иметь нескольких вождей. Пусть не всегда хороших, но всегда разных. Рискну даже предположить, что вожди «всякие нужны». Опасность лишь в том, что пока в СССР появление национального лидера почти неизбежно связано с ростом национализма.

«Практическое значение, – писал Вл.С.Соловьев о национализме, – он отчасти имеет как зная дурных народных страстей, особенно в странах с пестрым многонародным населением». Приведенное положение, пожалуй, справедливо и для оценки сегодняшней ситуации в СССР. Дурные страсти – от дурной жизни, а от чего дурная жизнь, тоже вроде бы уже понятно. Вроде бы понятно, но вроде бы и нет.

Перестройка умов вызвала хаос в душах. Противоречие между представлениями о том, какой жизнь должна быть и какая она есть, породило массовую нервозность и озлобление. И тут как реакция на массовое бессилие срываются механизмы коллективной агрессии. А агрессия всегда направлена против другого коллектива (группы).

Национальному сознанию, видимо, не дано постигнуть, что врагом всех наций является их собственное и совместное тоталитарное прошлое, которое не совсем еще прошлое. Получается же так, что собираясь бороться со своим общим прошлым, нации борются друг с другом. Для национального движения враг непременно должен быть предметен и конкретен. И вождем в этих условиях становится всякий, кто способен дать нации этого конкретного врага...

Национальное настроение

От того, какая степень враждебности преобладает в национальном сознании («лютый враг – недруг – недоброжелатель» и т.д.), зависят настроения (чувства) в национальном движении («ненависть – вражда – неприязнь» и проч.). А уж сила этого чувства определяет формы и методы реализации целей данного движения. Национальные чувства – показатель готовности к действиям, направленным на достижение целей.

Как мы отмечали, пока еще, видимо, рано говорить, что в российском национальном сознании сложилась концепция национального движения. Существуют лишь разрозненные представления о том, что «содружество наций» в рамках СССР ущемляет экономические интересы РСФСР. Из всего спектра негативных отношений мы выбрали для опроса «неприязнь», попытавшись проследить динамику ее эволюции.

«Испытывали ли Вы ранее, лет 10 назад, неприязнь к людям каких-либо национальностей?» – спрашивали мы москвичей. «Да» – ответили 14,1% опрошенных, «не испытывали» – 83,6%. Хотя последнюю цифру не с чем сравнивать (аналогичные исследования нам неизвестны), исходя из обыденного опыта, можно полагать, что 14,1% неприязни – это не так уж и много. Да и с проявлениями национализма в СССР десять лет назад было сравнительно благополучно.

В ходе дальнейшего исследования выяснилось, что у 27,7% опрошенных неприязнь к представителям другой национальности возникла в последнее время. Уже одно это свидетельствует, что за эти десять лет состояние межнациональных отношений заметно ухудшилось. Наверно, сравнительные исследования могли бы выявить, при каком проценте неприязни возникают эксцессы в межэтнических отношениях. То есть когда происходит переход «количества в качество» – национальные настроения проявляются в национальном действии.

Ответы на вопрос, к каким именно национальностям респонденты испытывали неприязнь в данный момент, позволяют придать исследованию конкретность, дают возможность построить своеобразную шкалу неприязни (см. табл. 3).

Интересный феномен. Когда москвичи оценивали, кто лучше живет, то на первое место поставили прибалтов, на второе – закавказцев, аналогичным образом опрошенные оценили и уровень национализма. То есть прибалты и живут лучше всех в СССР, и национализма у них больше всего. Однако максимальную неприязнь опрошенные испытывают не к прибалтам, а к закавказцам.

Распределение ответов на вопросы об отношении к различным национальностям (%)

Табл. 3

К каким именно национальностям Вы сейчас испытываете неприязнь?	Каким национальностям не следовало бы разрешать проживание в Москве?		
Армяне	15,1	Армяне	3,9
Азербайджанцы	12,6	Азербайджанцы	3,4
Грузины	8,7	Грузины	3,4
Народы Средней Азии	2,5	Узбеки	1,9
Евреи	1,9	Туркмены, таджики, киргизы	1,4
Прибалты	1,8	Евреи	0,7

Прибалты же, вместе с евреями, замыкают шкалу неприязни. Описанный феномен можно, разумеется, как-то аргументировать, но исчерпывающее и убедительное объяснение найти трудно...

Изменения межнациональной неприязни отмечены и у тех, кто ее испытывал раньше. Ее увеличение (в той или иной мере) отметили 24,2% опрошенных,

не изменилась она у 9,2%, уменьшилась – только у 0,5%. Таким образом, неприязнь возросла почти у каждого четвертого из опрошенных.

В указанных ответах москвичи высказывали свое личное отношение к представителям других национальностей. Интересно, однако, выявить их оценку межнациональных отношений как бы со стороны, то есть представление о характере отношений между «прочими» нациями. Оценивая уровень напряженности межнациональных отношений в СССР в настоящее время, 61,5% респондентов назвали его высоким и очень высоким, 1/4 часть сочла его средним, 2,9% – низким. Лишь 0,8% придерживаются того мнения, что напряженность отсутствует вообще.

На наш взгляд, наиболее достоверную характеристику межнациональных отношений можно получить, совместив оценки личного отношения опрашиваемого к другим национальностям (неприязни) с общей оценкой степени напряженности межнациональных отношений в стране. Сведение двух отдельных, но логически связанных оценок в одну (индекс) осуществляется посредством известного в социологии логического квадрата. Схема его построения представлена в табл. 4. По вертикали отложены оценки уровня напряженности межнациональных отношений в СССР, по горизонтали – альтернативы, отражающие собственную неприязнь опрошенных. На пересечение строк и столбцов указан процент опрошенных, давших два соответствующих ответа. Каждой клетке получившегося квадрата присвоен числовой индекс: от 0 – неприязнь респондента к другим национальностям уменьшилась, считает, что напряженность в межнациональных отношениях нет, до 8 – неприязнь его сильно увеличилась, уровень напряженности оценивается как высокий.

Усредненный индекс для всех опрошенных получается суммированием произведений индексов каждой клетки на долю респондентов, попавших в соответствующую клетку. При случайном распределении ответов усредненный индекс равнялся бы 4. Из нашей таблицы следует, что величина этого индекса составляет 5,5. Как видим, значение это существенно выше среднего уровня. Это вызывает серьезные опасения.

Подводя итог исследованию национальных чувств (настроений) москвичей, мы вынуждены отметить рост неприязни и напряженности в межнациональных отношениях. Иначе говоря, их национальное настроение весьма тревожно. Сознание большинства опрошенных отягощено представлениями об ущемленных интересах, национальные чувства взбудоражены. Все это побуждает перейти к анализу готовности к определенным формам поведения, вытекающим из описанного состояния.

Национальное действие

Разнообразие форм национального движения общеизвестно: от деятельности, направленной на распространение националистических идей и настрое-

Построение индекса межнациональной напряженности
(% от числа ответивших на оба вопроса)

Табл. 4

Как изменилась за последнее время Ваша неприязнь к людям других национальностей?	Как Вы оцениваете уровень напряженности межнациональных отношений в СССР в настоящее время?				
	Очень высокий	Высокий	Средний	Низкий	Напряженности нет
Сильно увеличилась	8	7	6	5	4
	8,7%	15,3%	5,1%	0,9%	0,9%
Увеличилась в средней степени	7	6	5	4	3
	6,0%	11,1%	6,0%	0,5%	
Увеличилась в малой степени	6	5	4	3	2
	3,2%	7,9%	3,7%	0,9%	
Не изменилась	5	4	3	2	1
	7,4%	15,3%	5,1%	0,5%	
Уменьшилась	4	3	2	1	0
	0,5%		0,9%		

ний, до крайней формы – физического действия. Диапазон последнего тоже достаточно широк: от оскорблений и «мелких потасовок» до погромов, убийств и национальных войн.

О готовности к некоторым действиям можно обычно судить по косвенным данным. Так, в 1989 г. очень активно почему-то обсуждалась тема еврейских погромов. В своем исследовании мы избегали, естественно, прямых вопросов, касающихся «большого зуба» (К.Маркс), но ответы, относящиеся к общим аспектам, позволяют, на наш взгляд, трезво оценить готовность к указанным действиям. По оценкам опрошенных, евреи в СССР находятся на восьмом месте среди двенадцати национальностей, которые «хорошо живут» (отметили только 6,1% респондентов) и почти в самом конце списка этносов, проявляющих себя особенно националистически (отметили 3,2%). Столь же существенно, что сравнительно малая часть опрошенных испытывает неприязнь к евреям (1,9%). Все это позволяет сделать вывод о том, что опасения еврейских погромов в Москве несостоятельны.

От частной проблемы перейдем к общей – отношение опрошенных к насильственным действиям, направленным на достижение национальных интересов. Как уже отмечалось, почти 75% респондентов считают, что надо стремиться к сохранению СССР как единого государства. Наряду с этим, 37,5% полагает, что в принципе допустимо применение силы для подавления движений, угрожающих целостности СССР. Однако удивительным образом ровно столько же (37,5%) убеждены, что применение силы недопустимо. «Фифти-фифти», как любят выражаться нынче. Но ситуацию можно охарактеризовать как тревожную – состояние неустойчивого равновесия.

Почти столь же неопределенно отношение к идее пересмотра границ между республиками в случае выхода какой-то республики из состава СССР.

35,5% опрошенных считают, что границы следует пересмотреть, а 38,2% – что не следует. Заметим, что такая неопределенность наблюдается лишь при постановке вопроса в общей форме: «в случае выхода той или иной республики». Когда же речь пошла о непосредственных национальных интересах, отношение к проблеме изменилось. В частности, 62,4% опрошенных полностью или частично согласны, что если границы будут пересматриваться, то за Россией нужно сохранить (а также присоединить к ней) исконно русские области – тем более те, где преобладает русское население. Не согласен с этим лишь каждый десятый.

Очень важно, что подобное решение сочетается с пониманием возможных последствий. Почти 12% полагают, что пересмотр границ «обязательно приведет» к войнам между республиками, более 20% – что «наверное приведет», более 30% затрудняются предсказать исход передела и только 16,3% в той или иной мере убеждены, что до войны дело не дойдет.

Подведем итоги. В вопросе о допустимости применения силы и подавления движений, угрожающих целостности СССР, мнения расходятся. Однако большинство согласно с тем, что в случае «передела» к России следует присоединить «исконно русские земли». При этом опрошенные склоняются к мнению, что «передел» приведет к войне. Наверное, допустим вывод, что на момент опроса отношение к «национальному действию» (а стало быть, и готовность к нему?) балансирует на грани неопределенности и может быть охарактеризовано словом «растерянность».

“Дорогие москвичи и гости столицы!”

Приведенное выше обращение незаметно исчезло из лексики сервисных служб столицы. Ранее мы отмечали, что население Москвы в известной мере подпадает под определение субэтноса (в рамках данного изложения его можно назвать и «субнацией»). Этот факт отражен и в обыденном сознании. Так, в ситуациях искусственной изоляции и обособленного проживания, то есть в ситуациях экстремальных (тюрьма, армия), где настроения проявляются с особой отчетливостью, москвичей выделяют именно как представителей «субнации», обладающих специфическим набором черт характера. Так вот с этой субнацией, в плане ее отношения к другим нациям, а также в оценке собственного «национального характера» происходят, как кажется, некоторые перемены.

Скажем, у москвичей давно сложилось убеждение, что они должны обеспечиваться товарами лучше, чем вся страна, только потому, что они москвичи. Подобное убеждение проявляется в определенных настроениях. Например, в неприязни к «мешочникам» – людям из прилегающих областей, приезжающим в Москву, чтобы купить здесь колбасу собственного производства. Москва была возмущена введением в Прибалтике политического ценза оседлости, хотя действующие в Москве «экономические» цензы оседлости, связанные с доступом к различным благам (квартиры, автомашины и др. товары), ни у кого возмущения не вызывали.

Представление о собственной исключительности у москвичей явно гипертрофировано. Москвич – это звучит гордо. Не знаю, есть ли песни, посвященные городу Вашингтону, но Москва по количеству посвященных ей песен, безусловно, посрамит любую столицу мира. Понятно, впрочем, что все это обусловлено тоталитарным обожествлением «Центра».

Многое можно сказать и по поводу национального характера. И тем не менее все тут пока туманно. К примеру, в Союзе распространено мнение, что в СССР есть нации, особо склонные к занятию спекуляцией. Наблюдения за москвичами свидетельствуют, что данная «черта характера» является не врожденной для нации, а благоприобретаемой, – как способ адаптации к обстоятельствам. Так, процент москвичей, спекулирующих товарами народ-

ного потребления, в последнее время резко возрос. Ясно, что это обусловлено состоянием потребительского рынка и распродажей части товаров исключительно москвичам. У каждого крупного магазина, отведенного для «отоваривания» столичных жителей, можно постоянно видеть приезжих, покупающих у москвичей талоны на спецпродажу или уже купленные товары.

Сумма переплаты, которую приезжие в таких случаях отдают москвичам, доходит до 50% стоимости товара в магазине. Слаб человек – трудно устоять перед соблазном получить «за просто так» пятидесятипроцентный «налог». Так что дух спекуляции захватил сейчас большее число москвичей, чем было до того, как жители столицы откровенно выразили свои «субнациональные» интересы, следствием чего и стало введение «закрытой» торговли.

Показателен случай, который я наблюдал 8 июня 1990 г. – в период введения «паспортного» режима торговли. В очереди за импортными мужскими туфлями (35 руб.) женщина рассказывает окружающим, что хочет купить туфли сыну, а у него 41-й размер. Тут же продавщица объявляет, что этот размер кончился. Женщина, однако, из очереди не уходит, объясняя, что купит туфли мужу – у него 42-й. Этот размер тоже кончается. Покупательница немедленно уведомляет окружающих о намерении купить 43-й размер брату, затем, когда кончается и этот размер, решает купить 44-й, зятю. Когда и 44-го не стало, она сказала: «Тогда просто куплю, – и хотя ее никто ни о чем не спрашивал, добавила, – продам потом за 50 рублей». Окружающие встретили эту реплику с пониманием...

Приведу ответы на один из вопросов, задававшихся только коренным москвичам (табл. 5).

Табл. 5	
Как известно, в Москву приезжают люди разных национальностей и остаются здесь жить. Как Вы к этому относитесь?	
положительно	18,3
отрицательно	22,9
смотря какой национальности	2,9

Как видим, отношение к пришлым людям скорее отрицательное. При уточнении вопроса о том, каким национальностям не следовало бы разрешать проживание в Москве, выявилась следующая картина (таб. 3). Прежде всего – представителям закавказских республик, затем – среднеазиатских. В конце списка, на восьмом месте, оказались евреи (их назвало 0,7% опрошенных). Любопытно, что в списке практически нет прибалтов.

В заключение маленький сюжет о противопоставленности «субнациональных» (общемосковских) и общенациональных интересов, преломленной через призму одной из болезненных современных проблем. На вопрос об отношении к расселению в Москве беженцев из других республик ответы распределились так: положительно – 16,6%; отрицательно – 66,2%; смотря какой национальности – 6,6%; (неопределенный ответ – 8,7%).

Доля отрицательно относящихся к расселению беженцев в Москве близка к 2/3. Как известно, это как раз то большинство, которое в особо серьезных случаях необходимо в парламенте.

Конечно, в нашем исследовании рассмотрены лишь некоторые грани огромной проблемы, отразившейся, с ее болью и противоречиями, в коллективном сознании москвичей. Кажется, еще немного и центробежные силы национализма начнут разрывать «империю» на части. Провинция набирает силу и чувство собственного достоинства, центр слабеет, не находя ни консолидирующих идей, ни разумных действий. Сложно предсказать, когда и на чем остановится центробежное движение, каким образом нации придут к пониманию полезности совмещения национальных интересов. ●

Андрей БЫСТРИЦКИЙ (Москва)

КОГО НЕ ЛЮБЯТ АНТИСЕМИТЫ?

Ответ вроде бы очевиден. На самом деле – по крайней мере мне так кажется – неясностей более чем достаточно. И самая первая – кого же все-таки не любят антисемиты. Иначе говоря, кто такие эти евреи, которых они так страстно ненавидят? И за что их ненавидят?

Вообще-то говорить о евреях в нашем обществе не принято, в приличной компании эту тему обычно обходят или разговор ведут «от противного»: осуждают антисемитов, вспоминают время, когда о национальных различиях забыли напрочь. Одна моя пожилая и интеллигентная знакомая часто вспоминает слова своего отца, обращенные к детям: «Вы только тогда станете интеллигентными, когда забудете, кто еврей и кто татарин, вместе с самими этими словами».

Мне понятна такая позиция, хотя и мерещится в ней трусость, а что, не забыв различий, нельзя жить нормально? И как быть с неграми? Самим краситься в черный цвет или перекрашивать их в белый? И неужто для ощущения равенства обязательно забыть о различиях?

Впрочем, у русской интеллигенции (к счастью, не у всей) было полно подобных комплексов. То ударялись в «пролетаролюбие», то решали, что человек от сохи лучше, чем человек с образованием. Все это странно. Надо ли объяснять, что инженер не хуже и не лучше рабочего, что и тот, и другой нужны именно в силу различий?

В конечном счете все эти комплексы упираются в недоразвитость личного самосознания, в низкий статус индивида, в слабое его бытовое основание и по-своему напоминают регрессивное поведение, страх перед сложностью и многомерностью мира, перед необходимостью собственного выбора, самоответственности. Видимо, по сходным основаниям тема евреев, еврейства частично табуирована, как и само это слово. Не даром у него столько сомнительных синонимов – «французы», «носатые» и т.д. и т.п., причем все эти эвфемизмы, с удовольствием употребляемые самыми интеллигентными людьми при уверенности в этнической однородности компании, носят стыдливо насмешливый характер, будто говорящий подтрунивает и над собой, и над кем-то близким, но отличающимся чудаковатостью или двусмысленными по-роками.

Ни с одним этносом ничего подобного не наблюдается. Скажем, существуют анекдоты и про грузин, и про евреев, но с нормальным грузином можно свободно говорить на тему грузинских национальных особенностей, и анекдоты, кроме совсем уж тупо-оскорбительных, рассказывать можно. Поддается обсуждению даже тема гомосексуализма, иной раз фигурирующая в фольклоре о грузинах. Конечно, тут нужна осторожность, ибо в грузинской культуре моральные санкции за гомосексуализм куда жестче, чем в русской. Возможно, к стати, именно поэтому и распространились анекдоты такого рода. Точно, как в школе: стоит резко среагировать на случайно брошенное слово – и готово, кличка прилипла. Это понятно. Если на что-то ты реагируешь болезненно, значит есть проблема (как блестяще показал Т.Адорно в исследовании о восприятии гомосексуализма: наиболее агрессивно по отношению к «голубым» были настроены именно те, кто боролся с подсознательной тягой к такому сексуальному поведению).

Ничего мало-мальски сравнимого с табуированностью гомосексуализма в анекдотах о евреях или их национальных особенностях нет и в помине. В самом худшем случае фигурируют плутоватость и жадность, чаще встречается

преданность клану или вообще традиционные фольклорные мотивы, по случаю связанные с евреями, но с ними атрибутивно несоотносимые.

В реакции значительной части порядочных людей на тему антисемитизма есть что-то неадекватное, невротическое. Не надо и доказывать, что этническая и расовая дискриминация – позорна и отвратительна. В этом сомнений быть не может. Однако взгляните на нашу полемику между современными «славянофилами» и «западниками». Славянофилы уклончивы, часто говорят намеками, выдвигают неясные обвинения (есть, правда, и прямые люди: в лоб режут правду-матку; как думают, так и говорят, одна беда – думают плохо). Скажем, сначала в газете «Московский художник», а затем в «Огоньке» разразился скандал из-за Маяковского. Некто Чусовитин написал в раешно-лубочном стиле статью о Маяковском и о вредном влиянии на него Бриков. Я внимательно прочел эту статью, но самого слова «еврей» в ней не нашел. И тем не менее во всех ответах Чусовитин клеймился как антисемит – ясно, дескать, кого он имел в виду под Бриками.

Аналогична реакция на «Русофобию» И.Шафаревича. Я далек от сочувствия идеям Чусовитина или Шафаревича, но антисемитизм в их тексте, ей-богу, угадан. Тема все равно табуирована, и если одни бормочут о ней на птичьем языке «малого народа», то другие с невероятной яростью разоблачают их. И в этой ярости угадывается или патология, или догматическое желание избавиться от чего-то такого, от чего просто так не избавиться.

Поймите меня, пожалуйста, правильно, но, видимо, в душах многих и многих интеллигентов, едва заходит речь об евреях, творится что-то чудовищное. К примеру, как средний советский интеллигент объясняет антисемитизм? Известно, говорит он, что ненависть к евреям и дискриминация их – старая архетипическая черта многих христианских культур: они же Христа распяли и вообще вздорный народ, вызывающий зависть своим богатством. Об этом можно прочесть в увлекательных книгах Стивенсона и Фейхтвангера, Хаггарда и Дрюона. В них рассказывается и о злобной инквизиции, и о коварных королях, и о многом другом. Так что еврей – удобный повод для разжигания ненависти. В нашей стране всегда, продолжает интеллигент, культивировалась ненависть к врагам и подозрительность; вот евреи и оказались подходящими для возведения их в ранг «врагов народа», как это случилось во время гения всех времен и народов, затеявшего дело врачей-вредителей. И сейчас недобитые сталинисты и им подобные личности с холопей душой и тоталитарным мировоззрением вымещают на несчастных евреях свою подлую злобу.

Объяснение, конечно, подкупает простотой. Но если задуматься, то оно унизительно для евреев, поскольку, с симпатией или без, превращает их в людей иного сорта, причем внутренне сомнительных – а может, на душе у них что-то и есть... Разумеется, они ни в чем не виноваты, но все же...

Давайте, дескать, лучше забудем, что они не такие, как все. Да ведь все люди «не такие, как все»! Короче, мне представляется, что в таком подходе скрыта изрядная доля неуважения к людям, мифология избранности, шовинизма, хотя как бы и наоборот.

Мне вообще трудно поверить, что существует ненависть по национальному признаку. Обычно, кроме случаев крутой патологии, подобная ненависть обусловлена совсем иной причиной, лишь сознательно-бессознательно облаченной в эту форму. Стоит вспомнить, что в прошлые эпохи иудеев преследовали отнюдь не из-за их национальности. Мотив в большинстве случаев был религиозный, с изрядной примесью меркантильности. Но даже в самые жестокие времена достаточно было креститься, и вопрос решался сам собой.

А вот ныне творится нечто уж вовсе страшное: нет таких действий, которые можно было бы совершить, чтобы избегнуть ненависти, какая-то черная обреченность. И это наводит на мысль, что и подлинный мотив ненависти к евреям, и сам объект ненависти не совсем таковы, как их представляют.

Я не первый и не последний, кого волнует и интересует этот вопрос. В свое время В.Шульгин, автор прекрасных мемуаров о царской семье и русских революциях, помимо очень своеобразных рассказов о еврейских погромах, пытался проанализировать причины нелюбви к евреям в России. Причин он назвал три: во-первых, евреи отличаются внешним видом – у них большие носы, пейсы, иное платье. Во-вторых, у них иное поведение: в отличие от русских, евреи могут работать в одиночестве, а русские только артельно. В-третьих, различия веры.

Первая причина в наше время вообще не выдерживает критики. Даже идиотам ясно, что длинный нос и черные курчавые волосы свойственны не только евреям, среди которых, кстати, полно высоких, светлых, голубоглазых. Вторая причина любопытнее – в ней чудится отблеск чего-то реального, но в такой форме – явная натяжка. Сам же Шульгин рассказывает о погромах в еврейской слободе, населенной нищими бедняками с жалким скарбом, причем работали последние и артельно, и по отдельности, точно так же, как русские. Различия веры сейчас не актуальны и для подавляющего большинства этнических евреев, и для большей части русских.

Идея зависти к богатству тоже несостоятельна. Тот, кто и был богат до революции, перестал им быть довольно скоро или эмигрировал.

Интересную мысль высказал Лев Гумилев, экстраполируя свою идею суперэтносов, биогенеза и т.д. У него выходит, что на территории России столкнулись два суперэтноса – православный и еврейско-семитский, образовался фронтир, зона напряжения, реликт которой – современная юдофобия. Это довольно изысканно, но по существу мало что объясняет, требуя привлечения огромного аппарата теории, которой толком нет – этногенеза. Возможно, за ней будущее. Но – сомнительно.

Вообще же научных подходов к этой проблеме мало, специалисты все больше отмалчиваются или трусят. И это настораживает. Лишь немногие антисемиты откровенны. Их небезынтересно послушать.

В наиболее популярной книжке антисемитского толка – «Катехизисе советского еврея» (само название выдает фальшивку – какой еще катехизис в иудаизме?) перед евреями будто бы ставится задача – жениться на русских и тем самым плодить потомство. Другая задача еще более тривиальна – власть, должности, протаскивание своих. Мало чем отличаются и печально известные «Протоколы сионских мудрецов».

Если же записать разговор парочки обывательских антисемитов, то выяснится, что мотив ненависти болтается где-то вокруг власти и размножения во всех возможных формах – то есть производства себе подобных, что также близко к проблеме власти и влияния в обществе.

В то же время поражает безразличие к реальным евреям. Биробиджан вообще никого не волнует, как не волнует и культурническая деятельность добровольных и просветительских организаций. Складывается ощущение, что волна ненависти прокатывается мимо собственно еврейской специфики, крайне мало представленной в нашей стране, и устремляется к мифическим 40% евреев среди лиц, имеющих докторскую степень.

Так получилось, что я знаю некоторых людей, официально и по паспорту принадлежащих к исследуемой группе. Найти что-либо еврейское в них просто невозможно, ничего отличающего их национальную специфику нет и в помине. Языка они не знают (как и вообще большинство евреев), еврейской культурой не владеют, даже об истории своего народа имеют крайне поверхностные сведения.

Между прочим, Ст.Куняев как-то попытался выделить предмет своей нелюбви. По его мнению, есть три типа евреев. Первые – «честные» евреи, что хотят сохранить статус этно-культурного меньшинства. Пусть, согласен Куняев. Вторые хотят обрусеть окончательно. За ними, понятно, нужен глаз да глаз, но тоже – пусть. А вот третьи, хитрые люди – маскируются, но

протаскивают свое! (Прямо как во времена инквизиции – проследить, не молятся ли втайне Иегове после крещения). Все это немного чудовищно, потому что русские в этой модели напоминают секту, в которую я, например, не хотел бы входить.

Немногим отличается и позиция М.Лобанова, возмущавшегося в газете «Московский литератор» тем, что до сих пор не отменен закон о преследовании за антисемитизм.

И все же главный мотив нынешних антисемитских криков – власть и влияние. Недаром так широко используется очаровательный эвфемизм – жидо-масоны. Именно они, как ясно и детям, погубили Россию, павшую жертвой происков международного сионизма, который, по мнению штатных антисемитов, стремится к неограниченной власти над миром. Вот она власть...

Один стопроцентно русский человек рассказывал мне любопытную историю. Когда в 20-х годах он переехал в Москву, то сумел довольно быстро выдвинуться и в 28 лет стал главным инженером большого, по тем временам, исследовательского института. Естественно, он пользовался некоторым влиянием. В частности, ему разрешили ходить по вечерам на каток стадиона, закрытый для массового посещения, поскольку там тренировались в основном спортсмены. Случалось, что по чистому, гладкому льду катался только он с женой. С завистью наблюдавшие за ними мальчишки весело кричали: «Вот жида катаютя!»

Во внешности моего рассказчика, как и во внешности его жены, нет ни одной еврейской черты. Следовательно, у мальчишек для этого вывода были никак не этнические, а сугубо социальные основания. В крике «Жида!» отражалось определенное социальное мироощущение; под «евреями» имелись в виду люди, которым присуще некоторое специфическое поведение, особые черты, в которых надо бы разобраться.

Примерно в то же время Ильф и Петров в романе «Золотой теленок» устами одного из персонажей заявили: «Евреи есть, а еврейского вопроса нет». Применительно к нашему времени хочется сказать наоборот: «Еврейский вопрос есть, а вот евреев нет». Есть лишь субкультурное противостояние.

Как это получилось? Тому способствовал ряд обстоятельств, самое значительное из которых – предубеждение против евреев в дореволюционное время.

До революции действительно существовала черта оседлости, и свершилось, без сомнения, великое событие, когда ее отменили. Но ведь эта черта отделяла не только русских от евреев, но в меньшей (а может быть, в большей степени) и евреев от евреев. Среди евреев были совершенно европеизированные и состоятельные люди, входившие в русскую культурную среду, занимавшие видные места в общественной жизни. Скажем, деятели кадетской партии – врачи, адвокаты – люди достойные и уважаемые; их истребляли с меньшей жестокостью, чем всех прочих того же плана. И были бедные, местечковые, почти бесправные граждане, описанные А.Чеховым в «Степи», И.Бабелем – во многих рассказах, а до них – Нарезным, Гоголем, Достоевским, Писемским. Добавим сюда того же В.Шульгина.

Конечно, в сходном положении находились и некоторые другие народы – каждый, понятно, со своей спецификой: китайцы, корейцы, цыгане. В отличие от прочих жителей «тюрьмы народов» они не имели собственной территории, то есть возможности экстерриториально обособиться и самоопределиться.

Русские революции всколыхнули эту массу – как и множество русских люмпенов. Чтобы понять, какую роль в свершениях революции сыграли эти люмпены, вовсе не надо далеко ходить – стоит обратиться к архивам Военно-революционной комиссии или, например, к книге Попова и Рожкова «Октябрьский переворот» (издания 1918 г.). И там, и здесь мы прочтем, что основные настроения рабочих – анархо-синдикалистские, что Красная Гвардия формируется из недоучившихся студентов, швейцаров, разорившихся лавочников, молодых рабочих, за год-два до этого пришедших из деревни, и

тому подобной публики. Иначе говоря, в революции, как и во всех карнавалных событиях, ведущую роль играют маргиналы, социальные низы. И если руководство революцию составляли профессионалы, то ниже-среднее звено – вчерашние социальные низы, аутсайдеры, которым нечего терять.

А потому не стоит удивляться, что в ЧК, как пишет Катаев, часовые были китайцы, а латышские стрелки спасли революцию. Специфическая смесь русских люмпенов, вчерашних местечковых сидельцев, бродячих цыган (что отметил и А.Гайдар), китайцев (о них писал автор «Красных дьяволят» Бляхман; в фильме китайский патриот Ю-ю заменен на цыгана, что мало меняет дело, зато свидетельствует об устойчивости архетипа «рядового революционного бойца») и многих других, вроде храбреца Олеко Дундича, серба.

К сожалению, наряду с беззаветной отвагой, этих людей отличали и зависть, и комплекс неполноценности, и социальный страх. Характерные черты этого типа превосходно изобразил А.Багрицкий в поэме «Февраль». В каком-то смысле именно евреи оказались в самом сложном положении. Они были и многочисленнее, например, китайцев, и гораздо теснее связаны с русской культурой. И вместе с тем они ощущали себя в некотором смысле колониальным народом, растворенным на территории России, со всеми присущими этому состоянию особенностями.

Поэма Багрицкого начинается с описания состояния героя (по самоощущению маленького и плюгавого человека), который встречает на улице красавицу-русскую. Герой переживает все унижение жителя колонии, которому недоступны женщины хозяев, людей из метрополии. Ясно, что это переживание совершенно культурного свойства, поскольку в реальной жизни бывают всякие обстоятельства и, как гласит испанская пословица: «Погоди, дойдет очередь и до погонщика мулов».

Для персонажа в красавице воплотилась вся его угнетенность, все его неравенство, хотя сам он не так уж беден. Подобные ощущения обычно испытывают все маргиналы и люмпены, еврейское происхождение здесь ни при чем. Окончательно персонаж растоптан, когда уставшая от преследования красавица обращается за помощью к городовому, усатому и толстому чудовищу, воплощенной физической мощи, который и прогоняет героя.

Для дополнительной характеристики отметим, что красавица – гимназистка, то есть девственница. Это очень важно, ибо еще раз подчеркивает мифологему, в которую включен герой. Толстяк-полицейский символизирует такой же древний архетип – буйную жизненную силу (вспомним, как рисуется Вахх – апоплексический толстяк; в примитивных культурах толщина – признак мощи и силы). Итак, фрагмент кончается сценой полного унижения героя – иными словами, на первой фазе инициации, при которой иницируемый отлучен от всего. Но за ней наступает вторая – фаза испытаний. Герой попадает на войну и дезертирует оттуда, сидит в окружении в Мазурских болотах, чудом остается жив. Теперь он вырос, и ступив на улицы революционной Одессы, чувствует себя великаном, Героем Мазурских болот. Вместе с революционными матросами, увешанный оружием, он шагает по ночным переулкам. Герой сверг власть чуждой отчимско-полицейской власти, теперь он восставший и победивший туземец – такой же, как его спутники, бывшие маргиналы и люмпены. Естественно, для полной картины нужен финал – захват женщины, посмевавшей предпочесть его жирному папаше-полицейскому.

Герой вместе с матросами отправляется на разгром гнезда бандитов (бандиты – евреи, но другой породы; подчеркиваю это специально, ибо дело здесь не столько в национальности, сколько в расстановке социальных сил). По дороге он мечтает, чтобы в этот момент его, такого мужественного, увидел пейсатый дедушка. Именно дедушка, а не отец, поскольку персонаж едва ли этнически чист.

Понятно, что бандиты разбиты, и в самой дальней комнате, словно Елена Прекрасная у Кошея, возлежит на ложе награда – прежняя красавица.

Вот такого-то рода люди – русские, евреи, китайцы, украинцы и прочие – сформировали правящую группу в послереволюционном обществе. Произошло слияние обломков культуры, в ходе которого представители местечка мигрировали в крупные города. Естественно, что для утверждения себя в обществе они использовали прежние клановые связи. К слову сказать, делали это отнюдь не только они.¹

Всех этих новых людей отличали предприимчивость, чувство локтя и общности интересов, взаимопонимание, хищничество, жажда власти. Но для того, чтобы понять, почему эта категория ассоциировалась именно с евреями, надо вспомнить еще кое-что.

В свое время Потехня писал, что язык, субкультурность (сам он такого слова не использовал) сохраняются не при всех условиях. В частности, если представители одного языка и культуры растворены в более многочисленном народе, то для сохранения собственной выделенности меньшинство вынуждено поднимать планку своей образованности до уровня, в среднем более высокого, чем у основной массы – только в этом случае им удастся сохранить самосознание. История дает много подтверждений этому правилу, хотя, конечно, тут действуют и другие факторы, не менее важные.

В наших же обстоятельствах высокая среднестатистическая образованность евреев трансформировалась в обыденном сознании так, что весь формирующийся новый истеблишмент стал восприниматься как еврей.

Чем дальше от революции, тем меньше эта группа сохраняла этническую дифференцированность. Исчезли отличия в языке, манерах, обыденном поведении. Говорили все они только на русском – языке метрополии, захваченной ими; жили преимущественно по-русски и по-городскому. Латыши перестали быть латышами, украинцы – украинцами, евреи – евреями, черемисы – черемисами...

В наше время происхождение забыто настолько прочно, что о нем даже можно говорить как об отчужденном. Ведь сейчас речь идет даже не о детях, а о внуках и правнуках, которые ощущают себя преимущественно русскими – хотя бы потому, что больше некем. И славянофилы вкупе с антисемитами не случайно беспокоятся о власти и размножении этой группы. Им есть о чем беспокоиться.

Во-первых, описанная нами группа состоит в основном из горожан в третьем, а то и в четвертом поколении. Понятно, что они прекрасно адаптированы к городу, раскованы, свободны, предприимчивы. Во-вторых, в подавляющем большинстве эти люди имеют приличное образование, что повышает их шансы. В-третьих, они куда менее невротизированы – то есть лучше защищены от неустойчивости, нестабильности. В целом же это куда более сильная социальная группа, развитая субкультурная общность.

Так кого же ненавидят антисемиты? Да в общем русских, таких же русских, как и они сами, только русских более развитых и сильных. Эта ненависть субкультурного происхождения. Ненависть, основанная если и не на понимании того, что времена изменились и для власти нужны другие люди, то на ощущении собственной архаичности.

Грубо говоря, получилось так, что средне-верхнее звено управления промышленностью, государством, наукой, торговлей и т.п., пришедшее к власти в двадцатые годы, сумело за 50–60 лет сформировать новый тип людей, очень и очень далеких от своих исторических предков.

Это дает основание предполагать, что развязанная в свое время кампания против космополитов, а по сути – серия выпадов против лиц, имевших фамилии с корнями немецкого происхождения (интерпретируемые обычно как ев-

¹ Недавно в газете Тимирязевского РК КПСС «Панорама» я прочитал интервью со старым чекистом. Он возмущался русскими националистами, идущими под русским трехцветным флагом: «Я помню, как казак под таким флагом срубил голову китайцу-красноармейцу». Любопытные детали запоминаются старым чекистам.

рейские), была одной из первых, вначале слабо осознанных реакций на появление в общественной жизни людей с новым социальным поведением. Не так уж важно, что основными жертвами кампании стали те, кто в общем-то не нес ничего нового. По типологической общности удар был направлен против интеллигенции с открытым социальным характером, склонностью к включению в широкую мировую культуру, высоким статусом личности. Этот удар был одновременно и предупреждением молодежи. Иными словами, преследовалась потенциальная субкультурная общность, еще не оформленная угроза иного способа группирования и взаимодействия людей.

Почему же столь многие, вроде бы интеллигентные люди, даже ведущие происхождение от тех же людей 20-х гг., стесняются говорить об этом, боятся темы еврейства? Самая простая (и несущественная) причина в том, что этнические евреи не имеют ровно никакого отношения к тем, кого ругают антисемиты.

Куда более серьезная причина – незавершенность процесса, его переходность. Учтем, что всего лишь лет пять как возникли условия для бурного развития личностно активных субкультур. Неудивительно, что многих интеллигентов терзает страх, что по своему уровню они до этого не дотягивают. Получается, что табуированность темы евреев обусловлена боязнью самих себя, присущей значительному числу так называемых образованных людей. Это страх того же рода, что и страх собственной импотенции, встречающийся у неискушенных подростков. К этому тщательно маскируемому страху примешивается и ординарная боязнь более сильных, тайное желание вытеснить их в маргинальную зону, где соревнование с ними утратит всякое значение.

Если открытые славянофилы и антисемиты явно принадлежат к субкультуре архаического типа, то смущающиеся интеллигенты – к промежуточным, имеющим свое основание в 60-х гг., когда имела место последняя попытка утвердить социальную однородность.

Давно замечено, что люди склонны наделять своих противников теми отрицательными качествами, которые обнаруживают в себе. Убийца и бандит зачастую клеймит врага так: «Он вероломный убийца и грабитель...» Человек же, стремящийся спрятать те черты, которые ему самому неприятны, тем яростнее обличает их у врага. Как раз поэтому евреев в Советском Союзе столь часто обвиняют в таких «редких» для страны пороках, как корпоративность, зависть, обман, подлость, трусость. Конечно, реальные этнические евреи могут быть разными людьми – и дурными, и порядочными. К нашей теме это отношения не имеет.

Таким образом, претензии к евреям обусловлены не одной, а несколькими причинами, и их список формируется разными путями. Во-первых, «евреи» выступают как обобщенный тип нового социального характера, свойственный людям, адаптированным к городу, образованным, личностно автономным и сильным; эти их черты, черты развитого городского человека эпохи НТР, затем перерабатываются, меняя знак плюс на минус. Во-вторых, склонность антисемитов к архетипическому прошлому (и живучесть самого этого прошлого) позволяет им формулировать претензии на уровне традиционной бесовщины, намеков на то, что перед нами исчадия ада, способные вводить в соблазн. В-третьих, сконструированным таким способом евреям обвинители приписывают свои собственные отрицательные черты, причем именно последний способ формирования мифологического врага создает наибольшую путаницу, ибо на новый для каждого общества тип людей падает сомнительный отблеск их предшественников.

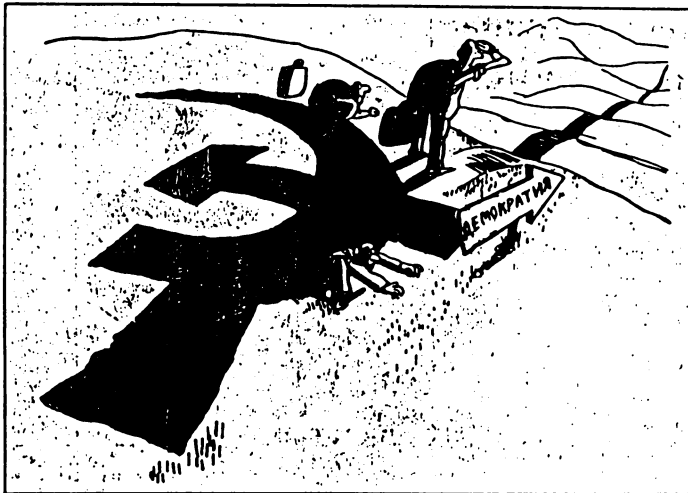
Итак, антисемиты ненавидят не евреев, а таких же, как они сами, русских, но русских нового типа, они ненавидят будущее, так как боятся его. И потому цепляются за старое. А евреев – в понимании антисемитов – просто нет. Они миф, удобный для того, чтобы спрятать в нем все то, что не нравится в жизни и в себе.

Остается последний вопрос. Почему от всего этого должны страдать настоящие, этнические евреи? Увы, они страдают от той же трусости: преимущественно чужой, но отчасти и своей. Интереснейшей проблемой хорошего культурологического исследования было бы взаимодействие русской и еврейской культур, их возможные субкультурные сочетания. Вместо этого происходит злостная подмена конфликта, который пролегает не между русскими и евреями (тем и другим абсолютно нечего делить), а между теми, кто хотел бы снять с себя ответственность и переложить ее на «врага», превратив общество в стадо ослов, лишенных всяческих различий. В этом – такова ирония истории – антисемиты и славянофилы куда больше похожи на иудаистов, хасидов и тому подобных, чем те, кого они шепотом называют евреями. Ведь как раз евреи значительно отчетливее реализуют так называемые арийские ценности: личность, волю, энергию, решительность, мужество и понимание относительности жизни. Славянофилы же и антисемиты со своим сектантством, злобностью, подозрительностью, поисками врагов, чувством исключительности напоминают группки, прятавшиеся в пещерах Мертвого моря. Христос же ходил в городах и сказал, что несть ни эллина, ни иудея перед Богом.

Конечно, дело не в религии – православии или иудаизме. Дело в будущем, каким оно будет. А оно будет, без сомнений, сложным и тяжелым, ибо мало что на свете идет так сложно, как внедрение в жизнь нового типа социальных характеров людей, их новых самоорганизаций.

Пора бы, наверное, набраться мужества и спокойно поговорить и о русских, и о евреях, поскольку еще не один год нам жить вместе, а это немало. Пора реально и без предвзятости изучить историю и характер нынешнего взаимодействия русской и еврейской культур, взаимовлияние этих двух народов, да и многое, многое другое.

Возвращаясь к началу, к мысли о том, что надо бы забыть, кто есть кто (вместе со словами, обозначающими национальность), скажу, что своя правда есть и в ней. Все мы, безусловно, принадлежим к чему-то большему, чем этнос, к тому, что называется человечеством. Хотя допускаю, что и это не предел. Может быть, мы принадлежим и чему-то еще более высокому?..



ПЛАМЯ ПЕРЕМЕН

«Дисциплина, – сказал Нельсон Мандела на одном из митингов, – жизненно важна для нашей борьбы, рабочие должны оставаться на фабриках, школьники должны прекратить бойкотировать занятия». Когда Мандела закончил, следующий оратор заявил: «Завтра состоится марш протеста против состояния негритянского образования: учителя должны оставить занятия и принять в нем участие».

Расовый конфликт в Южной Африке разрушительно подействовал почти на все стороны жизни нации.

Угнетение и мученичество стали для многих черных символами героизма, а забастовки и бойкоты – высшим и единственным призванием в жизни. «Нет ничего прекраснее людей, творящих революцию», – гласит лозунг в лусакском офисе Африканского Национального Конгресса (АНК), руководимого Манделой. Чернокожих, не принимающих участия в волнениях, клеймят как провокаторов, и многие из них были убиты. Бойкот школьных занятий погубил поколение учеников. Бойкот арендной платы погубил надежду на пристойное управление негритянскими пригородами.

В середине 80-х годов неподчинение городским властям в негритянских районах было предметом наивысшей гордости негритянских политиков. Это неподчинение достигло своей цели: Мандела и его соратники, другие негритянские националисты освобождены из тюрем. И белое правительство де Клерка сегодня готово уступить большую часть своей власти. Мандела потому и призывает к дисциплине. Но чудовищно трудно подчиниться.

Для будущего страны успех Манделы в восстановлении политической дисциплины имеет даже большее значение, чем его мнение о характере будущей экономики или то, какую конституцию в конечном итоге получит Южная Африка. Традиция забастовок и бойкотов, если ее не укротить, подорвет самую совершенную экономику, а присущая ей политическая нетерпимость превратит любую новую конституцию в клочок бумаги, какие бы красивые слова в ней ни были написаны. Неподчинение добавляет еще одну трагедию к длинному списку бед Южной Африки.

Изрядная доля нынешних неурядиц отражает особую напряженность переходного периода. Правительство освободило тех, кого раньше называли террористами. Белые консерваторы кричат об измене. Жаждающие крови белые разгуливают с вызывающим видом по улицам шахтерского города Велком, называя Манделу свиньей, которой предназначено дожить только до Рождества... Чернокожие отвечают бойкотом принадлежащих белым магазинов. Убито двое белых. В ответ полиция убивает трех негров во время волнений в шахтерском общежитии. На следующий день в шахте находят убитым белого горняка.

Но все это не идет ни в какое сравнение с соперничеством между негритянскими партиями. Самый кровавый конфликт разыгрался между сторонниками АНК и участниками движения Инката, которое возглавляет вождь племени зулу Мангосуту Бутелези. Сражения в Натале – основном районе проживания зулу – ужесточились в феврале, когда Н.Мандела вышел из тюрьмы. Позже, в июле, Бутелези провозгласил Инкату национальной партией, тогда как раньше она считалась только лишь культурным движением зулу. Резня мгновенно перекинулась в Трансвааль – на пригороды Йоханнесбурга. За десять августовских дней погибло около 500 человек.

В 1990 г. в ЮАР совершено самое большое число политических убийств за все время существования страны. Вспышка насилия – результат идеологии.

порожденной кампанией неподчинения. В 80-х гг. участники бойкотов в негритянских пригородах часто угрозами вовлекали своих соседей в кампанию неповиновения. Полиция хватала участников бойкота и держала их в заключении без суда. И те, и другие убивали неподчинявшихся. Так что теперь любое самое незначительное политическое разногласие принимает характер борьбы не на жизнь, а на смерть. «Пан-Африканский Конгресс (ПАК) представляет африканских рабочих; Народная Организация Азании (АЗАПО) представляет чернокожих рабочих», – объясняет генеральный секретарь АЗАПО. Это различие и является поводом для сражений между ними.

Постоянное ощущение конфликта отравляет отношения на производстве. Шахтеры, отправляясь на профсоюзные митинги, надевают военную форму и вооружаются. Ходят слухи, что белые менеджеры во время трапезы пьют пробы крови рабочих. Производительность подорвана простоями, которые связаны не с требованиями повышения заработной платы, а исключительно с «борьбой». Количество простоев никак не соответствует поводам для недовольства. В сентябре 1990 г. Федерация профсоюзов призвала к трехдневной национальной забастовке: не для повышения зарплаты, не из-за насилия на национальной почве, а потому, что медленно продвигалась работа по пересмотру трудового законодательства.

Встань и иди

Наиболее опасным наследием времен борьбы является, возможно, вера в то, что почти все проблемы могут решить политики. Неверно, что черное население застряло в эстатизме шестидесятых годов. Дело в том, что оно так долго старалось завоевать политическую власть, что забыло о других насущных задачах. «Освобождение сейчас, образование потом», – гласил лозунг середины восьмидесятых. «Борьба сделала черных пассивными», – говорит Эггрей Клааст, редактор газеты «Sowetan». Они не пытаются сами справиться со своими проблемами, а надеются, что от всех бед их избавит чудо политического освобождения.

Э.Клааст храбро ведет кампанию против этого недуга. Он призывает черных заняться самоусовершенствованием и приводит в качестве образцов для подражания бизнесменов и ученых. Белые замучили его приглашениями стать членом правления их компаний. Черные обвиняют его в попытке придать системе угнетения пристойный вид. Клааст поддержал усилия некоторых жителей Соуэто очистить районы от груд мусора и вместо них посадить сады. Это язвительно окрестили «садовой политикой».

Э.Клааст считает, что его идеи служат национальному созиданию, он нуждается в помощи, чтобы увести своих сограждан с пути, ведущего к разрушению страны. Некоторую помощь оказывают ему другие чернокожие журналисты, которые не боятся выступить против распространенной точки зрения о том, что гнет белых оправдывает нетерпимость черных. Джон Квелзйн писал во время сражений между АНК и движением Инката: «Мы самодовольно сидели на наших угнетенных задницах и заразили собратьев присущей нам жестокостью».

Негритянские политики медленно, но все же меняются и используют возможности для национального созидания там, где раньше опасались бы сотрудничества и ослабления борьбы. Представители АНК заседают в правлении правительственного Фонда, который должен потратить 2 млрд. рандов (780 млн. долларов) на социальное обеспечение чернокожего населения. Мандела с энтузиазмом говорил о том, что АНК будет принимать участие в составлении бюджета на следующий год. Профсоюзные лидеры порой советуют сдерживать рост заработной платы.

В то же время в марте, когда полиция убила в пригороде Себакен 12 черных демонстрантов, этого оказалось достаточно для АНК, чтобы отменить

встречу с правительством. В сентябре военные убили еще 11 чернокожих в этом же пригороде; Мандела немедленно встретился с министром законности и порядка и назвал обмен мнениями с ним «необыкновенно плодотворным». Раньше АНК требовал, чтобы войска покинули негритянские пригороды, хотя их размещение в Натале в апреле прошлого года уменьшило число жертв в войне между АНК и Инкатой. С тех пор Мандела признал, что войска могут играть положительную роль – хотя и не мог удержаться от критики того, в какой форме в сентябре был наведен порядок в негритянских пригородах.

И все же в одном Нельсон Мандела не выдержал испытания на ответственность. Он ничего не сказал о СПИДе. Профессор Рубен Шер, ведущий эксперт ЮАР по СПИДу, предполагает, что от 60 до 80 тысяч южноафриканцев заражены вирусом СПИД. Другие врачи считают, что эта цифра может удваиваться каждые 8,5 месяца до тех пор, пока не изменится поведение населения или не будет найдено эффективного средства борьбы с этой болезнью. Статистик самой большой страховой компании ЮАР считает, что через десять лет 10 млн. жителей страны будут носителями вируса. Другие называют цифру в 7,5 млн. Обе оценки предвещают настоящее бедствие.

Правительство пытается убедить южноафриканцев в серьезности надвигающейся опасности, но черные испытывают недоверие к советам белых врачей. Поэтому профессор Шер предложил провести встречу с негритянскими лидерами, включая Н.Манделу, чтобы убедить их в необходимости предостеречь чернокожее население. За исключением нескольких профсоюзных деятелей, черные лидеры уклонились от обсуждения проблемы. Но чем дольше Нельсон Мандела делает вид, что ничего не происходит, тем меньше южноафриканцев будут иметь шанс дожить до победы и воспользоваться ее плодами.

Погоня за конституцией

Фредерик де Клерк решительно перешел от конфронтации к переговорам о новой конституции: были освобождены негритянские лидеры, снят запрет с деятельности их организаций (см. «Страна и мир» № 1, 1990). Теперь перед президентом стоит еще более трудная задача: убедить чернокожих политиков не повторять ошибок его собственной партии. Он против большого правительства, хотя апартеид ранее регулировал все стороны человеческой жизни. Он хочет, чтобы независимый суд принял Билль о правах. Но в годы правления возглавляемой им Национальной партии исполнительная власть в ЮАР беззастенчиво командовала судебной и законодательной. «Националисты» сейчас стараются избежать такого положения дел, когда «победитель получает все», хотя сама она таким образом правила в течение 42 лет. Наследие этого правления угрожающе: оно поддерживает в южноафриканцах убеждение, что тот, кто выйдет победителем на предстоящих переговорах, впоследствии окажется на вершине власти. Они видят в переговорах начало нового полустолетия, когда все будет так же, только наоборот. Бутелези, например, считает, что АНК не позволит ему участвовать в переговорах, а затем и в будущем правительстве. Поэтому он предпочитает сражаться с АНК сейчас, пока его надежды окончательно не утрачены.

Опасения Бутелези подстегивают некоторые лидеры АНК, все еще поддерживающие идею, что нет ничего лучше политики неподчинения. Они заявляют, что все еще существует необходимость в «массовой мобилизации». Они угрожают, что АНК возобновит вооруженную борьбу, приостановленную в августе 1990 г. Они решаются на рискованные сравнения с Россией 1917 г., когда власть от немощного Временного правительства Керенского (читай – де Клерка) ускользнула к Советам (читай – АНК). Но что еще более существенно, они сделали почти невозможной встречу Манделы с Бутелези, на которой Мандела мог бы заверить, что в будущем правительстве и для Бутелези найдется место.

Результатом всего этого является ужасающее насилие, усугубляемое полицейскими, которые рады пострелять в черных, и будут только счастливы, если переговоры провалятся. С увеличением числа убитых набирают силу сторонники жесткого курса. Чернокожие спрашивают, как они могут вести переговоры с правительством, которое не в состоянии справиться с собственными полицейскими. Белые же спрашивают, как они могут передать власть неграм, явно не способным жить в мире между собой. И все же и у Манделы, и у де Клерка нет другого выбора, кроме быстрого продвижения вперед. Нельсон Мандела не может отступить и одновременно сохранить поддержку мирового сообщества, его бывшие союзники в Восточной Европе теперь больше заинтересованы в торговых связях с южноафриканскими бизнесменами, чем в помощи АНК. В свою очередь, Фредерику де Клерку нужно получить новую конституцию до 1994 г., когда должны состояться очередные выборы среди белого населения.

Праздник множества партий

И Мандела, и де Клерк настаивают, чтобы в переговорах приняли участие все партии, в то же время оба опасаются, что дело могут испортить сторонники жесткого курса. Беда в том, что у остальных участников переговоров нет ни серьезных предложений, ни возможности оказать давление на собственных экстремистов. Переговоры по поводу новой конституции ЮАР будут в основном вестись между АНК и правительством, причем и те, и другие будут стараться привлечь остальные партии на свою сторону.

Белые консерваторы, если согласятся вообще участвовать в переговорах, будут требовать выделения территории только для белых. Они не едины в том, где эта территория должна находиться. Одни хотели бы возродить Бурскую республику, охватывавшую в прошлом веке Трансвааль, Оранжевую республику и северный Наталь, — то есть изрядную часть страны. Вторые более скромны и претендуют на участок пустыни на северо-западе Капской провинции. Но тут есть «маленькое осложнение»: сейчас там проживают 100 тыс. цветных, и часть земли должна быть отторгнута от соседней Намибии. Но если предложения белых радикалов невыполнимы, то у большинства других партий вообще нет внятных предложений. Фредерик де Клерк частично позаимствовал свои идеи у Демократической партии, представляющей белых либералов, и у движения Инката. Такие негритянские партии, как Пан-Африканский Конгресс и Народная организация Азии, еще не решили вопрос о своем участии в переговорах и не имеют определенных идей.

Национальная партия, напротив, сгибается под тяжестью разного рода предложений. Важные африканеры заседают в Департаменте Конституционного планирования, вооружившись 17-томными энциклопедиями о мировых конституциях и оксфордскими трудами о свободе личности. Члены парламента от Национальной партии поглощают американские книги об «этническом балансе». Бельгийская конституция, замечают они, предусматривает соблюдение правительственный паритет для французского и фламандского языков, в американском Сенате маленькому штату Род Айленд отведено столько же мест, сколько и Калифорнии. Ни один из возможных способов защиты меньшинств не остался без внимания. Были рассмотрены и случавшиеся в прошлом провалы. Ливанская конституция предписывала, что президентом страны должен быть христианин, премьер-министром — суннит, а председателем парламента — шиит. Это оказалось слишком жестким правилом, и Ливан распался. Во время установления независимости в Зимбабве за белыми в парламенте было закреплено 20 мест из 100. Такое распределение не принесло белым реальной власти, но вызвало настоящее возмущение черного населения, и правительство вскоре ликвидировало места для белых. Этот факт заставил белых в ЮАР опасаться того, что могут быть ликвидированы

и более существенные гарантии демократии – в первую очередь, многопартийная система.

Фредерик де Клерк мудро защищает белых, неподчеркивая этого. Члены его конституционного департамента выступили с разнообразными предложениями, ограничивающими власть государства. Вот эти предложения.

Билль о правах. За него выступает и АНК. Он гарантирует многое из того, что раньше обеспечивала Национальная партия благодаря своей власти, например, право африканеров говорить на своем языке и исповедовать свою религию. Так, школьное обучение на языке африкаанс (что приведет к ограничению числа чернокожих учащихся) будет разрешено и впредь, как и школьное обучение на языках гухарати и зулу.

Разделение власти. АНК также считает, что Билль о правах должен быть принят независимым судом. Верховный суд мог бы следить и за тем, чтобы центральное правительство не притесняло федеральные власти.

Контроль и политическое равновесие. Президент должен утратить часть своих обширных полномочий. Возможно, например, что произведенные им назначения будут нуждаться в ратификации законодателей. Национальная партия, возможно, будет настаивать на учреждении церемониального поста президента и ротационного – премьер-министра, с тем, чтобы представитель от каждой провинции занимал этот пост в течение нескольких месяцев. Просвещенные ученые добиваются введения статьи о свободе информации, что приведет к большей подотчетности бюрократии, ныне действующей за кулисами. Это может позволить будущему правительству, возглавляемому чернокожими, оставить на своих местах в госаппарате белых служащих, не превратившись в их пленников.

Исполнительная власть. Любая партия, получившая на выборах больше, скажем, 15% голосов, должна иметь представителя в правительстве. Это немного напоминает ситуацию в Ливане, приведшую к катастрофе. Но в сентябре Мандела заявил, что в первое правительство, сформированное согласно новой конституции, должны будут войти представители разных партий, даже если АНК и получит на выборах подавляющее большинство голосов. Национальная партия, по всей вероятности, сохранит несколько портфелей в новом кабинете.

Власть на местах. АНК с подозрением относится к передаче части власти федеральным или еще более мелким территориям и давно отстаивает идею унитарного государства. Эти опасения можно преодолеть, если убедить противников нововведения в том, что децентрализация власти не будет служить сохранению печально знаменитых бантустанов и не позволит белым пригородам собирать налоги и распоряжаться ими по своему усмотрению. Национальная партия утверждает, что этого не случится. Федерализм пришелся бы по душе и Бутелези, сторонники которого – зулу – живут почти исключительно в Натале. Таким образом, если Мандела согласится с идеей федерализма, это может привести к установлению мира между АНК и движением Инката.

Двухпалатный парламент с нижней палатой, избираемой по принципу пропорционального представительства. Этот пункт вызывает споры: верхняя палата будет представлять «группы» населения. Но что такое «группа»? Важный сотрудник департамента конституционного планирования хмурит брови. Наконец он выдавлиывает, что группы можно установить по языковым, этническим или культурным признакам. Но тут же приходит в замешательство: ведь принцип пропорционального представительства может в конце концов наилучшим образом обеспечить представительство меньшинствам, без обязательного их определения в «группы». Это еще, скорее всего, и единственная избирательная система, учитывающая интересы меньшинств, которую может одобрить АНК.

Самый непримиримый спор может разгореться по поводу экономики. АНК хочет, чтобы в конституцию была внесена рабочая хартия. Де Клерк не воз-

ражает против права трудящихся вступать в профсоюзы и права на забастовку. Но профсоюзы могут потребовать еще и установления минимального уровня заработной платы. Они заявляют, что ЮАР – богатая страна. Уровень жизни белых южноафриканцев как будто подтверждает это. Но всякий беспристрастный наблюдатель знает, что установление минимального уровня заработной платы приводит к росту безработицы.

Де Клерк будет добиваться, чтобы Билль о правах гарантировал неприкосновенность частной собственности. Возможно, он захочет узаконить независимость Центрального банка. Он может даже попросить, чтобы первое негритянское правительство взяло на себя некоторые финансовые обязательства: ограничение размеров бюджета, правительственного займа и т.д. Все это не доставит удовольствия АНК. Но что касается главных политических проблем, то здесь позиции Национальной партии и АНК не слишком сильно расходятся.

В предвкушении смены власти

В Африке сложилась традиция выбрасывать конституцию на свалку и призывать вместо нее деспотов. У ЮАР есть возможность отступить от этого правила. Терпимость глубоко укоренена в традициях АНК, который, по всей вероятности, будет доминировать в следующем правительстве. Его основатели были вдохновлены Махатмой Ганди, прожившим 21 год в Южной Африке в начале века. АНК обратился к насилию только после запрещения партии в 1960 г., но даже тогда старался не наносить ущерба гражданскому населению. Терпимость свойственна Объединенному Демократическому Фронту (ОДФ), который возник в 80-х как легальное крыло АНК. Фронт был столь демократическим, что принятие решений превратилось в необыкновенно долгий процесс. Решения должны были быть ратифицированы в ходе продолжительных консультаций между отделениями Фронта – гражданскими ассоциациями, церквями, студенческими советами и т.п. Эти традиции проявляются в поведении АНК после снятия запрета на его деятельность. АНК сопротивляется предложениям поглотить гражданские ассоциации ОДФ. Он заявляет, что профсоюзы должны сохранить свою независимость, а не влиться в АНК. Когда некоторые из возвращающихся изгнанников – членов АНК обвинили организацию в том, что она санкционировала пытки в Анголе, Мандела по крайней мере проявил порядочность и признал это. Было проведено расследование, и АНК объявил, что мучители наказаны. Это очень нехарактерно для африканских освободительных движений. В частности, СВАПО, освободительное движение Намибии, несколькими месяцами раньше столкнулось с подобными же обвинениями, и его лидеры возмущенно ответили, что пытки – законное обращение с правительственными шпионами. После возвращения из изгнания СВАПО даже без тени сомнения поглотила своих союзников.

Подтвердив право гражданских ассоциаций на независимость, АНК тщательно организовал подсчет голосов на выборах в комитеты и руководстве всех 14 региональных отделений партии. На предстоящем в июне конгрессе АНК его членам обещана возможность выбрать новый Национальный исполнительный комитет.

Кто такие коммунисты

Если выборы пройдут честно, некоторые старые лидеры АНК лишатся своих постов. Пока этого не произошло (выборы уже один раз откладывались), сомнения по поводу приверженности АНК демократии будут оставаться. Сомнения, в первую очередь, основываются на влиянии лидеров, поддерживающих политику неповиновения: это, главным образом, президент Южно-Африканского Молодежного Конгресса Питер Макаба и супруга

Манделы – Винни. Говорят, что без П.Макабы старейшие деятели АНК не могли бы рассчитывать на большой наплыв народа на свои выступления. В августе Национальный исполнительный комитет не проявил должного мужества, чтобы оспорить назначение Винни Манделы на пост секретаря АНК по социальному обеспечению. А уже в сентябре ее обвинили в похищении подростка и в насилии над ним. Другие африканские правящие партии используют свои молодежные отделения для подавления оппонентов. В этом АНК, скорее всего, не окажется исключением. Черные южноафриканцы рассказывают ужасные истории о членах молодежных групп АНК, степень жестокости которых намного превышает степень наносимого ими государству ущерба.

Журналистов из газеты «Sowetan» изгоняют с профсоюзных митингов, потому что они отказываются безоговорочно подчиняться линии АНК. В марте активист ПАК Селио Мотлабакве вернулся из тюрьмы героем. В ту же ночь его дом был подожжен бутылками с зажигательной смесью. Мотлабакве думает, что «преступление» его заключается в том, что он отбывал заключение «не за ту партию». Сторонники ПАК обвиняют АНК в сталинизме. Это попросту означает, что его члены – головорезы.

Иногда эпидемия бандитизма заражает и руководство. «Культурный отдел» АНК – еще один продукт политики бойкотов. Он, как правило, содействовал введению санкций в сфере культуры. Иногда он склонен считать, что ему и впредь следует проверять южноафриканских художников на предмет их политической благонадежности. Время от времени АНК впадает в соблазн проверить и журналистов. Официально АНК провозглашает свободу прессы – пока та ведет себя «ответственно». «Ответственность» в прошлом была любимым словом белых цензоров.

Существуют еще и коммунисты. Численность Южно-Африканской Коммунистической партии фактически засекречена, так что трудно сказать, сколь серьезно ее влияние. Считается, что она доминирует в Национальном исполнительном комитете АНК. Среди ее явных членов много «тяжеловесов»: самый заметный из них – Крис Хани, глава штаба армейских частей АНК и возможный претендент на пост президента. Его главный соперник, Табо Мбеки, вопреки примеру своего отца, кажется, не является коммунистом. Главное – не кто состоит в компартии, а что эти люди понимают под коммунизмом. «Революции в Восточной Европе показали, что социализм не может существовать без демократии», – таково мнение Компартии ЮАР. Партия заявляет, что «сейчас, после отмены апартеида, и на период социалистического строительства» она отдается на милость «политического плюрализма». Быть коммунистом, таким образом, означает придерживаться левых взглядов в экономике и представлять интересы рабочих, а не поддерживать идею однопартийного государства. Так ли это? Обладающий недюжинным умом директор информационной службы АНК Палло Джордан обвинил коммунистов в «нетерпимости, мелком интеллектуальном разбое и политическом лицемерии». Некоторые оптимисты полагают, что головорезов все же удастся вывести из игры. Национальная партия надеется сформировать коалицию с АНК, которая опрокинула бы коммунистов. АНК столь разношерстная организация – в нее входят и христианские либералы, и неверующие коммунисты, – что раскол кажется правдоподобным. Но это не в традиции африканских партий, которые почти всегда предпочитают единство плюрализма мнений. Даже Мандела считает для себя невозможным идти против воли своей партии, что, в частности, сильно затрудняет его контакты с Бутелези.

Эти непокорные университетские выпускники

Главная надежда на выживание демократов в ЮАР кроется не в присущей АНК традиции терпимости, а в самом обществе, из которого эта партия вышла. Так же, как неповиновение отражает отчаянное положение части южно-

африканского общества – каждый второй чернокожий неграмотен, едва ли каждый второй ребенок школьного возраста посещает школу, – так традиция терпимости отражает его развитость, его зрелость.

Университеты ЮАР – самые старые на континенте, уже в течение многих лет они выпускают чернокожих докторов, учителей и бизнесменов. АНК, основанный адвокатом-негром в 1912 г., был первым негритянским националистическим движением в Африке.

Сейчас в ЮАР 20 университетов, причем половина студентов – не белые. 35 тысяч чернокожих выпускников заканчивают каждый год университеты и технологические колледжи (для сравнения: в Зимбабве – стране, занимающей второе место в регионе по экономическому развитию, – ко времени получения независимости было 12 тысяч чернокожих с высшим образованием). Среди тех, кто заканчивает школы со свидетельством о зачислении в высшее учебное заведение, негров столько же, сколько и белых, а к концу века они составят в этой группе три четверти.

Большинство чернокожей интеллигенции поддерживает не АНК, а ПАК или АЗАПО. Они не станут мириться с нетерпимостью АНК. Не станут этого делать и белые преподаватели и журналисты. Одно дело, когда правительство Зимбабве пытается приструнить две издающиеся в стране ежедневные газеты, и совсем другое, когда будущему южноафриканскому лидеру придется справляться с двадцатью. АНК, со своим молодежным крылом и союзниками-коммунистами, тяготеет к тем не слишком привлекательным движениям, которые установили однопартийное владычество в других африканских странах. Разница в том, что южноафриканцев будет труднее заставить молчать. В конце концов белому правительству это так и не удалось.

Каково придется белым?

Расовая терпимость АНК не нуждается в доказательствах. Белые есть среди членов его Национального исполнительного комитета, на митингах АНК белые следят за тем, чтобы ни у кого не было оружия. Когда белая активистка борьбы за гражданские права Молли Блэкборн погибла в дорожном происшествии в 1986 г., 20 тысяч черных пришли на ее похороны. И все же белые, даже либерально настроенные, обеспокоены. Вначале они боготворили Нельсона Манделу. Он был не лидером АНК, а отцом нации. Надеялись, что он выйдет из тюрьмы и приведет Южную Африку к примирению как священник, отпускающий грехи. Но нельзя было ожидать от него столь многого. Мандела постарался успокоить белых, но затем высказался с одобрением о Муаммаре Каддафи и Ясире Арафате. Он не смог побороть анархию в негритянских пригородах. Он не может отделаться от альянса АНК с коммунистической партией.

Понятны чувства тревоги и страха, которые испытывают белые, когда думают о превращении своей страны в интегральную часть Африки. Правительственная пропаганда постаралась разукрасить и без того ужасную летопись континента после обретения им независимости: белым южноафриканцам отказывали во въездных визах, и они были вынуждены принимать пропаганду на веру.

Белые на юге Африки часто называют себя «европейцами», но чужеродная Африка уже вторгается в Южно-Африканскую Республику. Магазины в центре Йоханнесбурга продают больше для черных, чем для белых. Например, наряду с роскошными современными плитами они предлагают и примитивные электроплитки. Севернее белые пригороды уступили место современной «богеме»: смешение рас, притоны, товары и женщины по сниженным ценам. Большинство белых делают покупки еще севернее, в более дорогих пригородах. Один белый йоханнесбургец шутит, что кошмар начнется тогда, когда даже самые шикарные кинотеатры в северных пригородах станут показы-

вать фильмы о кун-фу на языке зулу. За подобными шутками скрываются более серьезные опасения: будут ли существовать пристойные школы для детей белых, пристойные больницы, чтобы облегчить их старость. Самое страшное – это насилие, выплескивающееся из негритянских пригородов. Белые испуганно говорят о Ливане. «Размножаются» фирмы по обеспечению безопасности, менеджер одной солидной компании жалуется, что «любой дурак с ружьем и собакой может начать собственное дело».

Вице-канцлер Уотерстрэндского англоязычного университета Йоханнесбурга недавно вынужден был постановить, что на территорию университетского городка нельзя проносить огнестрельное оружие. Рестораны становятся объектами нападения. Насилие наполняет особым смыслом ироничное высказывание архиепископа Десмонда Туту: «В нашей стране столь многие хотят перемен при условии, что все останется по-прежнему».

Расовый конфликт и сопровождающее его насилие имеют и еще одно, более коварное следствие. Забавно, но англоязычные белые страдают тем же комплексом вины, который поражает некоторых чернокожих южноафриканцев. Они чувствуют себя виноватыми, если не вовлечены в борьбу. Многие покидают страну, но энергичные и предприимчивые профессионалы (яппи!) – вот в ком нуждается южноафриканская экономика. Национальная комиссия по людским ресурсам предсказывает, что к концу века страна будет испытывать нехватку 228 тыс. специалистов с высшим образованием. Служба здравоохранения уже начала ввозить в больших количествах врачей. Добавьте к этому снижение зарплаты, и шансы ЮАР удержать своих яппи покажутся весьма незначительными.

Местная консультативная служба считает, что южноафриканские менеджеры зарабатывают на 27% меньше своих британских коллег, тогда как в 1986 г. они опережали их на 12%. Правительственная эмиграционная статистика не замечает опасности: она утверждает, что в страну приезжают больше белых, чем покидают ее. Истина менее приятна, так как многие уезжают, не уведомляя об этом правительство. Одно исследование обнаружило, что только за год 4 500 студентов покинули страну сразу после окончания высшего учебного заведения (это около четверти ежегодного количества выпускников). Только 5 из 47 аспирантов, изучавших бизнес в Уитутерстрэндском университете в 1982 г., все еще находятся в стране.

В настоящий момент уезжает не так много белых. С уверенностью можно сказать, что меньше, чем в середине 80-х, когда впервые подняло голову движение неповиновения. Деньги ускользают из страны. Йоханнесбургские юристы сдают экзамены для поступления в американскую адвокатуру. Иностранные посольства получают все больше и больше запросов о визах.

Страхи африканера

Африканеры не покинут страну. Они жили здесь в течение многих поколений, да им и некуда уезжать. Подобно тому, как англоязычные южноафриканцы тяготеют к европейской культуре, так и африканеры одержимы сознанием того, что они – белые африканцы – люди достаточно упрямые и стойкие, чтобы все поставить на Африку и выжить. В них живо чувство осажденной крепости, воспитанное на видениях защитного круга фургонов, запряженных быками, на рассказах об измене англичан и африканцев. Теперь обвинение в предательстве предъявлено де Клерку. Правые, обладающие чувством ветхозаветной непогрешимости, попытались в феврале преподнести ему 30 кусков серебра в детском гробике. С тех пор они принялись применять слезоточивый газ на собраниях Национальной партии.

Журналисты обожают брать интервью у убежденных седидами африканеров, которые грозят сражаться против правления негров так же, как в свое

¹ См. «Страна и мир», № 9, 1986.

время их деды сражались с Британской империей. Но одержимость африканеров историей противоречит их же стремлению обрести поддержку окружающего мира. Местные газеты сообщают о том, что пишут о ЮАР в британской и американской прессе. И Мандела, и де Клерк посчитали необходимым совершить многочисленные зарубежные поездки, чтобы заручиться поддержкой западных стран на предстоящих переговорах.

Если реформы де Клерка вернут ЮАР место в международной ассоциации регби, место в сердцах африканеров ему обеспечено. Более того, бывшая родовая сплоченность африканеров распадается, а вместе с ней уходит и ощущение истории. На собраниях Национальной партии преданных ей членов больше увлек бы показ не фургонов, а образцов самолетов. В августе лидер крайне правой Консервативной партии обратился к своим соратникам со сцены ратуши в Претории. Пик антиреформистской активности наступил, когда другой оратор попросил делегатов прекратить оплачивать свои телевизионные счета, потому что АНК получает слишком много времени в эфире... В наши дни африканеры из былых красношеих фермеров превратились в государственных служащих с солидными страховыми полисами. Дети многих из них ходят в университеты, где скорее всего присоединятся к левым, а не правым группам.

26 ноября 1990 г., когда Консервативная партия организовала грандиозную демонстрацию против реформ де Клерка, состоялось другое «собрание» африканеров – в честь Хутстока, как они называют Вудстокский рок-фестиваль. Даже в Северном Трансваале, центре страны красношеих, по воскресеньям белые семейства берут воздушные шары и напитки для детей и отправляются в бифштексный ресторан. Последнее, что связывает их с прошлым первопереселенцев, – это музыка свирелей и волынок в стиле вестрн и кантри.

Когда Фредерик де Клерк снял запрет с деятельности АНК, Консервативная партия поклялась, что все его реформы будут сорваны. С тех пор она более здраво обдумала свои угрозы призвать белых рабочих к всеобщей забастовке. Она отшатнулась от открытого альянса с «отпетыми бандитами». У нее не хватило даже мужества ускорить частичные всеобщие выборы, приказав своим 39 депутатам парламента подать в отставку. Как и крайне левое крыло АНК, консерваторы сравнивают де Клерка с Керенским, которого скоро скинет Мандела – Ленин, во имя РСА – Республики Социалистической Азии. При этом они, однако, не сравнивают свою собственную партию с бессильной (белой) русской аристократией.

Возможно, они правы. Даже если большинство африканцев чувствуют себя слишком уютно, чтобы думать о вооруженном восстании, всегда найдутся экстремисты, готовые убивать. Уже были совершены нападения на приверженных реформам политиков и отделения газет, возможно, спровоцированы насилия в негритянских пригородах.

Все может обернуться куда хуже, если африканеры начнут терять свои рабочие места.

В Зимбабве было достигнуто примирение между черным и белым населением, несмотря на войну за независимость, унесшую 30 000 жизней, несмотря на победу на выборах откровенного марксиста, несмотря на увядание либеральной традиции среди местных белых. И все же в каком-то смысле в Зимбабве это было легче. Тамашнее белое население никогда не превышало 6% от общего числа жителей, а благодаря эмиграции белых и высокому уровню рождаемости у негров, белое население составляет теперь не более одного процента. Поэтому президенту Роберту Мугабе легко быть милым с белыми и в то же время заботиться о том, чтобы черные получали работу.

В ЮАР белые гораздо более многочисленны (около 17% от общего числа населения). Что еще хуже, многие имеют низкую квалификацию. Вопреки расовым привилегиям, белые в Зимбабве сохранили работу благодаря своему

профессиональному превосходству. Южноафриканские железнодорожные кондукторы гораздо более уязвимы. У них больше общего с неквалифицированными португальскими поселенцами в Мозамбике, которые скопом уехали оттуда во время провозглашения независимости, разрушая все, что не могли взять с собой. Поскольку африканерам некуда идти, они останутся – неквалифицированные и возмущенные. Немногие африканеры все еще верны идеям Хендрика Фервурда, премьер-министра в 60-х гг. и видного идеолога апартеида. Но его наследие все еще живо в огромной системе государственных служб африканеров с оффисами в здании Фервурда в Кейптауне или домами в Фервурдбурге, к югу от Претории. На данный момент разросшаяся «семья» Фервурда все еще чувствует себя в безопасности. Она верит, что де Клерку удастся с помощью переговоров обуздать АНК. Манделе предстоит незавидная работа уравновесить стремления чернокожих и угрозу белого терроризма.

Не приходится сомневаться, что в скором времени Южная Африка получит достойную конституцию, но пока что она балансирует между уступчивостью и озлобленностью белых, между традиционной негритянской терпимостью и неуправляемостью молодежи. Ее судьба частично зависит от умения де Клерка увлечь за собой белых и решимости Манделы дисциплинировать своих соратников. Но решающее значение имеет экономика. Экономическое процветание откроет новые возможности для черных и позволит сохранить африканерам их рабочие места. В условиях экономического роста можно будет использовать квалификацию яппи и обучить «боевых соратников» какому-то ремеслу и предоставить им работу.

Время делового человека

Именно в южной части континента находится наиболее развитая страна Африки; там самый высокий ВНД на душу населения, если не считать крошечного богатого нефтью Габона. В то же время Южная Африка страдает всеми африканскими недугами: низкие темпы развития, большие семьи, низкий уровень инвестиций и СПИД. Она в плену колеблющихся потребительских цен. Золотые рудники, которые дают половину всего экспорта Южной Африки, постепенно приходят в упадок: шахты становятся все глубже, руда становится все беднее, в восьмидесятых годах выработка сократилась на одну десятую.

Такая экономика не может обеспечить быстрого роста благосостояния, которого ожидают чернокожие жители Южной Африки. Не может она создать и рабочие места для тысяч людей, приезжающих каждый день и пополняющих рынок свободной рабочей силы. Уровень безработицы близок к 50%, и половина безработных не занята даже в теневой экономике. СПИД может изменить эту ситуацию, вызвав сокращение прироста населения; но тут, в свою очередь, возникают еще более сложные проблемы – стремительное повышение затрат на здравоохранение, снижение производительности труда.

Покончив с апартеидом, страна может извлечь для себя некоторую выгоду. Уже сейчас приезжает больше туристов, европейские супермаркеты полны южноафриканских фруктов. Особенно важно то, что иностранные банки могут возобновить предоставление займов, впервые с момента прекращения такого рода деятельности в 1985 г. По некоторым данным, банковские санкции обошлись Южной Африке за последние пять лет в 32 миллиарда рандов (14 миллиардов долларов). Если добавить еще шесть миллиардов, потерянных в результате торговых санкций, то общая сумма недополученной иностранной валюты приблизится к сорока миллиардам рандов.

Санкции – официальные и неофициальные – помешали экономике развиваться быстрыми темпами. Но восстановление расовой справедливости не изменит этого положения в один день. Тем же недугом, что и Южная Африка, – недостатком инвестиций – страдают, и в еще большей степени, африканские

страны с негритянскими правительствами. Запутанная бюрократическая система и контролируемая государством экономика могут отпугнуть вкладчиков капитала в значительной степени, чем любой международный бойкот. Правительство де Клерка знает это. Сейчас оно борется с дефицитом, пытается обуздать инфляцию и сокращает бюрократический аппарат. Вызывает беспокойство тот факт, что первое негритянское правительство окажется объектом давления и будет вынуждено увеличивать затраты на социальное обеспечение и создавать новые рабочие места в государственном секторе для возвращающихся эмигрантов и своих политических сторонников.

Более того, для большинства чернокожих капитализм и апартеид – одно и то же. В течение многих лет закон, не говоря о предубеждении и отвратительном образовании, не позволял чернокожим иметь собственность или выполнять приличную работу. Затем началась борьба за равноправие, и слово «прибыль» превратилось в ругательство. Преподаватель экономики в университете для черных и цветных на западе ЮАР спросил третьекурсников, какую экономическую систему они предпочитают. Треть студентов сказали, что они – социал-демократы, другая – что они марксисты. Оставшаяся треть назвала себя троцкистами. В англоязычном университете Уитуотерстрэнд в Йоганнесбурге, где учатся в основном белые, некоторые преподаватели пытались изгнать слова «коммерция» и «бизнес» с факультетов, поскольку оба эти термина «попахивают» угнетением. Советники АНК считают фондовую биржу чем-то вроде казино, а отмену государственного контроля расценивают как выпад против профсоюзов. Они наблюдают за уменьшением инвестиций и приходят к выводу, что бизнесмены непатриотичны. В течение тех нескольких лет, которые понадобятся АНК, чтобы взять власть в свои руки, белые бизнесмены будут стараться изо всех сил изменить представление о себе.

Продается рынок

Чтобы обеспечить себе будущее, крупные южноафриканские компании уже давно пытаются обзавестись чернокожими друзьями. Они используют любую возможность, чтобы высказаться против апартеида, и предоставляют квартиры специально нанятым чернокожим менеджерам в фешенебельных пригородах, которые по закону предназначались для белых. Они очень стараются вызвать к себе доверие. «Anglo American», которая вместе с компанией «De Beers» прочно занимает положение крупнейшего южноафриканского промышленного конгломерата, недавно выпустила небольшую книжку, посвященную вопросам конституционного устройства. Сегодня никого не удивляет, что бизнесмены приглашают лидеров АНК на званые обеды, или, что они вкладывают средства в социальное обеспечение черного населения. Однако Гейвин Рейли, до недавнего времени бывший председателем «Anglo American», установил контакты с АНК в Зимбабве еще в 1985 г. Председательский фонд компании, который тратит около 44 миллионов рандов в год на такие достойные цели, как образование чернокожих, существует в своем нынешнем виде с начала семидесятых годов.

Чтобы привить вкус к капитализму, «Anglo American» начала воспитывать чернокожих предпринимателей. Она упростила свои контракты, чтобы передать им несложные мелкие заказы, и помогает им в проведении расчетов, приобретении сырья и так далее. Многие из этих «предпринимателей» работают на небольших предприятиях, которые, хотя и не напрямую, снабжаются «Anglo American». Со временем они могут стать более независимыми. В течение двух лет им удалось получить по контрактам двадцать миллионов рандов.

«Anglo American» пытается сделать капитализм более привлекательным в глазах своих собственных служащих. В 1988 г. компания начала продавать

им «свободные» акции. Это означало, что нужно было на нескольких африканских языках придумать слово «акция» и постараться всеми силами преодолеть враждебность профсоюзов по отношению к такому символическому «капиталовладению». Сейчас 160 тысяч служащих «Anglo American» владеют акциями на общую сумму более 200 миллионов рандов. Компания с большим энтузиазмом указывает на то, что интерес негритянского населения к рынку акций быстро растет благодаря созданию пенсионных и сберегательных фондов, которые могут похвастаться тем, что в них состоит 4,5 миллиона человек. Сберегательный фонд профсоюза шахтеров увеличивается ежегодно на 100 миллионов рандов и является самым большим в Южной Африке официально разрешенным депозитным учреждением. Председатель этого фонда – глава профсоюза шахтеров.

В первой половине нашего века именно африканеры выступали против большого бизнеса. Но они выросли в капитализм благодаря страхованию жизни. Каждый африканер имел страховой полис компании «Sanlam», которая играла на их чувстве принадлежности к одному клану, усиленном англо-бурской войной. «Sanlam» стала их сберегательной кассой точно так же, как Национальная партия – их партией. Желание каждого, кто занимается страхованием жизни и вышел с этим на рынок, заставить клиента почувствовать себя членом единой семьи, с готовностью исполнялось. В результате к началу шестидесятих годов «Sanlam» настолько разрослась, что начала скупать у «Anglo American» золотые прииски.

Сейчас «Anglo American» пытается создать «черный» вариант «Sanlam» под названием «African Life» (это наиболее быстро развивающаяся страховая компания в Южной Африке и член группы «Anglo American»). Шестьсот работников компании, среди которых только черные, цветные и индийцы, выдают по 4 тысячи полисов в месяц. Судя по их годовому отчету, только один из восьми агентов, добившихся наибольшего успеха, – белый. «African Life» стала пайщиком других компаний, имеющих дело с негритянским населением, например, компании, рассылающей заказы по почте, услугами которой пользуются два миллиона человек.

Следующий шаг – убедить чернокожих стать владельцами еще большего числа акций без фиксированного дивиденда. В результате того, что акции предлагались служащим компании, владельцам полисов и их друзьям, появились чернокожие держатели акций, что уменьшило собственность материнской компании с 92% до 81%. Билл Джек, исполнительный директор отделения компании в Глазго, хотел бы сократить капитал материнской компании приблизительно до 50%, угловорив негритянские организации – профсоюзы, церковь – покупать акции большими порциями на распродаже, которую «African Life» предполагала провести 15 ноября 1990 г. Возможно, это заставило бы чернокожих относиться к компании как к своей собственной.

Осторожность опасна

Вызывает особое беспокойство тот факт, что «African Life» потребуется еще не один год, чтобы добиться положения и значимости, которыми обладала «Sanlam» для африканеров к началу шестидесятих. Авуары «African Life» составляют сейчас всего лишь каких-нибудь 183 миллиона рандов (меньше 1% от нынешних авуаров «Sanlam»). Правда, они сейчас быстро увеличиваются, а распад больших семей подготавливает чернокожее население к более современным видам обеспечения, чем то, которое дает страхование жизни. Но чернокожие южноафриканцы не столь сплоченная группа, как африканеры. Они рассредотачивают свои сбережения по разным страховым компаниям, банкам и профсоюзным фондам. Критики «Anglo American» говорят, что она проявляет чрезмерную осторожность. Джек с радостью отмечал, что групповой пай его компании снизился наполовину; похоже, он довольно

скептически относится к идее дальнейшего продвижения в этом направлении. Не говорит он и о том, что будет трудно заставить чернокожих полностью разделить интересы компании, которой управляет белый. По словам критиков, «Anglo American» необходимо сделать что-то из ряда вон выходящее для того, чтобы развеять подозрения негритянского населения. Идеи, подобные продаже «African Life» (или других дочерних компаний) группе чернокожих менеджеров, заслуживают большего внимания, чем уделялось до сих пор. По крайней мере «Anglo American» могла бы значительно увеличить количество акций, находящихся в руках ее служащих, и ввести представителей профсоюзов в контролирующие органы. Такого же рода осторожность мешает продвижению по службе чернокожих менеджеров. Безусловно, быстрое повышение чернокожих по службе может быть очень опасно, особенно на ответственной работе на шахтах глубиной более мили. В других компаниях такие планы потерпели неудачу. Белым менеджерам среднего звена не нравятся, когда им поручают обучать чернокожих, которые потом будут претендовать на их рабочие места. Чувство вины белых – тоже проблема: начальники весьма неохотно указывают своим чернокожим заместителям на ошибки, и, естественно, те почти ничему не учатся. В результате белые стараются не давать чернокожим никаких ответственных поручений. Чернокожие чувствуют, что они всем как кость в горле, и уходят, испытывая лишь чувство отвращения.

Однако, решив довести дело до конца, компании могут эти трудности преодолеть. Так «Consol», компания по производству стекла и упаковочных материалов, поставила продвижение по службе белых менеджеров в зависимость от того, как они подготавливают чернокожих, коллег, которые затем будут выполнять их нынешнюю работу. Наиболее впечатляющим примером продвижения чернокожих по службе является компания «SA Breweries». В 1986 г., когда менее 5% от общего числа сотрудников, получающих зарплату, были небелыми, компания решила за пять лет довести их число до 50%. По последним данным, этот показатель достиг теперь 47%.

Большинство южноафриканских компаний сейчас не рискуют слишком быстро повышать в должности чернокожих, несмотря на то, что теperешняя нерешительность может обернуться еще большими жертвами, которые придется принести черному правительству. «Anglo American» не является исключением. Среди пятидесяти директоров и заместителей директоров только один черный. Компания отказывается предоставить данные о количестве чернокожих менеджеров, работающих в главном офисе, это наводит на мысль, что назвать это число просто неловко.

Осторожно, Зимбабве!

В большинстве стран было бы неразумно оправдывать повышение человека по службе не его деловыми качествами, а какими-то другими соображениями или требовать от компаний, чтобы они разделялись на несколько более мелких. Южная Африка отличается от других стран. Концентрация собственности исключает возможность ее растаскивания объединившимися «налетчиками» или честолюбивыми менеджерами. А угроза для держателей акций со стороны враждебно настроенного негритянского правительства может оказаться значительно большей, нежели та, которую в данный момент несет в себе быстрое восхождение чернокожих по служебной лестнице. В последние месяцы экономисты, занимающиеся проблемами частного сектора, повинувшись долгу, жертвовали своими свободными вечерами и выходными, устраивая конференции, посвященные завтрашней экономической политике. Они приносили с собой диаграммы, показывающие объем инвестиций и уровень инфляции. И это дало некоторый результат. АНК уже меньше говорит о национализации. Но недоверие к бизнесу «в крови» у АНК. Может быть, с по-

мощью широких жестов удастся добиться большего, чем с помощью правдивых диаграмм. «Замечательно, что правительства стараются сохранить уверенность бизнеса в завтрашнем дне», – говорит Джо Слово, лидер коммунистической партии и видный деятель АНК. – «Но и бизнес, в свою очередь, не должен лишать трудящихся такой уверенности». Наверное, у мистера Слово в голове каша; но скоро у него появится еще и власть. И до тех пор, пока его инстинкты (отнюдь не нетипичные) не изменятся, правительство АНК скорее всего будет вмешиваться в экономику и сдерживать инвестиции. Возьмите, к примеру, прошедшее десятилетие в Зимбабве. Новое правительство возомнило, что, издав декрет о замораживании цен, оно сможет покончить с инфляцией. Расходы компаний увеличивались – и не в последнюю очередь из-за того, что правительство установило размер минимальной заработной платы и затруднило увольнение рабочих. В результате несколько фирм разорились. Другие переместились в Ботсвану. Сегодня менеджеры в Зимбабве по-прежнему страдают от контроля над ценами и пытаются оказывать давление на правительство, добиваясь их повышения. Неудивительно, что ежегодно государственная экономика Зимбабве предоставляет двумстам тысячам выпускников школ только сто тысяч рабочих мест.

Еще хуже то, что плохие законы плохо же и выполняются. Правительственные органы действуют несогласованно; проекты инвестиций месяцами пылятся на столах чиновников. У Южной Африки есть шанс последовать примеру Зимбабве и в этом тоже. В бюрократической системе страны неизбежно нарушатся какие-то связи, когда эта система перестанет быть монополией африканеров. Такова цена демократии; к тому же неопытность чернокожих в деле управления приведет к еще большим неурядицам. Офисы АНК в Лусаке, упрятанные куда-то на задворки и охраняемые какими-то сонными молодыми людьми, плохо организованы, как и почти все в Замбии. Представительство АНК в Йоханнесбурге выглядит немного лучше. Но официальные лица из АНК по-прежнему лучше умеют обсуждать международные отношения, чем заниматься административной работой, например, отвечать на телефонные звонки. Все это приводит к необходимости немедленно обуздать антипредпринимательские, антиделовые инстинкты, господствующие в АНК.

Да, но у нас прекрасная земля

По всей Африке правительства поприжали крестьянство в угоду городским жителям, которые могут постоять за себя. Адвокаты и профсоюзные деятели, которые составляют большинство в АНК, будут испытывать большое искушение сделать то же самое, так как Южная Африка – самая урбанизированная страна континента. Но ее беднейшие районы – это именно деревня. Крестьяне, получив новые возможности, могут создать новые рабочие места в компаниях, поставляющих отборные семена и удобрения и тем самым повышающих цену урожая. Если же им не уделять внимания, то они покинут свои дома, чтобы пополнить ряды обитателей городских трущоб. Пожалуй, единственное, в чем правительству АНК стоило бы последовать примеру Зимбабве, так именно в этой области. Опыт Зимбабве показывает, что крестьянам можно помочь. Благодаря низкой себестоимости, доступным рынкам и займам, количество производимого ими продовольствия увеличилось в пятнадцать раз. До того, как страна стала независимой, чернокожие фермеры производили 7% потребляемого страной маиса. Сегодня они производят половину этого продукта. По производству таких культур, как маис и хлопок, требующих больших затрат труда, семейные фермы (но не кооперативы, с которыми в последнее время заигрывает АНК) могут превзойти большие хозяйства. Перераспределение и эффективность идут рука об руку. Революция такого рода необходима для 1,1 миллиона южноафриканских фермеров. До последнего времени правительство не замечало их существования. Белые

же фермеры, напротив, получали большие субсидии под проценты, не говоря о многочисленных налоговых льготах, благодаря которым они платили только 30% от установленной суммы налогов. Именно в интересах белых фермеров проводились государственные исследования в области сельского хозяйства. Неудивительно, что на фермах, принадлежащих белым, производительность в шесть раз выше, чем та, которой могут добиться их крестьяне.

Кроме улучшения обслуживания, чернокожие нуждаются в большем количестве земли. АНК вряд ли удовлетворится старым земельным законодательством, оставляющим во владении белых 86% территории ЮАР. АНК требует компенсаций за выселение трех с половиной миллионов чернокожих в течение последних тридцати лет; более трети этих людей были лишены земли. АНК говорит о необходимости выплаты вознаграждения черным, годами работавшим, но так и ничего не заработавшим на фермах у белых. В то же время АНК говорит, что не хочет лишиться того миллиарда долларов, который поступает в страну от экспорта сельскохозяйственной продукции. В связи с этим АНК должен действовать с осторожностью. Кроме всего прочего, статья о правах собственности в предполагаемом проекте конституции может стать непреодолимой преградой на пути экспроприации ферм у белого населения. Скупать фермы для последующего перераспределения земли будет слишком дорогим удовольствием: в основном, не из-за цены на землю, а из-за того количества дорог, дамб и силосных башен, которые пришлось бы заново построить. АНК говорит, что можно выплатить компенсации фермерам облигациями, но даже облигации со временем окажутся тяжким бременем для казны. Несмотря на обширную иностранную помощь, правительству Зимбабве удалось переселить только треть из тех 160 тысяч семей, которым оно еще десять лет назад обещало помощь.

Налог и реформа

Если АНК сможет побороть свои антикапиталистические настроения, то, возможно, он также откажется от заимствования некоторых идей правительства в области земельной реформы: предоставить чернокожим займы с более низким процентом и позволить им самим покупать фермы. Фермеры не должны испытывать недостатка в средствах и возможностях. За прошедшие десятилетия субсидируемых процентных ставок многие белые осмелели и залезли в долги; сейчас, когда нормальные процентные ставки вновь стали реальностью, вполне возможно, что многим придется распродавать свое имущество. Увеличивающаяся себестоимость и более жесткие налоги усложнят правила игры. АНК мог бы пойти по этому пути еще дальше, введя налог на землю, который отбил бы охоту у людей покупать ее только для того, чтобы защититься от инфляции. По данным Южноафриканского Банка развития, который является мозговым центром осуществляемых правительством земельных реформ, четверть всех преуспевающих белых фермеров производит приблизительно три четверти общего объема продукции всех ферм, принадлежащих белым. Остальные считают свою землю и капитал чем-то вроде развлечения. Большие земельные участки в Натале принадлежат биржевым маклерам и адвокатам и служат им местом отдыха и развлечений.

Земельный налог мог бы заставить белых начать распродавать свои владения. Кто-то стал бы подыскивать чернокожих арендаторов. До того, как чернокожие были лишены прав на «землю белых», именно так и поступали многие землевладельцы. В конце девятнадцатого столетия считалось, что чернокожие работают с большей производительностью, чем белые. В 1900 г. около четверти миллиона акров в Трансваале принадлежало преуспевавшим чернокожим фермерам, многие из которых начинали как арендаторы. Законы о земле сковывали чернокожих арендаторов. Получив шанс, они могут возвратиться на землю.

К сожалению, самая большая трудность в проведении земельной реформы менее всего обсуждается. Большая часть обрабатываемой земли в бангустанах является общественной собственностью. Вождь распределяет ее среди людей, живущих там. Фермеры ничего не платят за свою землю. Если кто-то уезжает, то земля просто возвращается вождю, и никакой передачи денег из рук в руки не происходит. Право на землю по рождению было эффективно до тех пор, пока земля была плодородной. Сейчас оно сдерживает чернокожих фермеров. Вызывает беспокойство тот факт, что проведению реформы препятствуют и политические трудности. Вождям грозит опасность утратить власть и влияние, а черным политикам общественная собственность представляется более романтичной, чем частные фермы. Бесплатная общественная земля не может служить дополнительным обеспечением, и это затрудняет увеличение займов. Еще хуже то, что фермеры, не ставящие перед собой больших задач, не имеют права продавать землю своим более энергичным соседям, поэтому некоторые участки практически не используются. Даже самый преуспевающий фермер не может расширить свое дело. В результате честолюбивые крестьяне уезжают в город.

АНК совершенно справедливо не одобряет наплыва рабочих-мигрантов из-за отрицательного воздействия, которое он оказывает на семейную жизнь, не говоря уже о том, что это в значительной мере способствует распространению СПИДа. Но Конгресс не считает, что общественная собственность на землю увеличит число мигрантов из деревень в города. До тех пор, пока право собственности зависит от присутствия владельца, шахтеры и городские рабочие будут оставлять свои семьи в деревне, чтобы быть уверенными в том, что вождь не отдаст их ферму кому-нибудь еще. В некоторых сельских районах Зимбабве главы каждых двух семейств из пяти жили в городе. Женщины, оставленные в деревне присматривать за детьми и урожаем, перегружены работой и не могут стать хорошими фермерами. Однако им удается вырастить достаточно маиса, чтобы прокормить себя и детей. Зная о том, как дешева деревенская жизнь, рабочие-мигранты не считают оправданными расходы по содержанию семьи в городе. Им там хорошо платят, и поэтому им все меньше хочется помогать своим женам в работе на ферме. Они, как и белые адвокаты и биржевые маклеры, считают свои земельные участки местом, где можно отдохнуть после работы.

Со временем общественная собственность на землю может постепенно исчезнуть, даже если новое правительство будет уклоняться от решения этого вопроса. В прошлом году два бангустана из десяти, Ква-Зулу и Ква-Ква, приняли законы, разрешающие частную собственность, — и это не в последнюю очередь потому, что люди, живущие там, с пренебрежением относились к земле, которой им не разрешалось владеть. Рынки земли могут возникнуть и в других бангуставах, независимо от того, будут или нет приняты соответствующие законы, если только службы развития станут активно помогать фермерам и появится денежный оборот. Этот вопрос нужно решать как можно скорее, чтобы сохранить плодородие. Очень трудно превратить крестьян в заботливых хранителей земли, если они за нее ничего не платят и не могут отстаивать свое право собственности. Если земля истощится окончательно, даже самая лучшая служба развития вряд ли сможет чем-нибудь им помочь.

По ту сторону границы

Белые южноафриканцы, униженные годами изоляции, много говорят сегодня о своих африканских друзьях. Они уверяют, что позаботятся об африканских странах, если те будут забыты Западом ради Восточной Европы и Проекта 1992 года. Ведь ЮАР ближе Африке, ее продукция удовлетворяет условиям Африки. ЮАР в состоянии вложить капитал, поделиться опытом,

оказать реальную помощь странам Черного континента. Эти намерения ЮАР находят отклик у соседей. Президент Замбии Кеннет Каунда говорит даже о возможности перехода на единую для всего региона валюту при условии, что в ЮАР будет покончено с апартеидом. В мечтах все выглядит весьма привлекательно. В действительности – совсем наоборот.

Апартеид был тяжким бременем. Около полутора миллиона человек в Анголе и Мозамбике стали жертвами войн, развязанных ЮАР, и вызванного ими голода. По оценкам Организации Объединенных Наций, военная агрессия против соседей обошлась ЮАР в 60 миллиардов долларов за период 1980–1988 гг. На этом фоне те пять миллиардов долларов, которые получили участники Конференции по координации развития Южной Африки (ККРЮА) от сторонников борьбы с апартеидом, – просто ничто. Но вывод южноафриканских войск еще не означал наступления полного мира, хотя и в Анголе, и в Мозамбике правительства и повстанцы ведут сейчас переговоры. Мирнолюбиво настроенной ЮАР вряд ли удастся изменить экономику своих соседей. В некоторых областях тем не менее сотрудничество может оказаться эффективным. Южноафриканская компания по производству электроэнергии «Es-kom» планирует создать единую региональную энергосистему. Она также хочет оказать помощь в восстановлении гидроэлектростанции «Cahora Bassa» в Мозамбике. Когда Мозамбик обрел независимость в 1975 г., через порт Мапуто проходило ежегодно более шести миллионов тонн южноафриканских грузов. Гражданская война, которую спровоцировали южноафриканцы, сократила это количество до 250 тысяч тонн. Сейчас ЮАР выделяет средства на ремонт порта. Однако извлечь какую-либо особую выгоду, помимо общего развития инфраструктуры, вряд ли удастся. Так или иначе ЮАР торговала и торгует со своими соседями. Ее торговые представительства расположены в шести из десяти стран ККРЮА; только Ангола и Танзания отказались покупать товары из ЮАР. В результате введения санкций министерства торговли африканских стран перестали публиковать данные о количестве заключенных ими международных сделок. Но в 1986 г. страны ККРЮА импортировали из ЮАР 30% общего количества покупаемых за границей товаров (для сравнения, внутренний импорт стран ККРЮА составил лишь 5%). В том же году страны ККРЮА экспортировали в ЮАР 7% всего своего экспорта (и 4% – в страны, партнеры по ККРЮА). Когда с апартеидом будет покончено, могут возникнуть новые возможности: ЮАР хотела бы закупать ангольскую нефть. Но главным препятствием на пути расширения торговых связей является бедность самих стран ККРЮА, и потребуется довольно много времени, чтобы положение изменилось. Валовой национальный продукт всех стран ККРЮА вместе взятых равняется 25 миллиардам долларов, что составляет половину валового национального продукта Португалии и четверть – Южной Африки. Жители этих стран рассеяны по большой территории, и до них трудно добраться; к тому же они вскоре могут быть поражены эпидемией СПИДа. Некоторые южноафриканцы говорят, что иностранные компании, разворачивающие деятельность в их стране, намерены продавать свою продукцию в отдаленных районах региона, ставших доступными в последнее время. Однако основные капиталовложения в экономику Южной Африки планируется направить на создание конвертеров для производства платины из местного сырья, чтобы начать экспортировать ее на Запад.

Правительства стран – членов ККРЮА надеются, что южноафриканские инвестиции смогут ускорить темпы их экономического развития: ведь, по вполне понятным причинам делового характера, никто, кроме ЮАР, не хочет вкладывать деньги в страны ККРЮА. Заметным исключением является Ботсвана, капитал в которую вкладывают несколько десятков фирм из разных стран, особенно из той же Южной Африки.

Нищета Анголы, Замбии и Мозамбика вызывает ужас у большинства вкладчиков. Фабрики необходимо оборудовать индивидуальными источниками

ми электроэнергии из-за перебоев в электроснабжении; для любой новой шахты могут понадобиться сотни километров новых дорог. Британская компания «Lonrho», которой, похоже, очень нравится бедственное положение Африки, выгодно вложила капитал в мозамбикские фермы, но приблизительно пятая часть накладных расходов идет на содержание охраны. Неудивительно, что Аллен Маккерон, руководитель недавно открытого предприятия по добыче полезных ископаемых, говорит, что он не видит возможности быстрого освоения новых месторождений, кроме тех, которые уже разрабатываются «Anglo American» в странах ККРЮА: Намибии, Ботсване и Зимбабве. Экономисты, занимающиеся проблемами ККРЮА, настоятельно рекомендуют странам-участницам объединить свои усилия для проведения исследований и организации обучения; они, несомненно, с распростертыми объятиями встретят ЮАР, если она захочет к ним присоединиться. В университетах Южной Африки, например, гораздо больше сельскохозяйственных факультетов, чем во всех остальных странах региона вместе взятых. Но одно дело поделиться результатами научных исследований, и совсем другое – обучать иностранцев в южноафриканских учебных заведениях. Южноафриканцев уже беспокоит их собственный недостаточно высокий уровень квалификации. По сравнению со странами ККРЮА, Южная Африка выглядит богатой страной, у которой есть, что предложить. Но учитывая, на что надеются в самой ЮАР, она не может позволить себе потратить и копейки лишней.

Меньше подачек, меньше оправданий

На самом деле, прекращение политики апартеида в ЮАР может принести региону не только пользу, но и убытки. Ботсвану, Свазиленд и Лесото очень устраивал статус членов южноафриканского таможенного союза; Мозамбик с радостью принимал от Южной Африки помощь, которую та ему время от времени оказывала. Тысячи мигрантов из Мозамбика, Свазиленда и Лесото с большой охотой приезжали в ЮАР. Но Южная Африка с негритянским правительством не будет испытывать потребности в мигрантах. Будущее правительство АНК, встревоженное уровнем безработицы в стране, наверняка начнет чинить мигрантам препятствия, осушая тем самым важный источник иностранной валюты для их правительств. Более того, оказавшись перед лицом больших ожиданий собственного народа, оно вряд ли будет предоставлять сколько-нибудь значительную помощь соседним государствам.

И все же конец политики апартеида скорее всего сослужит региону хорошую службу. Южная Африка воспринималась всеми как гений зла, и никто не замечал недостатков ее соседей. Было принято прощать неудачи в экономике, чрезвычайное положение в Зимбабве, нежелание правительств Анголы и Зимбабве считаться с законными требованиями повстанцев. На протяжении более тридцати лет лидеры региона стремились добиться освобождения негритянского населения. Сейчас ККРЮА пытается убедить своих членов заниматься в первую очередь проблемами экономического развития. И этот процесс уже начинается. Все страны – члены ККРЮА борются с теми невыдуманными трудностями, которые калечат их экономику: не с апартеидом, а с искусственно завышенными обменными курсами, разжиревшей бюрократией и бесполезным управленческим аппаратом. Впервые с 1970 г. темпы экономического роста в 1988 г. превысили темпы прироста населения. Голодные бунты этого года не заставили президента Замбии отказаться от своей программы суровых мер; Зимбабве, наконец, начала постепенную либерализацию своей торговли. Кроме того, правительство Зимбабве отменило чрезвычайное положение, которое действовало там в течение 25 лет, и, видимо, отказалось от идеи построения однопартийного государства. Мозамбик и Замбия высказались за демократию. Ангола тоже, в основном, за демократию. В Танзании обсуждают возможность установления демократического

режима. Новая конституция Намибии провозглашает демократию. Так как Ботсвана всегда была демократической страной, то только в Малави и королевствах Свазиленд и Лесото ощущается недостаток демократии. Если бы ЮАР стала демократической страной, то даже эти королевства смогли бы измениться.

Не забывайте — это Африка

Не следует забывать, однако, главное. Африка и Европа — не одно и то же.

Белые колонизаторы, придя в Африку, обнаружили там людей, живущих в каменном веке. Они построили рядом с обществом, живущим по племенным законам, свои государства и постепенно научили африканцев, как в них жить. В общем и целом, люди, пришедшие к власти с наступлением независимости, были чернокожими европейцами. Они получили образование в Европе; они спорили о фабианстве; один был даже членом Французской Академии. В отличие от лидеров борьбы за независимость в Индии, у них не было богатого культурного наследия предколониальной эпохи, которым они могли бы гордиться: ни литературы, ни архитектурных памятников, а авторами исследований по истории их народа были белые миссионеры. Единственное, что у них было — Европа, ее стандарты и ее идеи.

Но народу это нравилось. Правители говорили, что тростниковые хижинки не соответствуют общепринятым стандартам, и строили бетонные многоквартирные дома, содержать которые в исправности оказалось слишком дорого. Власть предрешающие говорили, что компании должны хорошо платить своим служащим, поэтому стала расти зарплата, в результате чего выросла безработица. Правители пытались совершить нечто подобное индустриальной революции в европейских странах и в то же время не заботились о развитии сельского хозяйства. Они называли вождей и шаманов людьми прошлого и лишились поддержки со стороны этих влиятельных фигур.

Южная Африка легко может попасть в ту же ловушку. Бросающееся в глаза богатство белых создает у многих впечатление, что Южная Африка может позволить себе жить по европейским стандартам. Чернокожие хотят иметь такие же школы, дома, больницы, что и у белых; получившие образование в Европе лидеры АНК часто и с одобрением говорят о «государстве всеобщего благосостояния» — Швеции. Но валовой национальный продукт Швеции в восемь раз больше южноафриканского. И даже Швеция пришла к выводу, что ее благосостояние не оправдывает тех средств, которыми оно достигается.

Лидеры АНК считают, что граждане имеют право на минимальный уровень зарплаты, даже несмотря на то, что у каждого второго нет работы. Они препятствуют отмене государственного контроля, который направлен на то, чтобы создать лучшие условия для уличных торговцев и ремесленников, продукция которых не соответствует стандартам, устраивающим европейцев. Однако сами безработные возлагают надежды лишь на теневую экономику; а борьба с ней, в свою очередь, лишь пополняет ряды неуправляемой молодежи. В Южной Африке чернокожие политики тоже могут поддаться искушению отделаться от вождей. Уровень развития страны делает не столь заметными специфические африканские черты, апартеид дискредитировал африканские традиции. По закону, верховным вождем является белый президент. Подчиняющиеся ему мелкие сошки управляли десятью бантустанами, в которые правительство белых пыталось загнать всех живущих в стране черных. Когда Зимбабве обрела независимость, правительство пыталось наказать вождей за их сотрудничество с прежним белым режимом. Вожди по-прежнему сохраняли свое влияние, что внушало беспокойство людям, приезжавшим в деревню в качестве правителей нового государства. Чернокожие предста-

вители Мозамбика также начали с заявления, что в их «социалистическом раю» не будет места для вождей. Вождям ничего не оставалось, как присоединиться к повстанцам. Оба правительства пожалели о допущенных ошибках и раскаялись.

В Южной Африке уже начало проявляться негативное отношение к вождям. Конгресс по гражданскому праву в прифронтовой полосе, который поддерживает АНК, убедил военного коменданта в бантустане Сискей разрешить ему принять на себя функции вождей; имена вождей ассоциировались с махинациями предыдущего коменданта, погрязшего в коррупции. В столкновениях АНК и Инкаты в Натале большинство вождей поддерживали Бутелези (он тоже вождь), опасаясь, что АНК лишит их прежнего положения. Руководителям АНК достаёт хитрости успокоить вождей. Они в хороших отношениях с Конгралесой – организацией, объединяющей 670 вождей, выступающих против апартеида. В опубликованной АНК в 1988 г. книге, где изложены основные принципы конституционного устройства, содержится только четыре статьи, где рассматривается вопрос о том, каким должно быть будущее государство. Одна из них посвящена необходимости научить вождей демократии. Это значительно лучше, чем пытаться присвоить себе их власть. Вождь Энос Мазуба, один из наиболее уважаемых лидеров бантустанов, говорит, что одобряет такую политику.

АНК может склонить на свою сторону и знахарей. У знахарей значительно больше пациентов, чем у современных врачей, но они отнюдь не всегда правильно лечат. К профессору Шеру, специалисту по СПИДу, с которым негритянские лидеры не пожелали встретиться, приходили десятки людей, утверждавших, что нашли лекарство от этой болезни. Кто-то приносил травы, один притащил ржавый гвоздь. Если на знахарей не обращать внимания, то они провалят спланированную самым тщательным образом кампанию по профилактике СПИДа. А начав сотрудничать с ними, правительство сможет быстро реализовать свои планы.

У Южной Африки есть еще возможность воспользоваться этим, да и всеми прочими уроками, но уроки должны усваиваться быстро. Де Клерк скорее всего не допустит Консервативную партию к участию в следующих выборах среди белого населения, которые он по существующей конституции обязан провести в 1994 г. Хрупкое здоровье Манделы делает поиски путей урегулирования главных проблем страны задачей, требующей скорейшего решения. У АНК нет времени на оттачивание идей и повышение квалификации своих лидеров. Де Клерк уже воплощает в жизнь некоторые элементы нового порядка, чтобы будущее изменение всех структур не превратилось бы в слишком большое потрясение. Он старается постепенно сгладить расовое неравенство в школьном образовании и жилищном вопросе. В следующем году он сдаст в архив законы о земле и начнет оказывать помощь чернокожим фермерам, предоставляя им кредиты и прочие услуги, что до сего времени было привилегией белых. Билль, усиливающий власть и увеличивающий финансовую независимость местных властей, прокладывает себе дорогу через бюрократические заслоны: передача власти уже идет.

Чем больше де Клерк вовлекает АНК в процесс преобразований, тем с большей уверенностью он может считать, что эти преобразования удастся довести до конца. Сотрудничество с АНК имеет и еще один плюс. По мере того, как лидеры АНК принимают на себя все больше ответственности, их последователи начинают понимать, что политическими средствами можно добиться только компромиссов, а не того чуда освобождения, в которое их учили верить. И это должны понимать все больше и больше людей. Постепенно даже подростки в маленьких городках, может быть, начнут осознавать, что политика неповиновения создает только дополнительные трудности, но ничего не решает. ●

N.N. (Лондон)

ЭКОНОМИКА ЮЖНОЙ АФРИКИ

Первое черное правительство Южной Африки унаследует страну, в которой белому меньшинству живется очень хорошо, а чернокожему большинству – очень плохо. Поймет ли это правительство, решив устранить существующее неравенство, что богатство, прежде чем его делить, надо сначала создать?

Первого чернокожего главу правительства Южной Африки можно лишь пожалеть. Несмотря на недавние революции в Восточной Европе и на беды плановой экономики некоторых из соседних с ЮАР стран, ему будет крайне трудно не повторить чужих ошибок.

Его сторонники ожидают от победы над апартеидом не просто права голоса. Активистам движения нужны должности в новой бюрократии, крестьянам – земля, принадлежащая сейчас белым фермерам, профсоюзам – гарантированный минимум заработной платы. Семь миллионов людей, нелегально живущих в пустующих помещениях, хотят получить законное жилье, а многие из тех, у кого оно есть, все еще лишены электричества и водопровода.

Чернокожие жители слышаны о том, как жили африканеры в двадцатые годы, когда правительство, справившись с голодом и безработицей, выделило субсидии на питание в школах и взяло на себя роль работодателя в последней инстанции. Когда Южная Африка в конце концов получит своего первого черного президента, народ, конечно, будет ждать не меньшей заботы от своего правительства.

Будущий лидер (назовем его Нельсоном Манделой) кроме этих надежд унаследует и проблемы, мучающие политиков во всей Африке, проблемы, которые, собственно, и подорвали белый режим в ЮАР. Главная из них – демографическая. Население растет на 2,5% в год – значит, понадобится все больше новых домов и школ, а их не хватает и сейчас. После столетия, в течение которого чернокожих удерживали от переезда в город силой, лачуги поднимаются как грибы вокруг сверкающих городов Южной Африки. Говорят, что в Большом Дурбане отмечены самые высокие в мире темпы урбанизации.

Белые в Южной Африке – сначала деловые круги, а затем и правительство – уже с 1986 г. пытаются облегчить урбанизацию. После мятежей 1976 г. в Соуэто они осознали, что кипящим от возмущения низам терять нечего. Следующее, еще более кровавое выступление середины 80-х гг. показало, что меры нужно принимать немедленно. Деньги полились в городские кварталы, где селятся африканцы; правительство стало способствовать появлению уличных ларьков, баров, такси – всего того, что раньше оно запрещало; большой бизнес превратил заброшенные фабрики в питомники для выращивания подающих надежды черных предпринимателей. При всем том, однако, численность чернокожих низов продолжала увеличиваться. Росла и угроза новой волны мятежей. Президент Ф. де Клерк понимает ситуацию глубже своего предшественника. Именно поэтому он и готов передать власть.

Бесконечные нужды

Президенту не удастся усмирить гнев бедствующих масс только за счет того, что он с ними одного цвета кожи. Разумеется, президент Мандела возьмется за дело с несравненно большим энтузиазмом, чем любой белый лидер. Но его Африканский национальный конгресс (АНК) может вызвать зависть у зулусских сторонников Мангосуту Бутелези. Факт, что их столкно-

веня со сторонниками АНК в провинции Нагал стали в последнее время более кровопролитными, чем когда-либо раньше. Партии Манделы могут бросить вызов и соперники из Панафриканского конгресса, и Движение за африканское самосознание, и многие вожди местных племен, и главари преступных банд. Чтобы на смену апартеиду не пришла война между самими африканцами, президенту Манделе придется всерьез позаботиться о нуждах народа. Но в состоянии ли он это сделать?

Начнем с социальных услуг. Черное правительство устранило неравенство в затратах на социальные нужды. До сих пор государство тратило на каждого белого гражданина в пять раз больше, чем на черного, индусы же и люди смешанной расы находились в промежуточном положении. Пенсии по старости для белых вдвое выше, чем для черных; государственные школы для белых получают на каждого ученика вчетверо больше средств, чем школы для черных в городских поселениях, и в девять раз больше, чем в поселении Квазулу; в здравоохранении на каждого белого гражданина тратится в четыре раза больше средств, чем на черного гражданина в пределах городских поселений и в десять раз больше, чем на черного жителя поселений. Такой перекося в затратах на социальные нужды привел к тому, что с 1980 г. из-за нехватки учеников закрылось около двухсот школ для белых. До того, как в этом году больницы стали смешанными, в больнице для белых в Йоганнесбурге пустовала тысяча коек.

Устранение подобного неравенства избавит черное население от гнета несправедливости, но вряд ли заметно улучшит его положение. Если 1400 классов, пустовавших в 1987 г., предоставят черным ученикам, это позволит покрыть лишь пятую часть потребности в школах для черных. А чтобы справиться с неграмотностью почти половины населения, нужны не только школьные здания. Многие учителя в школах для черных обладают низкой квалификацией – особенно в таких важных предметах, как математика.

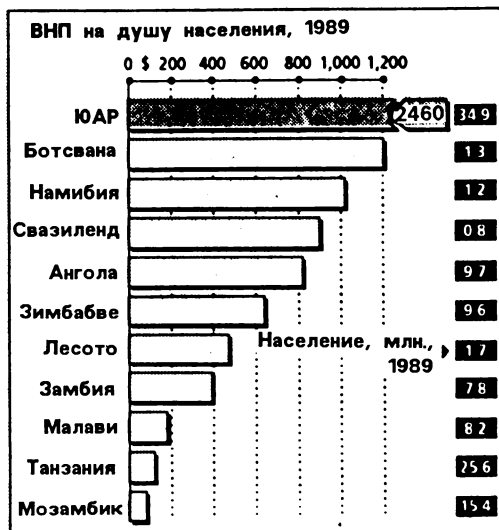
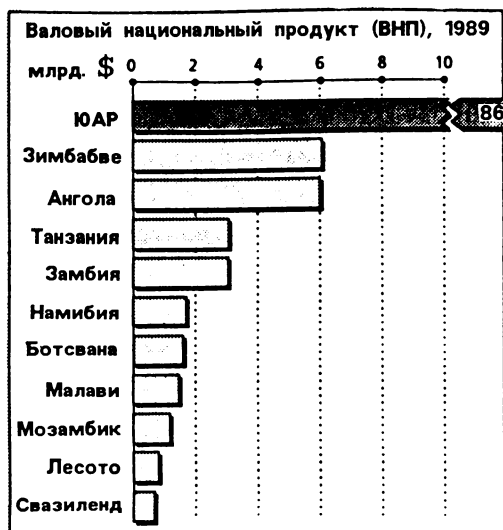
Точно так же несколько тысяч дополнительных больничных коек не делают африканцев здоровыми. По данным обследований, каждый третий подросток моложе 14 лет страдает истощением, а половина сельского черного населения хронически недоедает – совсем как в 1930 г., когда почти половине белых детей не хватало одежды и питания. Разница, однако, в том, что численность чернокожих жителей сейчас во много раз больше, чем численность белого населения 60 лет назад.

Далее идут затраты на жилищное строительство. Говорят, что нехватка жилья для черных достигает 1,8 миллиона единиц. Даже в Соуэто две трети домов не имеют водопровода. По всей же стране более четырех пятых семей чернокожих живут без электричества. В 1988 г. правительству удалось построить лишь 1300 домов. Сегодня правительство признает, что у него нет возможности удовлетворить спрос, и усилия следует сосредоточить на выделении земельных участков для индивидуального строительства.

Ясно, что требования к государственной казне будут безграничны. Согласно одной оценке, требуется около 55 миллиардов рандов (20 млрд. долларов США, около пятой части ВВП), чтобы стандарт жилья, здравоохранения, образования и пенсий африканского населения довести до стандарта белых. С ростом населения эти цифры будут расти. Так, по прогнозам, к концу столетия потребуются дополнительно еще 2,9 миллиона квартир.

Откуда взять деньги?

Какую часть этих требований способен удовлетворить президент Мандела? Он мог бы сэкономить немного денег, устранив бюрократическое дублирование, сложившееся при системе апартеида. Но сделать это будет трудно, поскольку его друзьям по партии нужны не сокращения, а новые места в административном аппарате. Немного даст и сокращение расходов на оборону.



Остаются две возможности: новые займы и повышение налогов. Поскольку последние пять лет ЮАР испытывала на себе тяжесть санкций, страна не слишком обременена иностранными долгами. Конечно, крупные займы на развитие инфраструктуры могут легко изменить ситуацию, но что будет дальше? Если же говорить о налогах, то правительство Южной Африки сейчас получает 27% валового внутреннего продукта – меньше, чем в консервативном Чили (32%) и в Великобритании (42%). Это, видимо, позволяет несколько увеличить ставки. Следует, однако, учесть, что скромный размер налогов в Южной Африке свидетельствует скорее об узости налоговой базы, чем об умеренных аппетитах правительства. Белые, у которых уровень доходов выше, уже сейчас жалуются, что верхний порог налогов, составляющий 45%, чрезмерно высок.

Будущее правительство, вероятно, будет вынуждено повысить налоги. Очевидно, однако, что никакое повышение налогов не позволит собрать достаточно денег, чтобы удовлетворить все запросы. Даже если расходы на социальные нужды будут распределяться более справедливо, черное население получит меньше, чем оно рассчитывает.

Черному правительству придется отказаться от идеи осчастливить каждого и сосредоточить все силы на удовлетворении потребностей тех, кто нуждается больше остальных. Эта мысль кажется достаточно очевидной, но так поступают далеко не везде. В других странах Африки черные правительства стремятся поддерживать уровень жизни, на который рассчитывали их сторонники из среднего класса. В результате беднейшие слои населения, особенно в сельской местности, получают от государства незаслуженно мало. Черное правительство Южной Африки не сможет игнорировать давление со стороны тех же средних слоев, давление, тем большее, что в ЮАР эти слои многочисленнее, чем в соседних странах. И все-таки ему придется следовать совершенно иным курсом.

Потребуются компромиссы. Если, скажем, правительство хочет, чтобы его деньги были потрачены наилучшим образом, ему придется следовать жилищной политике нынешнего правительства – «участок плюс услуги», а не пытаться строить дома для каждого. Ему надо будет готовить не врачей, а медсестер и медработников для села. Оно будет вынуждено заставить обеспеченные семьи платить за обучение детей – иначе оно не сможет ввести в стране всеобщее образование. И так далее.

Бюрократия или конкуренция

Обойтись без таких компромиссов удастся только в том случае, если правительство выберет единственно дальновидный курс – быстрого экономического роста. Отрадно, что АНК, кажется, начинает понимать, как этого добиться. Сразу же после того, как Мандела был освобожден из тюрьмы, он заявил, что по-прежнему верит в национализацию основных отраслей экономики. Биржу мгновенно залихорадило. Недавно на конференции ведущих южноафриканских бизнесменов речь Манделы не так уж сильно отличалась от выступления Гэвина Релли, который только недавно ушел с поста председателя гигантского англо-американского конгломерата. Теперь Мандела заявил, что национализация хороша лишь тогда, когда она способствует развитию экономики. Думаящие люди в АНК спорят и о других вариантах вмешательства в экономику: от новых правил по капиталовложениям до законодательства о минимуме заработной платы.

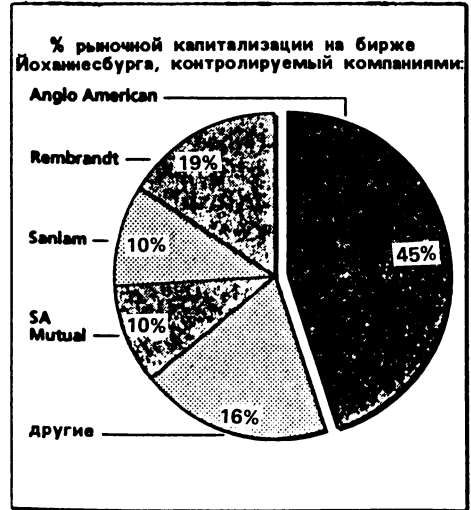
Провал коммунизма привел социалистов Африки в замешательство. В Зимбабве президент Роберт Мугабе в одной и той же речи призвал и к увеличению иностранных капиталовложений, и к более строгому следованию марксизму. АНК и его сторонники в профсоюзах уверяют, что правильно оценивают возможности частного сектора. Однако из того, что они говорят, следует, что, по их мнению, деловые люди не способны принимать решений, полезных для общества, если их не побудит к тому государство. Прибыли как побудительному механизму предпринимательства они не доверяют. К примеру, экономист, связанный с профсоюзом шахтеров, потребовал «продуктивного использования природных богатств нашей страны для народа, а не только для извлечения прибылей».

Такие разговоры могут стоить стране потери многих рабочих мест – как показала неудача Зимбабве в попытке привлечь иностранные капиталовложения. Они уже побудили Де Биерса, контролирующего основную долю алмазодобывающей промышленности в мире, заявить о намерении передать право собственности на активы, находящиеся вне Южной Африки, в руки новой компании в Швейцарии.

Судя по теперешним настроениям, южноафриканские левые способны отпугнуть деловых людей не только словами. На их взгляд, огромные предприятия Южной Африки (четыре крупнейших предприятия контролируют компании, которым принадлежит четыре пятых акций биржи Йоганнесбурга) обладают слишком большой властью. В принципе они правы: это признает даже Гэвин Релли. Но экономические советники АНК видят выход не в конкуренции, а во вмешательстве государства.

В АНК есть люди, которые все еще выступают за национализацию экономики. Конечно, маловероятно, что их идеи реализуют – уже хотя бы потому, что иностранные правительства попытаются добиться компенсаций владельцам акций, чего Южная Африка – даже если бы все свелось к выпуску облигаций – позволить себе не может. Поэтому советники АНК из числа умеренных теперь говорят лишь о регулировании капиталовложений крупных компаний: то ли с помощью чиновников, имеющих право присутствовать на заседаниях советов директоров, то ли посредством прямого контроля над инвестициями. Поскольку крупные компании имеют солидную долю в активах больших банков, этот второй способ подразумевает, что от контроля над банками их заставят отказаться.

Проблема, однако, в том, что экономисты АНК вряд ли способны лучше определить, какие капиталовложения разумны, чем это делают бизнесмены, чьи решения они собираются контролировать. Если гигантские конгломераты Южной Африки в чем и нуждаются, то в конкуренции, а отнюдь не в руководстве со стороны государства.



До сих пор АНК, видимо, меньше всего думал о том, как усилить конкуренцию. В принципе это вполне простительно, ибо забот у него хватало. Похоже, что в последнее время вопросами экономики здесь стали заниматься всерьез, так что, возможно, дело дойдет и до конкуренции.

В этом случае АНК стоило бы использовать такую меру, как жесткое антимонопольное законодательство. Действующие правила пока ограничиваются указанием на то, что присоединение одной компании к другой может быть запрещено, если оно ставит под угрозу общественные интересы. Между тем Робин Макгрегор, владелец фирмы, которая обладает богатейшей информацией о деятельности корпораций Южной Африки, свидетельствует, что во многих отраслях промышленности две-три компании контролируют три четверти рынка. При таких условиях легко создать тайные картели и очень трудно — их обнаружить.

Южная Африка могла бы многое выиграть от введения правил, препятствующих установлению контроля над предприятиями даже при сравнительно небольшом участии в их делах. Например, сейчас крупные фирмы добиваются контроля над мелкими, располагая всего 25–50% их капитала. Спускаясь по этой пирамиде, мы приходим к выводу, что если Южная Африка намерена поощрять предпринимательскую деятельность африканцев, то государству следует сократить свое вмешательство в мелкий бизнес. Скажем, те 50 бланков налоговой декларации, что должен ежегодно заполнять предприниматель-одиночка, способны привести в замешательство специалиста-бухгалтера, не говоря уже о неграмотном сварщике. А ведь есть еще множество законодательных актов и постановлений, определяющих, где и как надлежит заниматься бизнесом...

Деж пирого

Способы увеличить общий размер пирога вполне ортодоксальны, хотя те, что практикуются в недавно освободившихся странах Третьего мира, чаще весьма своеобразны. А как обстоит с дележкой пирога? Вслед за регулированием капиталовложений Африканский национальный конгресс захочет, очевидно, установить гарантированный минимум зарплаты. Естественно, что эта идея популярна в профсоюзах, ее поддерживает и отдел экономики и планирования АНК (заметьте: «планирования»).

Конгресс не признает (по крайней мере публично), что решение проблем зарплаты и безработицы требует компромисса — ведь рост зарплаты почти неизбежно ведет к снижению числа рабочих мест. В конце восьмидесятых

годов, когда все без исключения лидеры чернокожих находились либо в изгнании, либо в тюрьме, факел национального сознания продолжали нести одни профсоюзы. Теперь есть опасность, что к профсоюзам присоединится АНК, а это будет означать игнорирование нужд беднейших слоев населения.

За последние два десятилетия жизненный уровень белого населения снизился, а безработица среди черного населения выросла. При этом выиграли в основном черные работники, объединенные в профсоюзы. С 1976 по 1985 г. неравенство в зарплате между черными и белыми снизилось примерно наполовину, а к 1989 г. разрыв сократился до того, что черные стали получать лишь на 15% меньше белых. Конечно, любая дискриминация в оплате труда должна быть устранена. Однако то, что действительно разделяет Южную Африку экономически, имеет мало общего с расовой проблемой. Это принципиальное различие в положении тех, у кого есть работа, и тех, у кого ее нет.

По самым оптимальным оценкам, 15% трудоспособного населения страны не имеют никакой работы, а еще 30% кое-как зарабатывают себе на жизнь в рамках «теневой» экономики. По расчетам правительства, необходим рост производства порядка 5% в год только для того, чтобы обеспечить работой людей, лишь начинающих работать – это примерно тысяча человек в день. Между тем даже сейчас среди тех, кто официально считается безработным, только 8% получают пособие.

Минимальная заработная плата, если установить ее на достаточно высоком уровне, изменит положение к худшему. Уже та оплата, которой добились профсоюзы, вынудила южноафриканские компании всерьез заняться проблемами механизации – иначе они рискуют утратить конкурентоспособность.

Оптимистически настроенные профсоюзные деятели уверяют, правда, что установление минимального порога заработной платы приведет к росту занятости. Рабочие, дескать, увеличат спрос на потребительском рынке. К сожалению, все тут не так просто. Разумеется, перераспределение покупательной способности от богатых к средним уменьшит потребность в престижных импортных товарах и увеличит спрос на местную продукцию – особенно на трудоемкие и дешевые товары и услуги, производимые прямо во дворах в городских районах с небелым населением. Столь же ясно, однако, что повышение спроса вызовет рост инфляции.

Впрочем, главное даже не в этом. Главное – что перераспределение затронет достаточно узкую группу людей – членов профсоюзов, которые и без того составляют привилегированную категорию. Между тем гораздо важнее было бы провести перераспределение в пользу самых обездоленных – огромной армии безработных в небелых городских кварталах и деревенской бедноты.

Деревенская беднота – забытая категория людей Южной Африки. В сельской местности живет сейчас половина населения страны (и только 5% врачей), а средний сельский житель зарабатывает меньше половины того, что зарабатывает горожанин. Черные крестьяне жаждут земли: в настоящее время они лишены возможности обрабатывать примерно 85% всех земельных наделов. Они жаждут дорог, больниц, школ. А то и просто хотят есть.

Затраты на земельную реформу – не только на собственно землю, но и на создание необходимой инфраструктуры – могут оказаться огромными. Однако руководство АНК живет в больших городах, и ставка марксизма на пролетариат лишь усиливает городскую ориентацию этого движения. Уйти от этого трудно. Если президент Мандела столкнется с беспорядками среди собственного народа, то он, как и его белые предшественники, скоро обнаружит, что беспорядки зарождаются в городских трущобах. Понятно, что у него возникнет искушение прежде всего удовлетворить ясно выраженные требования горожан, отодвинув на время заботы, связанные с осуществлением земельной реформы. Однако если Мандела забудет о нуждах сельских жителей, то они в отчаянии хлынут в города. И тогда укротить гнев народа станет еще труднее. ●

Марк ХАРИТОНОВ

РОДИВШИЙСЯ В ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМ

Гороскоп

Год моего рождения – 1937 – вызывает у многих моих соотечественников чувства особые. Это был год, когда террор достиг вершины, год арестов, пыток, расстрелов, год общего страха.

Этот страх погнал мою маму из Москвы: когда пришла пора меня рожать, она уехала подальше от столицы, в Житомир, к тете.

Я порой думаю: не сказалось ли это на мне, не вошло ли что-то из тогдашнего воздуха в мою душу и кровь? Есть ведь такое ненаучное мнение, что впечатления, полученные женщиной при беременности, сказываются на потомстве. Нечто подобное экспериментально подтвердил библейский Иосиф, добываясь пестроты овечьего стада.

Во всяком случае, состояние земных дел в день рождения влияет на судьбу новорожденного не меньше, чем расположение звезд. Известен вид гороскопа: составить хотя бы по газетным сообщениям, что происходило в этот день – 31 августа 1937 года.

По-украински – 31 серпня. Вторник. В этот день в Москву вернулись стратонавты Я.Украинский и В.Алексеев, совершившие полет на субстратостате. Летчик Задков вылетел с мыса Барроу к ледоколу «Красин». По местному радио – передача для домохозяек, передовая газеты «Правда» («Прогрессирующими, невиданно быстрыми темпами растет культурный уровень многочисленных трудящихся масс Советского Союза»), концерт из произведений Чайковского и Танеева. А накануне покончил жизнь самоубийством председатель украинского Совнаркома Любченко – «запутавшись в своих антисоветских связях и, очевидно, боясь ответственности перед советским народом за предательство интересов Украины». В тот же день назначен его преемник Бондаренко. В Испании мятежники атаквали Эль Пардо и Университетский городок. В Китае японские войска заняли крепость Усун. В Подвысоцком районе разоблачена контрреволюционная организация во главе с секретарем райкома. В этот день произведено 200 штук грузовых и 5 штук легковых автомобилей ЗИС. Академик Лысенко объявил о получении новой формы пшеницы, «равной которой нет во всей мировой коллекции». Продолжался разбор Страстного монастыря в Москве. В деревне Златополье на Украине арестован священник Сергей Ивахнюк, восхвалявший немецких фашистов и троцкистов. Тухачевская Марья Николаевна, 1907 г.р., решила поменять свою фамилию на Юрьева. В театре Вахтангова шла комедия «Много шума из ничего».

Я выделял для себя эту дату, 31 августа 1937 года, в чужих воспоминаниях, дневниках и рассказах, пытаясь представить одновременное состояние жизни разных людей в разных местах.

В этот день генетик Владимир Павлович Эфроимсон был выгнан с волчьим билетом «за бесполезность работы», а подготовленный им материал по генетике шелководства уничтожен. Томас Манн в швейцарском городке Кюснахт работал над очередной главой «Лотты в Веймаре», потом гулял с женой по лесу. Было ветрено. В.Н.Горбачева, жена поэта С.Клычкова, получила в этот день телеграфное уведомление о том, что поэта Н.Клюева нет больше в Томске – возможно, перевели в тюрьму. Но был ли он вообще к тому времени жив?

О чем думал 31 августа 1937 г. Д.Хармс? Я знаю, что он писал 12 августа:

Я плавно думать не могу –
мешает страх.

Может, в тот день им было написано вот это, с непроставленной датой:

Как страшно тают наши силы,
Как страшно тают наши силы...

Или вот это: август 1937, без числа:

Довольно ныть. И горю есть предел.
Но ты не прав. Напрасно ноешь.
Ты жизни ходы проглядел,
Ты сам себе могилу роешь...

Дом

Едва оправившись, мама вернулась со мной в Москву. Так что на своей родине, в Житомире, я, собственно, никогда не бывал – если не считать нескольких недель после рождения. Но этого я не могу помнить, как не могу гордиться великими земляками. Кажется, их и не было – черта оседлости, не более.

Мы жили в общежитии при деревообделочной фабрике, на улице Сайкина. Это был барак в виде буквы П: в одном крыле 16 дверей, в другом 16, посредине туалет. Вот этот туалет, метров шесть, родителям разрешили приспособить под жилье. А кухня была в особом бараке: огромная плита с двумя топками, не то что на 32 – на сто кастрюль. Но мама готовила у себя, на плитке – и вот ведь свойство молодости: это время вспоминалось им потом как счастливое.

А в 1938 году дед купил у цыганского табора халупу в Нижних Котлах и позвал построить рядом любимого сына, моего папу. Папа сумел раздобыть у себя, на деревообделочной фабрике, стройматериалы по государственной цене – по тем временам (как и по нынешним, впрочем) это было большое дело. Деньги дал родственник, вошедший в долю. Дедушка выхлопотал разрешение на постройку сарая – дом в таком месте строить никто бы не разрешил. Нашли плотников, и они за воскресенье и две ночи подвели дом под крышу. Более того, в этом едва готовом доме печник тут же сложил печь. А существовало, оказывается, правило, не знаю, писаное или неписаное: если в доме есть печь, то это уже жилье, и сносить его нельзя. В понедельник в этот едва готовый дом въехала вся семья вместе со мной. Потом были долгие конфликты с пожарной охраной и разными другими инстанциями, дело разбиралось в суде, родителей оштрафовали за самовольное строительство на 25 рублей, но дом уже стоял, и тот же суд внес его в реестр жилых владений Москвы по номером 5-а.

Знаменитые москвичи любят в интервью вспоминать Москву своего детства – существенный элемент самой начальной духовной пищи; это запечатлевается на всю жизнь. Что значит для вас Москва? – спрашивают их. – Какое место памятно вам больше всего? И те вспоминают арбатские дворы, Чистые пруды или, допустим, Хамовники. Я этой Москвы в детстве почти не видел. Места моего детства даже трущобами не назовешь.

Сейчас таких домов в Москве, пожалуй, и не осталось. Я вспоминаю его, когда вижу некоторые старые фотографии, вид сверху с какого-то высокого этажа: скопище деревянной убогой рухляди. Или когда в кино инсценируют кадры тогдашней жизни. Это воспринимается уже как этнография, как про индейцев Амазонки. Что утварь, что жилище, что одежда. А речи, разговоры! А газетные статьи, а эстрадные шутки по радио! Морок, ужас.

Но это была наша жизнь. И мы вовсе не считали ее плохой.

Дом с трех сторон был окружен стенами и заборами заводов, эмале-красочного и шлакобетонного. А может, только одного эмале-красочного, а шлакобетонный располагался напротив, уже не уверен. На ближней свалке постоянно валялась бракованная продукция вроде эмалированных металлических табличек для домовых номеров и названий улиц; здесь же можно было подобрать и гвардейские значки, и, говорят, даже ордена. Орден я не видел, а гвардейских значков у меня было несколько: игрушки военных лет. Повешенное для просушки белье здесь чернело от копоти, когда начинала дымить труба. Еще одну металлическую трубу поставили уже при мне вне заводских стен, прямо у спуска к нашим домам. Она была горячая, и от нее всегда пахло испарениями горячей мочи, поскольку проходим, особенно мальчишкам, интересно было наблюдать, как с шипением испаряется, прикоснувшись к трубе, ароматная струя.

Я сказал: у спуска к нашим домам. Они действительно стояли как бы в яме, и от дороги к ним надо было спускаться. Поэтому их часто заливало. Иногда проступали подпочвенные воды. Как-то мама вымыла пол, отошла к керосинке, где жарилась рыба, смотрит: на полу лужа. Она решила, что плохо вытерла, сделала это тщательней, но вода проступила опять, а потом поднялась так, что пришлось ходить по доскам, положенным на кирпичи.

За водой мы ходили «на гору», к колонке у Варшавского шоссе. Смутно помню еще, как в самом начале войны мы туда же, на гору, карабкались в бомбоубежище. Подъем был скользкий, кругом темень. И само бомбоубежище, помню: тусклый свет, лица, ощущение пыли, земли над головой...

Зато внизу, в другую сторону, была Москва-река, речной порт, песок на берегу, не природный, сгруженный с барж. Купаться там было нельзя – вода в нефтяных разливах; но помнится, купались. А самые памятные впечатления – когда спускали и поднимали водолазов, привинчивали и отвинчивали шлемы скафандров. Я часто туда бегал...

Черт побери, и это город моего детства? Пожалуй... Редко доезжал я на трамвае дальше Даниловского рынка или Большой Полянки, где был Дом пионеров. Помню в окрестностях целые кварталы разрушенных в войну домов. Если и видел что-то еще – это в память не запало.

Но в том-то и дело: и дымящуюся черную трубу, и пустырь напротив, и трехцветную речку Вонючку (о которой чуть дальше) я вспоминаю с тем же добрым чувством, с каким Эрих Кестнер, допустим, вспоминал волшебно-прекрасный Дрезден своего детства: «Если я действительно обладаю даром распознавать не только дурное и безобразное, но также и прекрасное, то потому лишь, что я вырос в Дрездене. Не из книг узнавал я, что такое красота. Мне дано было дышать красотой, как детям лесника – напоенным сосной воздухом».

Снова и снова вглядываюсь в себя, стриженного под ноль, тощего, дышавшего многие годы детства запахом горячей мочи от черной трубы, копотью от уродливых заводов, вонью реки Вонючки... Как это отпечаталось на моем человеческом устройстве, вкусах, характере? Что-то тут не так просто. Надо подумать.

Пейзажи моего детства

Что было для меня в детстве природой? Откос окружной железной дороги, проросший вьюнками; мы называли их граммофончиками (сюда приходили, чтобы помахать рукой машинисту). Пустырь напротив; цветы и травы, прораставшие там среди камней и мусора, до сих пор знаю лучше, чем всю флору последующих лет: подорожник, белый клевер, который мы называли кашкой, куриная слепота (было известно: если сок попадет в глаз – ослепнешь; никто, впрочем, не проверял), ромашка, полынь; в канавах лебеда, ло-

пухи, крапива. А во дворе событием стал однажды проросток картофеля у заводского забора: белый, мертвенный, хрупкий.

Недалеко от наших домов в Москву-реку впадала река Вонючка. Я видел это название и на одной городской карте, на всех других река звалась Котловка; сейчас она упрятана в трубу. Эта река действительно благоухала изрядно и каждый день меняла свой цвет: буро-зеленый, буро-желтый, буро-красный. Воду красил кожевенный завод, стоявший повыше.

И все же это была природа, такая же значительная, как настоящие леса, луга, сады и реки, в которых можно было купаться.

Да, удивительней всего, пожалуй, убеждаться, что это тоже, оказывается, могло питать душу, что качество этой духовной, так сказать, пищи вовсе неоднозначно сказывается на свойствах организма.

Мне вспомнились рисунки детей из концлагеря Терезин. Даже сейчас, когда он превращен в музей, там, кажется, можно сойти с ума. А они рисовали цветы, и солнце, и игры – все, что рисуют дети в другой, нормальной для человека жизни. Воспитатели, поощрявшие их рисовать, надеялись, что они, если выживут, смогут стать полноценными, неискалеченными людьми. И, может, не зря надеялись!¹

Решает все-таки способность души усваивать и перерабатывать внешние впечатления, как перерабатывает организм по своим законам во что-то полноценное даже скудную телесную пищу. Здесь нет прямой зависимости: чем питаешься, то из тебя выйдет. Если, конечно, не доводить до крайности, за которой начинаются рахит, цинга, чахотка и психозы.

Ведь и духовный пейзаж тех лет никак не назовешь полноценным. Мы просто не знали многого и важнейшего в своей культуре. Для детей той поры не существовало даже Достоевского, Есенина, не существовало иконописи и мировой живописи, Пастернака и Мандельштама, Цветаевой и Булгакова, Платонова и Бабеля. Ахматову мы знали только по характеристикам ждановского доклада: «полумонахиня, полублудница», Зошенко присоседился там же какой-то полуобезьяной; моему тогдашнему пионерскому разумению не совсем было понятно, почему оба оставлены в живых (врагов полагалось расстреливать). Зато в пятом классе мы должны были проходить по учебнику Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» (при всем своем добронравии отличника я этой книги, правда, не прочел до сих пор. Но что-то читал и почище). Помню, учительница демонстрировала нам образец потешного символизма: «И перья страуса склоненные з моем качаются мозгу». Мы от души ржали, учительница грустно улыбалась: она когда-то любила это. В Музей изобразительных искусств я ходил однажды на выставку подарков Сталину: запомнился бисерный кошелек, изделие безрукой женщины, она вышила его пальцами ног; портрет Сталина, выгравированный на зернышке риса – его надо было смотреть в микроскоп... Боже, боже! А песни из репродукторов, а карикатуры в журнале «Крокодил»! А забываемая первая учительница Мавра Алексеевна! – та, что была первоклашек линейкой по пальцам и по «кумполу» (меня, впрочем, не била, я был добронравный).

Что мне запомнилось из ее науки? Два рассказа. Один – про то, как какой-то ее знакомый поднял своего сынишку за голову – и оборвал шейные позвонки, так что мальчик умер. Это засело как практическое знание: нельзя поднимать человека за голову. А второй: как евреи едят лапшу. Она у

¹ Совсем недавно я еще раз увидел эти рисунки в Пражском Еврейском музее и впервые обратил внимание на возраст рисовавших. Иные 12–14-летние рисовали, как рисуют 6–7 летние. Может быть, они (не все, но некоторые) оказались задержаны в развитии, и солнце, травы, цветы на их рисунках были попыткой вернуться, остаться в утраченной жизни? Может, правильнее было не приспосабливаться к ужасу, а взбунтоваться, даже ценой жизни?.. Нет, это вопрос не к детям концлагеря, они и взбунтоваться не могли; перед их памятью можно только склониться горестно. Это о нас. Наше развитие в самом деле оказалось, пожалуй, задержано и искажено как-то иначе. В каком-то смысле мы долго еще оставались незрелыми.

них длинная-длинная, так что они наматывают ее на что-то вроде колодезного ворота, только поменьше (так я понял) и затягивают постепенно в рот. Этот рассказ, помнится, меня смутил. Потому что про евреев я все-таки немного знал, но никогда не видел ни такой длинной лапши, ни таких приспособлений. Позже я подумал, что так в ее мозгу преобразился слух об итальянских спагетти.

Но вот ведь выучился, кое-что знал даже после нее. Сейчас этому впору удивляться. Насколько мы все-таки зависим в своем развитии от внешних условий?

(Вот сейчас уже появляются воспоминания людей, которые выросли при телевизоре, которым доступна стала литература, культура, не существовавшие для нас. Но культура их тоже не затронула: новые времена – новая бездуховность.)

Конечно, развитие многих из нас оказалось задержано. Интеллигенты в первом поколении, мы не имели наследственных библиотек – свою первую этажерку я заполнил сам. У прежних аристократов, у интеллигентов потомственных сословная и семейная традиция облегчала личный поиск – основные, первоначальные понятия, вкусы, правила были заданы едва ли не от рождения; отсюда ранняя зрелость и Пушкина, и Пастернака. Мне все это пришлось вырабатывать долго, непоследовательно, порой мучительно, все подвергая переосмыслению, «по капле выдавливая из себя раба», да и плебея.

Но может, эта потребность в усилении значила для души не меньше, чем доступность пищи? Может, главное было в этом усилении, в этом душевном труде? А вот готовность к нему, способность к нему, наверно, задается отчасти природным устройством, отчасти воспитанием. В семье нам все же привили понятия о честности, совестливости, доброте, труде. И была в конце концов классика – первостепенная духовная пища. Были Пушкин и Лермонтов, Толстой и Чехов, и по репродуктору звучала великая музыка.

Поколение

Я поздно осознал свою принадлежность к поколению, даже как бы сопротивлялся чувству этой принадлежности, как сопротивлялся духу времени, моде. В этом сопротивлении есть, наверно, что-то «неблагочестивое» (слово, которым Томас Манн обозначил позицию священнослужителей, не откликавшихся на потребность времени в религиозном обновлении). Впрочем, время само, помимо моего желанья лепило и лепит меня, мой образ мира.

Поколение – это, между прочим, те, чье сердце откликнется на песенки Утесова или Шульженко, для кого «Под звездами балканскими» или «В лесу прифронтовом» пахнут воспоминаниями, талым снегом, керосиновой лампой, вкусом лекарств, первой влюбленностью. Любители нынешних певцов и ансамблей поймут друг друга через много лет лучше, чем я их.

Или вот это: в 1946–47 годах мальчишки начинали во множестве болеть за «Динамо», самую популярную – после сенсационных гастролов в Англии – футбольную команду; годом позже – за ЦДКА. Болельщиков «Спартак» и «Торпедо» среди моих одноклассников были единицы, их время пришло еще лет через пять. По этой примете можно определять если не возраст, то болельщический стаж.

Я помню, как впервые услышал о баскетболе – в Белоруссии, в городке Добруш, куда моего отца послали после войны работать на бумажную фабрику. Приятель, Марик Веберов, сын портного, приехал из большого города – из Гомеля и рассказывал про необычную игру, где мяч забрасывают в корзину, висящую на столбе. Я мог понять все, кроме одной подробности: почему у этой корзины не было дна? Уж если забросили – так чтоб не вываливалось, чтоб видно было.

В волейбол у нас уже играли, а баскетбола не видели никогда.

Я помню фантастические рассказы про телевидение. В одном из таких рассказов человек заметил, что за ним следят с помощью телевидения, и разбил подглядывающий объектив. Представление об этом объективе (или экране) было неожиданным, мне казалось, что телевидение – это способность видеть на расстоянии как-то просто так... не знаю. О приборах я не думал.

(Дивный сон о книге с движущимися картинками – он обернулся нынешним ящиком.)

Как будут вспоминать мои дети свой нынешний дом? – с телевизором, но без закутков, чердаков, чуланов, крылечек? Квартиру без печки, окна без морозных узоров на стеклах, без ваты и обломков елочных шаров между рамами? Воздушные шары, уже не способные взлетать? – предмет восторгов и переживаний, тема фольклора и поэзии. «Девочка плачет: шарик улетел». Теперь это из кино – почему-то нынешние шары у нас не летают.

Может быть, какое-то следующее поколение, поколение бескнижной, электронно-компьютерной цивилизации уже вообще не сможет нас понять. Да мы будем ему и не очень интересны.

Возможно, наше поколение останется последним, которое пережило войну и застало конечную фазу кровавой диктатуры.

Помните, сверстники, как прятались в бомбоубежище, как по военным московским улицам женщины вели огромные колбасы-баллоны с газом для аэростатов воздушного заграждения? Этих аэростатов было много в вечернем небе над химзаводом имени Карпова. Помните газеты, которыми оклеены были стены? Те, что над кроватью, читаны-перечитаны, прямо и вверх ногами: поздравления товарищу Сталину с 70-летием, речь товарища Вышинского на Генеральной ассамблее ООН, военные действия в Корее, футбольный матч «Динамо»–«ЦДКА» – здесь нижний край был оборван, открывалась грязно-желтая, в клопидных точках, фанера... с каким же счетом закончился матч?..

Помните хлебные карточки, очереди, хлеб с довесками? Как-то Марик Веберов, придя ко мне, упал в обморок – от голода. Мы-то сами не голодали.

Я помню, как к нашему дому приходили нищие – не те нищие, которых встречаешь теперь в электричке, пухлые от запоя инвалиды, а настоящие, они благодарили за горбушку хлеба; я видел, как они потом перебирали, вынув из мешка, черствые, заплесневелые сухари. Это была настоящая нужда, настоящий голод. Иногда находилось для них и что-нибудь из вещей. Остаток рубахи, тряпицу, годную к употреблению – все брали с благодарностью. Слава Богу, теперь не побираются ради куска.

В Добруше был лагерь для военнопленных немцев, их водили на работы. Они раскрасили фабричную Доску почета под мрамор – не отличишь от настоящего и, как рассказывали, умели делать замечательные кольца из тюбиков для зубной пасты. Я иногда смотрел, как они под охраной играли в футбол на фабричном стадионе. Это была потеха: стукнет по мячу – и сам падает. От слабости, как я понял потом. Однажды я столкнулся с ними по пути из магазина, где только что выстоял с карточками долгую очередь за хлебом. Группу вела низкорослая женщина с винтовкой, пленные шли нестройной толпой, и такой у них был жалкий вид, что помню свою презрительную мальчишескую мысль: «Вояки! А весь мир покорить хотели!» Один, поравнявшись со мной, жалобно попросил: «Брот, брот! Хлеба!» И я ему кинул маленький довесочек.

Я-то под немцами не жил, враги были для меня абстракцией, и ненависть к ним была отвлеченной.

А несколько лет спустя на станции Лосиноостровская, куда мы к тому времени переселились, я видел других заключенных: на путях остановился состав с зарешеченными товарными вагонами. Из-за решеток смотрели лица, и я смотрел на них с любопытством. Преступники. Уголовники. Представление о иных заключенных тех лет в моем сознании отсутствовало начисто –

родители сумели отгородить меня от этого знания. Сейчас даже удивительно, как это удалось – им, школе, обществу.

Наша ностальгия по детству отравлена нечистой совестью. Когда мои сверстники, а тем более люди постарше перебирают сладостные московские впечатления о первом послевоенном мороженом или о «микояновских» твояжках в лубяных коробках, пионерские восторги и мечты о полюсе – трудно теперь отвлечься от мысли, что в то же время, в те же дни, часы и ночи почти по соседству люди страдали и умирали от пыток, истощения, голода, издевательств.

Я помню, как с удовлетворением принял известие об аресте врачей. «Берия взялся за дело», – сказал я, мальчик, читавший газеты и знавший, что Берия только что объединил под своей властью МГБ и МВД. Я не понял тревоги мамы – она только покачала головой и проговорила: «Что теперь будет?»

Мне было пятнадцать с небольшим, и я мог бы сказать с полным правом, что ничего не знал, ничего не понимал. Даже в семьях, где были арестованные, ухитрялись держать детей в неведении. В каком же смысле можно говорить сейчас о своей вине, об ответственности поколения за происходившее при нас?

Ссылка на неведение в таком возрасте вряд ли может все объяснить. Что-бы настолько ничего не замечать и ни о чем не задумываться, нужны были какие-то личные качества: несмелость ума, податливость совести, бессердечность, жестокость, трусость; тут уж не отвертеться. Разве не бессердечным (по меньшей мере) было мое удовлетворение арестом врачей? И постыдней незнания – что при виде арестантов не шевельнулось у меня ни жалости, ни сочувствия; любопытство, с каким я на них смотрел, было холодным, отчасти безразличным; было жестокое чувство справедливости происходящего и своего превосходства: я-то был не преступник...

Не говорю о старших своих современниках, которым стоило бы глубже копнуть подоплеку своей бесспорно имевшей место искренности и убежденной веры. Не говорю о варианте откровенной подлости, лживости, трусости, шкурничества. Но с какого-то возраста и наше детское алиби перестает сбавывать.

Однажды ночью в нервном отделении Морозовской больницы, где я лежал с туберкулезным менингитом, поднялся необычный переполох, от которого я проснулся. Мимо наших стеклянных боксов проносили новенького мальчика. Его сопровождала мать, молодая яркая дама, и отец, особенно мне запомнившийся: очень маленький, в мундире серо-стального или мышинового цвета, с безжизненно-серым, каким-то ночным при свете включившихся ламп, ничего не выражающим и в то же время пугающим лицом. Такое лицо я видел единственный раз, но потом не раз представлял его, когда слышал о лицах ночных людей из МГБ. Он был оттуда. Мальчика срочно привезли с подозрением на серьезный менингит. Диагноз не подтвердился, на другое утро его от нас перевели. Все очень хвалили спокойствие и достоинство, с каким держалась наш дежурный врач Вера Васильевна.

Это был 1949 год. Я написал в больничную стенгазету стихи к 70-летию Сталина. Спасибо Вам, товарищ Сталин, за то, что каждый день и час всегда Вы думаете и всегда заботитесь о нас.

В соседнем боксе лежала тринадцатилетняя девочка, больная хореей. Во время припадков она раздевалась догола – я смотрел на нее через стеклянную перегородку, на ее начинавшую развиваться грудь, новое непонятное любопытство томило меня...

Но тут уже другая тема.



Станислав РАССАДИН (Москва)

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ЧИТАТЕЛЕ

Народ не выбирает своих поэтов, точно так же, как никто не выбирает родителей. Народ, который не умеет чтить своих поэтов, заслуживает... Да ничего он не заслуживает – пожалуй, просто ему не до них. Но какая разница между чистым незнанием народа и полужнанием невежественного щеголя!

Осип Мандельштам

Вспоминаю: звонит мой товарищ, актер, а я жду его звонка, потому что предвкушаю его потрясённость. Знаю: он только что впервые смотрел «Покаяние» Тенгиза Абуладзе.

И он – да, потрясен:

– Представь... Когда мы уже выходили... Трое молодых людей... Ну, лет по тридцать, не больше... И, главное, такие симпатичные!.. Девушка и двое парней, может быть, кандидаты наук, может быть, инженеры... Слышал бы ты, как они хохотали!.. Ну, говорят, и мурища! Надо же было так вляпаться! Стасик!!! Неужели у них нет памяти?..

– Выходит, что нет. И – откуда ей быть?

Вспоминаю, как и сам я смотрел фильм Алексея Германа «Двадцать дней без войны». И больше всего помню, как уже минут через тридцать к выходу потянулись первые затосковавшие. Потом все больше и – главное – громче.

В такой аварийной ситуации фильм смотреть трудно, – я-то просто не умею, так что до сих пор не уяснил: нравится он мне или нет. Все мое внимание было отдано уходящим. Их классификации. Вот потому и запомнилось только – моя ярость по отношению к тем, кто уходил, стуча ногами, хлопая дверьми, выкрикивая насмешливые ругательства, и почти нежность... Нет, даже без ограничительного «почти», буквальная нежность, нешуточная благодарность к тем, кто, хоть и уходил, но, по крайности, пригибаясь из вежливости и тихонько прикрывая за собой дверь.

Не кину ни камешка в человека, не дочитавшую лучшую из книг или сбежавшего с лучшего из спектаклей: его право, которое, как и любое, надобно уважать. Но в того, кто выматерится, уходя, потому что иначе ему и уход не уход, кто наказывает на титульном листе: «Автор», в того... Впрочем, в того-то как раз и не кинешь; он сам запулит в тебя кирпичиной, заведя в твоих глазах тень несогласия.

Не будучи, как и все мы, чересчур избалован всеобщей воспитанностью и деликатностью манер, оптимистически предлагаю – в черновом, рабочем порядке – такое подразделение. Уходящий тихонечко – это человек с частицей свободы в своей душе. Уходящий с шумом и бранью – упорный, несдающийся раб, пусть только и своей собственной дикости.

Хотя – нет, не только ее. Это вызревший плод наших садоводческих экспериментов. Это зритель – или читатель – поистине *нового типа*. Можем гордиться этим своим достижением; да и гордимся.

То есть я совсем не хочу сказать, будто такое или подобное возможно только у нас; в каком-нибудь ихнем «Ла Скала» тоже ведь, говорят, свищут напропалую не только тенору, сорвавшему верхнее до, – свистали ж когда-то и Бойто с его «Мефистофелем». Но уж простите мне национальный мой эгоцентризм; с «Ла Скала» пусть сами миланцы и разбираются, нам бы со своим разобраться, – в чем, по-моему, есть нужда. Хотя бы и потому, что

гордость, которую я помянул, вдруг подала свой бессмертный голос со стороны, как я считал, неожиданной.

*

А может, как раз оттуда и следовало ожидать.

Короче: была у меня в «Огоньке» статья, где я печально перечислял предметы нашей традиционной гордости – притом, конечно, не те, чья фальшь и так налицо, а такие, какими мы, как нам казалось, гордились вполне законно. К примеру:

«Один американский писатель, – это я цитирую собственную статью, но пока отнюдь не собственные слова, – интересовавшийся тиражами наших книг, сказал: «Черт возьми, у нас отличная литература, а читатель плохой; у вас же отличный читатель, хотя литература ваша куда слабее нашей». Мы скромно развели руками – дескать, что поделаешь». Не кто-нибудь, а Твардовский являл в 1961 г. это знаменитое российское уничижение паче гордости, веря в свою правоту и, возможно, в ту пору еще имея для нее основание. А мы – повторим ли мы все это нынче без зазрения совести? Поверим ли, что гигантские тиражи равновелики читательской культуре? И здесь – загордились и догордились. «Самый лучший в мире читатель»... Читатель – чего? «Самая читающая страна»... Что – читающая? Вспоминаю чей-то хороший каламбур: «Самая читающая Пикуля страна».

И этот-то скромный абзац (повинюсь: как мне казалось, к тому ж и бесспорный – казалось не по самонадеянности, а напротив, к несчастью, из совсем противоположных чувств), он-то и вызвал троекратный удар Владимира Максимова. Сперва в «Континенте», дубинкой, простите, «колонкой редактора», а потом уж в гостях, в советской газете «Книжное обозрение» и на советском же телевидении – ну, там то же самое, однако помягче: все-таки не в собственной вотчине.

Три, повторяю, удара – ведь не поленился. Или я его невзначай чем-то больно задел?

Чем?

Цитирую (не отвлекаясь на частные грубости и мимоходные передержки, а есть такой грех):

«Ничего не скажешь, – это, замечу, после того, как мой оппонент процитировал часть приведенного мною выше, – как всегда, у этого критика лихо сказано. И, как часто случается, красное словцо заменяет у него элементарную добросовестность»...

(Эх!.. Но – ничего, ничего, молчание, как говаривал гоголевский сумасшедший: дал зарок не отвлекаться.)

«...А вот... к примеру, Сол Беллоу или Курт Воннегут сто-сто пятьдесят тысяч проданных экземпляров новой книги считают для себя большой удачей. Артур Миллер... по его собственному признанию, в последние годы вообще не может поставить пьесы у себя дома.

...Разумеется, читающая наша публика не доросла до культуры Рассадина. Только мне хотелось бы спросить у него: «А кто же все-таки покупает многие сотни тысяч книг Булгакова, Платонова... Мандельштама, Ахматовой, Бабеля, Битова, Искандера?.. Наши советские алкаши, что ли?» О классике я уже и не говорю.

Любителей поэзии на Западе можно пересчитать по пальцам... А купите-ка в магазине в Москве того же О.Чухонцева!

...Ко всему прочему можно добавить, что, наверное, и литературоведческие опусы самого Рассадина не залеживаются на полках магазинов, а ведь книги подобного рода если и издаются на Западе, то... расходятся мизерными тиражами...»

Словом:

«Национальная самокритика – полезная вещь, если она не превращается в довольно пошловатый мазохизм на уровне уездных гимназистов: за границей все лучше» («Континент», 1990, № 62).

Что ж, будем вежливы и серьезны; ведь и предмет серьезен. То есть явствен, по-моему, и комизм, но он-то касается лишь неизбывной советской привычки: вопреки афоризму Дантона, всюду таскать родину на своих подошвах. Таскать, верней, то, что прилипчиво – в данном случае нашу «знакому до слез» бдительность: дескать, тот, кто поет не с нами... Тот, кто недоволен своим, тот – ну, конечно, кем еще ему быть? – низкопоклонник: «за границей все лучше». А сало русское едят. Дело знакомое, старосоветское, и личный максимовский вклад в традиционное мракобесие тут, отдадим ему должное, невелик. Его, то есть вклада, и вообще нету, есть, полагаю, только желание присоединиться, примкнуть, – объясняемое, возможно, и тем, что Максимов, еще вчера костеривший «эмигрантских стукачей», беспринципно мотающихся в СССР, предательски навдывают мосты, спохватился и набирает очки. Успешно: вот уж и Казинцев, заместитель Куняева, многозначительно аттестует его по нашему телевидению как «патриотически настроенного писателя зарубежья»...

Что забавно: да нет у меня ни словечка про западного читателя (у Твардовского – были, у Максимова – есть, у меня – нету!); Бог с ним совсем, не нужен мне берег турецкий, мне б, повторю, на своем разобратся. А отчасти и повиниться – только никак уж не в злостной хуле на «самого лучшего», наоборот.

...С конца 50-х годов, с первых статей – в «Юности», в «Литгазете» – я усердно, как говорится, боролся. С читателем. За него. «Умеете ли вы читать?», «О вкусах спорят», «О красоте и красивости» (потом напишу и целую «Книгу про читателя») – сами названия выдают простодушный пафос; впрочем, не такой уж и простодушный, не мечту культуртрегера-утописта. Культуртрегерство – было, внушало, тшилось; утопической легковёрности – вот этого не было. При жесткой, даром что «оттепельной» цензуре для меня, для нас это: «умеете ли вы читать?» (подразумевалось: нет, не умеете) имело свой вызывающий смысл, готовно угадываемый теми, кому назначался – читателям-единомышленникам, неизбалованным, благодарным за любой намек, за бедную аллюзию. Метили мы, уж конечно, не в конкретного дурака, в чью дурацкую голову взбрело, например, потребовать, чтоб не печатали вольно-любовных, «безнравственных» стихотворений Бернса, и не шотландский классик нуждался в защите, – ненависть вызывали те, кто воспитал и продолжал поощрять в дураке его агрессивную дурость. Вернее, не столько «те», сколько «то», не называемое по имени, которое этих «тех» само порожило и поощряло. Я по-детски (увы, и по-рабски) мог ликовать оттого, что – в пору похода Хрущева в Манеж, – допустим, протаскивал сквозь цензуру цитатку из Сент-Экзюпери: как фашистский (какой же еще?) режим, воспитавший рабочих Рура (не Донбасса же, в самом деле) на хромотографиях, проводит их строем перед Ван-Гогом (не перед Фальком), и гегемон (немецкий, не наш) от души заявляет то, чего хочется власти: «Мазня!»

Этой своей молодой работы ничуть не стыжусь и сейчас, а ежели в чем и глумил, так в том, что сражался с тиражированием «пошлости» и «красивости», с пустяковой песенкой «Ландыши» или с киномелодрамой «Человек-Амфибия», – против «Рабыни Изауры» нынче руку не подниму, шалишь.

Винюсь, однако, все же не в этом.

«Отличный читатель», – гордился Твардовский отзывом американца. Или: «У нас самый лучший зритель в мире. Я это утверждаю! Читатель у нас самый лучший! Не сравнить с западными странами...» Это уже Мейерхольд с нашей, советской, заносчивой «собственной гордостью», и, конечно, к подобным авторитетам тянуло прислониться. С одной стороны, для ублаживания цензуры, ради возможности протащить нападки на «тех» и на «то» – по

общеизвестному принципу песенки: «все хорошо... за исключением...» хотя, надо сказать, официальная критика претолочно чуяла, куда гнем и кого хулим под псевдонимом «читатель», разумеется, обвиняя (простите, вновь неизбежная аналогия с нынешним оппонентом) в клевете на «лучшего в мире». Но всеобщий самообман был в то же время и заразителен – тем заразителней, что успокаивал, и даже когда я с контрабандной целью цитировал Горького: «Такого плотного, непосредственного единения читателя с писателем никогда, нигде не было», само это «плотное, непосредственное» не пу- гало.

Только с годами стало понятно, что «лучший...», чуть не сказал: «лучший, талантливейший» – да почему б не сказать? Схема – одна... Словом, что «лучший в мире читатель» – легенда. Миф. Блеф.

«Вместо признания того, что в начале 30-х годов произошло полное огосударствление издательской системы, а производство было монополизировано... мы провозгласили себя «самым читающим народом в мире». Но ни книжный ассортимент, ни цены, ни тиражи почти не зависели от спроса. Скажу больше: и от духовных потребностей...»

Цитирую не впечатлительного эссеиста, а человека вполне конкретного знания, директора Научно-исследовательского Института Книги Анатолия Соловьева («Самый ли «читающий народ?»» – «Советская культура», 9 июня 1990 года). Статья сокрушительная – только уж очень упорствующему в иллюзиях не прочистит она мозги, но я привожу лишь ее оголенные от конкретики постулаты, ее смысловые опоры:

«Книга и другие средства культурного влияния на массы в сталинскую, а потом и в брежневскую эпоху оказались инструментами духовного манипулирования людьми. Прикрыть это можно было громким лозунгом. И им стало заклинание о том, что «СССР – самая читающая страна мира».

«...Книжная статистика, как и всякая другая, у нас очень лукавая. Мы – единственная страна в мире, которая ведет издательскую статистику с удовольствием и дотошностью. За рубежом никому нет нужды доказывать свою состоятельность. Если бы у нас дефицит книг был устранен, поверьте, что и нам бы не потребовалось постоянно прикрывать свою несостоятельность.

И тем не менее даже при такой статистике миф трудно подтвердить фактами».

«Самая читающая Пикуля страна»... Если бы – Пикуля, интерес к которому объяснить проще простого. Если бы – ну, пусть хоть Анатолия Иванова, кому, при его озадачивающем уровне, хватило сообразительности расставить приманки – пахучие, инстинктивно-кондово-фрейдистские. Но отказываюсь понимать распроданные – и какие! – тиражи – кого! – Георгия Маркова и с трудом понимаю ту тридцатку, которую «лучший в мире» должен выложить да и выложит за проскуринский том в «магазине по договорным ценам» (сам недавно видел, так что Проскурин имеет все основания презрительно слушать, вернее, не слушать тех, кто списывает его в «секретарскую литературу»)...

Впрочем, «отказываюсь понимать» – это непростительная эмоциональность. Тем более, что понимаю. И как не понять?

Когда тот же Георгий Марков, вручая Брежневу Ленинскую премию, говорил: «Можно смело сказать, что по популярности, по влиянию на читательские массы, на их сознание книги Леонида Ильича не имеют себе равных», вероятно, его языком ворочал самый гнусный цинизм, и ни он, ни мы, еще имевшие силу смеяться и пародировать, не понимали, что сказанное – неглупо и оттого зловеще. То есть отчего б не хихикнуть: дескать, «смело можно сказать» – это ж смелость первого министра из шварцевского «Голого короля»: «Вы великий человек, государы!» Но, повторяю без всякой иронии, тут большая правда, чем можно было подумать. Если она не была правдой нашего настоящего, то могла бы стать правдой будущего, перспективы, того, что должно быть – и будет; совсем по канону соцреализма.

Прозаик Михаил Глинка рассказывал, что в обозримом прошлом побывал в библиотеке Общества слепых (куда ни сунься, аллюзия, притча, символика!), где видел «книги, величиной со строительные плиты» – и всего четырех названий. «Изготовление трудоемкое, пояснили мне, приходится выбирать необходимейшее из необходимого. Из четырех названий помню лишь два – это были «Малая земля» и «Возрождение».

– А «Целина»? – невольно спросил я.

– Выдавливают, – серьезно ответили мне. – Она ведь только что вышла».

Обойдемся без перевода действительности на язык притчи – зачем, если эта библиотека всего лишь «одна из», специфическая, но неотрывная часть специфической нашей реальности. Спросим только: каков будет кругозор слепого читателя, даже если третья и четвертая книга – не речи Сулова, не роман Рашидова, а Пушкин, Толстой? Упрекнете ли вы его, когда он скажет, что величайший прозаик всех времен и народов не Бальзак и не Диккенс, а Л.И. Брежнев?

Или – кряду – еще цитата. Рассказывает кинорежиссер Василий Катанян: «Зимой 88 года я снимал фильм о Фонтанном доме, где долгие годы жила Анна Ахматова. Там работали тогда сотрудники Арктического института... Одна из лаборанток, отрываясь от прибора, сказала: «Ахматова? Знаю, знаю. Мы в школе проходили «Постановление»».

Да! Но теперь-то – иное! Теперь – «кто-то же покупает многие сотни тысяч Булгакова, Платонова... Мандельштама, Ахматовой?..» Покупает – и если не непременно «многие сотни тысяч», которые Мандельштаму, к примеру, пока не отпущены, то когда наконец отпустят, – и его раскупят; уж там поймут, не поймут, прочтут, не прочтут, на прилавках не залежится...

Вообще – не унижу читателя этой статьи, объясняя то, что в объяснении не нуждается, что за скобками и вне всяких сомнений: в России была, есть и, надеюсь, пребудет прослойка читающих интеллигентов (дежурная оговорка: интеллигентов, а не людей «интеллигентных» профессий). Не прослойка да же, а слой. И все же...

Я когда-то давно писал, что перенабитые стадионы, собирающиеся поглазеть на Окуджаву и Евтушенко, еще вовсе не означают, что такое же столпотворение повторилось бы, совершись чудо: воскресни Ахматова и согласишься она выступать на таком ристалище. То есть произошло расширение круга не читателей, а всего лишь слушателей. Даже – зрителей. И опасное расширение.

Не ошибся в последнем, и все-таки нынче думается иначе. Если б Ахматова (чего не вообразишь ради эксперимента?) все же пришла, предстала перед стадионам, он тоже оказался бы полным. И это, быть может, всего ужасней. Разросшаяся опасность коснулась и ее, как Мандельштама, Платонова, не говоря о Цветаевой, и тем паче Булгакова, ставшего чтивом. Они вошли в разряд дефицита, и духовная их элитарность в глазах потребителей обернулась престижностью.

Да и не только в великих дело, а в дефицитности и престижности *книги*, пусть и не всякой, и когда тот же Максимов срезает меня убийственнейшим из аргументов, тем, что на Западе я – в чем не сомневаюсь – не мог бы иметь своих тиражей, так что, мол, кланяйся и благодари, благодари и кланяйся, я, конечно, благодарю своего снисходительного читателя. Даже поклониться готов, вот что, однако, не выпуская из головы.

Да, это частное, периферийное проявление «русского чуда», когда книги, что там говорить, далеко-далеко не самого популярного из пишущих, вашего, то есть покорного слуги, выходят в количестве ста или двухсот тысяч экземпляров и так бойко распродают, что мне даже не удается застичь их на прилавке. Хорошо? (Имею в виду – для меня.) Хорошо. Но я-то ведь твердо знаю, что тираж – не совсем реален, даже притом, что заказов на книгу приходит, как правило, больше и соответственно больше, наверное, удалось бы продать. Верней, нереальна статистика, принимающая все эти цифры все-

рьез. Количество покупателей нам с ней известно, количество же читателей – один Ты, Господи, веши, если только Ему до наших делишек. Мне-то известно, что немалая часть экземпляров (какая? Не ведаю) покупается просто так – во-первых, недорого; во-вторых, может, обложка понравилась; в-третьих, другие берут, а я что, хуже; в-четвертых, кто-то что-то слышал – про Фонвизина, про Сухово-Кобылина, а Пушкин и вовсе в моде; в-пятых, в конце-то концов, и мое ведь имя могло где-то мелькнуть, а то и примелькаться; в-шестых... в-седьмых... в-стовосемнадцатых...

Какой-никакой, а дефицит. Не Платонов, не Мандельштам, – но сметают же с обувных прилавков скороходовскую муру за неимением «Саламандры» и «Бати». Аналогия, понимаю, кощунственна, но не мною она рождена.

И вот что я стал примечать – с омерзением. Зная все это, питая свой скепсис новыми и новыми фактами, я все же почувствовал самолюбивое шекотание, когда моя повесть о декабристе, вышедшая тиражом несусветным, что я и сам понимал: в трехстах тысячах экземпляров, на четыре, пять или шесть месяцев задержалась на книжных прилавках. Не всюду, а в тех магазинах (видите, как я встревожился, если впервой захотел проверить), что поокраинней, или там, где сделали непомерный заказ. А когда, наконец, распродали, успокоился.

Ведь сам же твержу: книга должна полежать, дожидаться того, кто в ней нуждается, – и вот, извольте. Так, значит, искривлено и мое, противящееся искривлению, сознание...

*

Не знаю – и грешить не хочу, – какой процент из купивших Платонова делается читателями Платонова. Знаю зато, что каждый, купивший Пикуля, прочтет и передаст товарищу». Что нормально. Вот то, что число покупателей Проскурина, Иванова, а возможно, и Маркова – числу читателей Маркова, Иванова, Проскурина, это почти несомненно и категорически ненормально.

Но само наше общество – разве нормально?

«Секретарская литература» – этот зазорный термин, придуманный, чтоб повлиять на место того, кого «народ» не желает читать, кто недостоин издания миллионными тиражами, но – издается, этот термин их, полагаю, задел не слишком, но нас он порядком-таки сбил с толку. Вроде бы успокоил морально.

Где-то в начале 60-х толстый журнал попросил меня разобраться с читательской анкетой: назовите, мол, – кажется – три самых любимых книги. Я разобрался – и обомлел. С неизбежным постоянством назывались... Нет, не Дюма, не «Спартак» Джованьоли, не Ефремов-Казанцев (Пикуля тогда в обиходе не было), а «Мать» Горького, «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия». Порою как вариант мелькали – «Железный поток», «Педагогическая поэма»...

Понятно, что анкетированные ввали (меня поразило тогда, что ввали бессмысленно: анкета была анонимной); они предугадывали то, чего от них могут ждать, и фантазии их хватило только на это.

И вот вранье стало реальностью. Абсурд воплотился.

Помню, С.И.Липкин, завидев длиннющий хвост, тянувшийся к двери книжного магазина, спросил по всеобщему нашему обычаю: что дают? «Вечный зов» Анатолия Иванова, – вождественно ответили ему, – только велели больше не занимать, всем не хватит».

– Но это же, – возопил наивный поэт, – все равно, что стоять в очереди на партийное собрание!

Напомню, что было это давно, а сейчас, может быть, и на партсобраниях бывает интереснее, чем в цирке?..

Липкин в тот миг был остроумен, однако неправ, и неправота его еще долго останется неправотой. Потому что дело ведь обстоит не так, что – вот уж начнем выпускать хорошие книги и сам собой произойдет естественный отбор. И мешает тому не сопротивление тех, кто умеет писать только

книги плохие, будут сопротивляться и те, кто умеет и хочет одни плохие читать. И этого своего права без борьбы не уступят.

Говорю это со скорбью и без укора; скорбь тем глубже, что укорять в общем не за что. Даже наоборот.

Замечательно, жестко, умно написал Вячеслав Костиков («Советская культура», 11 августа 1990 года):

«Помню в детстве, когда мы уезжали от скудных городских хлебов на лето в деревню, «на молоко и ягоды», один крестьянин сказал мне запавшие на всю жизнь слова: «Народ не обманешь». Народ действительно не обманешь. На лукавство власти он отвечал своим лукавством. На фальшивые лозунги – фальшивым трудом, на пустые деньги – негодным товаром. Но этот ответный и вынужденный обман обходится самому народу большими потерями: потерями нравственного здоровья, привычкой от честного квалифицированного труда, пристрастием к «халтуре» и суррогатам культуры».

То-то что – к суррогатам. И ведь действительно – не только ленивой привычкой, но *пристрастием*. Одной из разновидностей любви.

Это, быть может, и есть самое безысходное: то, что люди готовы платить тридцать рублей за обладание книгой Проскурина, – следствие этого самого сопротивления власти (которую тот же Проскурин, так сказать, идеологически обслуживает). Следствие столь же естественное, как и то, что они не желают работать за пустые деньги, и такое же противоестественное, как то, что они разучились работать.

«Самый лучший», «самый читающий» – это не просто лишь беспардонная (хотя так и есть: никакой ведь серьезной статистикой, как заметил глава Института Книги, не подтвержденная), но безобидная лесть. Это, может, и инстинктивный, но неглупый расчет – сталинское государство вообще имело безошибочно-звериный инстинкт развращения и подавления, и даже когда какой-то поступок Хозяина было трудно логически объяснить, например, высылку того или иного народа, когда причиной могло быть лишь самодурство или безумие, все было «правильно». Все – вольно или невольно – преследовало единую бесцельную цель.

Мы вообще, со своим испытанным и спасительным чувством юмора, слишком многое легкомысленно засмеяли. «Партия и народ едины» – ха-ха-ха, какая брехня, какой повод для пересмешичества! А фигурки – не брехня, потому что партия нового типа смогла передать свои типовые черты и всей нашей «новой исторической общности»... Вот, кстати, и это, брежневское определение, данное государству, – над ним ведь тоже смеялись? Смеялись. Теперь-то, когда эта «общность» катастрофически распадается, в пору даже и хохотать, и если все-таки не хохочется, это значит: а Леонид-то Ильич или кто-то из угодников-референтов попал в самую точку. Попал, сам того не предвидя, как и венчавший его Георгий Мокеевич Марков. Ибо то, что Союз распадается, вовсе не означает, будто бы от него отваливаются куски прежние, такие, какими были. Они теперь сами – другие, нашенские. Народы и люди переварились в нашем общем котле. Враждебно обособляясь сегодня, они несут в себе то, что внушено обстоятельствами сожительства. Они, как супруги, одна сатана, чего никакой развод уже не изменит. И то, что за каждым «национальным конфликтом» неоспоримо встает социальный конфликт, – это и есть наследие, полученное народами, хотя бы они или не хотят: классовая основа, классовые критерии, классовая война...

Называя читателя «самым, самым и самым», ему внушили самонадеянность – сперва по отношению к читателю Запада, а потом, что неизбежно, и к тем, кого он, самый-рассамый, читает. Перекосились пропорции, нарушилась нормальная духовная иерархия.

Мандельштам (см. эпиграф), презирая щеголя-полузнайку, в пику ему умилялся «чистому незнанию народа», – собственно, это не что иное, как развитие блоковской мысли, высказанной в речи «О назначении поэта»:

«Никогда не заслужат от поэта дурного имени те, кто представляет из себя простой осколок стихии, те, кому нельзя и не дано понимать. Не называются чернью люди, похожие на землю, которую они пашут, на клочок тумана, из которого они вышли, на зверя, за которым они охотятся».

(Впрочем, много раньше – Монтень: «Простые крестьяне – честные люди; честные также философы, натуры глубокие и просвещенные, обогащенные обширными познаниями в области полезных наук. Но метисы, пренебрегшие состоянием первоначального неведения всех наук и не сумевшие достигнуть второго, высшего состояния (то есть сидящие между двух стульев...), опасны, глупы и вредны...»)

И вот – свершилось.

Полузнание, сидящее между двух стульев, пришедшее на смену «чистому незнанию», «состоянию первоначального неведения», такому, когда «нельзя и не дано понимать», и куда более, чем «незнание», удаленное от культуры (ибо – самодовольно), оно получило законный статус. И даже почетное звание «самый...»

Маяковскому гармонически рисовалось: «Сидят папаша, каждый хитр. Землю попашет – попишет стихи». Но этот универсальный мужик не только утопия – а вернее сказать, совсем не утопия. К несчастью. Когда такой папаша напишет нечто стихоподобное да еще и пробьется в печать, желательнее – центральную, он мгновенно перестает быть «похожим на землю, которую пашет», он и пахать-то бросает, и память о сохе сбережет лишь как «патент на благородство». «В литературу попер читатель», – сказал когда-то Андрей Платонов (а записал его фразу уже поминавшийся Семен Липкин), но я говорю не о литературе, а о тех, кто ее читает, и потому отмечаю, что такой читатель попер не только в писатели, но – на писателей.

«Плотное, непосредственное единение», восхитившее Горького, оказалось плотным контролем, разновидностью вохры, слежкой, позывам к расправе, ежели не потрафишь (мне, народу, или власти народа); примеры приводить скучно, ибо у всех на памяти те, которые, вероятно, навечно вошли в историю. Эскаваторщик, признающий, что не читал Пастернака, но готовый, словно лягушку, отшвырнуть его ковшом своего механизма. Судья на процессе Бродского с ее: «Кто вам сказал, что вы поэт? Вы учились на поэта?» – здесь ведь не только тупой инструмент злобной и могущественной власти; прежде, чем этот инструмент использовать, его тупили долго и старательно, еще не зная, зачем тупят, но зная: так нужно... Ну и т.д., и т.п. «Простому читателю» дали, выдавая его галиматью за голос народа, инквизиционные права, и название, которое я выбрал для своей статьи, неожиданно обретает черты зловещего каламбура. Да, великий инквизитор, поистине великий, ежели брат не Иванова, Тажобаева, Рабиновича, а тот собирательный образ, именем коего изгоняют Солженицына и убивают «врага народа» Мандельштама.

Читатель нового типа... Бедный, несчастный, всего на свете лишенный, кроме права на гордость тем, что он – «самый...», маленький великий инквизитор. Готовый – ради миражного, но лестного права, без которого будет совсем неуютно, ради причастности к власти и обступившей ее толпе поступиться и тем, что искренне любишь. До конца наоборот, обделит себя, полагая, что наделяешь: «...Я читал все его произведения, молился за него, – говорит Наталье Солженицыной по телефону один из «самых»; говорит накануне изгнания писателя, в разгар его травли, – но теперь вижу, что мой кумир – подонок».

То, что он читал и на что, можно поверить, молился, пересилено тем, чего не читал; но сила, которой он привык молиться всю свою жизнь, сильнее любви.

Несчастный, маленький, бедный... Может, в том и загвоздка, что – бедный?

В последнее время думаю: рекордно и непомерно раздававшийся круг наших читателей, даже и в самом деле читающих, есть то, чем гордиться не

только глупо, но и стыдно, преступно. Может, люди уходят, бегут в книгу от бедности собственной жизни, от безытности, от отсутствия выбора? Тем более, в Достоевского не побежишь, не та литература, «где оскорбленному есть чувству уголок», тут пригоднее «Анжелика». Так что, заносясь перед, скажем, Америкой, где, возможно, и вправду мало читают (как, однако, проверить, если они статистики не ведут, а мы подтасовываем?), мы не думаем, что ихняя «бездуховность» есть, помимо всего наипрочего (и, конечно, конечно, такого, от чего и у них есть причина тревожиться), и обилие выбора: дом, работа, бизнес, машина, индустрия досуга, черт их там знает, чего они еще напридумывали...

Если я прав, то вот до чего не надеюсь дожить, но чего изо всех моих сил желаю горькой моей стране: чтоб она перестала быть «самой читающей». Даже ежели это не выдумка.

●

Виктория ЧАЛИКОВА (Москва)

ВОЗРОДИТСЯ ЛИ ДВУЛИКИЙ ЯНУС?

Куда делись западники и славянофилы?

В ожесточении сегодняшних идейных споров хорошо закрыть глаза и, как в мелодию старинного романа, вслушаться в надгробное слово «Западника» Герцена «славянофилу» Аксакову – другу-врагу юности.

«Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинаковая.

У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно».

Хорошо... Не хочется открывать и глаза. Но приходится, ностальгически вздохнув, открыть. Мы – в Элизиуме навсегда ушедшей культуры. Нет, не надуманной «культуры диалога», – в том галантерейном обличье, которому нас пытаются сегодня обучить, ее никогда не было. (Уж какая могла быть «возвышенность и беспристрастность» у «гладиатора Белинского» или у «старого бретера диалектики» Хомякова!) Исчезла не «культура диалога», даже не культура вообще: образованный слой общества не только сохранился – он стал толще. Исчез тот тонкий слой культурной почвы, на котором вырос этот двойной цветок, подобный двухцветной иван-да-марье наших перелесков, – западники-славянофилы. Названный со временем непереводаемым на другие языки и вместе с тем явно не русским по фактуре словом «интеллигенция» именно он-то и исчез.

Как пишет известный востоковед Е.Рашковский, эмпирическое «анкетное» понятие интеллигенции как «умственного пролетариата» возникло в середине XIX в., но обжито общественным сознанием было в 70-е гг., после появления романа П.Д.Боборыкина «Солидные добродетели» (1870 г.), герой которого ученый-химик Крутицын, пройдя искус и бездуховным позитивизмом, и воспаленной идеологической духовностью, и увлечением западной цивилизацией, приходит к мысли, что единственно нравственно оправданный путь – отдать все силы своего ума на поиски рациональных основ для справедливого и милосердного социального переустройства, приемлемого для большин-

ства населения, для «низов». Исторический век интеллигенции был короток: в герценовские времена еще и цветка-то не было – только плотная завязь, – оттого и сердце билось как бы одно. Интеллигентские западники-славянофилы исчезли, а слова остались. Как Каретный ряд без карет, как Остоженка без стогов. Но ощущение специфичности интеллектуального слоя России сохранилось.

«Интеллигенция», – пишет известный социолог и историк идей Юрий Левада, – столь же отлична от интеллектуальных групп развитого индустриального общества, инкорпорированных в его истеблишмент, как и от «джентри» («грамотеев») традиционного общества. Она не просто выражает... мысли и интересы всех слоев и групп общества: она по существу дает им некий новый принцип, новый язык». «Реальный период» – «историю взлета, раскола и самоуничтожения интеллигенции» – он ограничивает временем с 60-х гг. XIX в. до 20-х гг. нашего века. До этого был «эмбриональный период», начавшийся с петровских времен; после этого – «эпоха фантомного, призрачного существования в качестве «прослойки» советского общества.

Был ли именно раскол на «западников» и «славянофилов» причиной самоуничтожения интеллигенции? Распад тоталитаризма дал импульс возрождению интеллигенции. И она немедленно стала возрождаться в том же противоборстве западничества и славянофильства. Оба ее духовных вождя – Андрей Сахаров и Александр Солженицын – вроде бы подтверждают это. Не приведет ли это к самоуничтожению интеллигенции, а с нею и российской демократической цивилизации во второй раз?

Образ двуликого и односердечного Януса, в историческую достоверность которого у нас нет оснований не верить, отвечает на этот вопрос однозначно отрицательно. Духовная коллизия не может быть причиной столь губительных последствий. Тем более, что там не только сердце, но и вектор мысли был в какой-то мере общим. Скорее к самоуничтожению интеллигенции привел общий для авангардных групп обеих ее прототипных течений «дух социального мессианизма», – по формулировке социолога и востоковеда Леонида Седова. «В отличие от европейской культуры, еще в античную эпоху, а затем в эпоху Возрождения испытывавшей мощное воздействие эпикурейских и гедонистических воззрений... русская культура всегда делала упор на служении государству или тем или иным способом понятому общественному долгу... Антибуржуазность, презрение к обывателю, к Западу как к воплощенному мещанству было присуще большинству самых влиятельных течений русской мысли».

Действительно, как только дело доходило до благополучия, сытости и прочего, иные западники становились неотличимы от некоторых славянофилов. Эта установка на преодоление личного, частного, на жертвование им могла бы и не вырасти в духовный тоталитаризм и, наконец, в тоталитаризм социальный и политический. Но в силу ряда исторических обстоятельств – выросла. И когда сегодня «западники» ищут в сталинизме черты патриархальные, славянофильские, а «славянофилы» – напротив, западные, космополитические (в вульгарной транскрипции – масонские), обе стороны правы настолько, насколько и в том, и в другом направлении существовала установка на духовную диктатуру.

Говоря, что сегодня нет ни западников, ни славянофилов в аутентичном смысле слова, я имею в виду не исчезновение установки на европеизацию («вестернизацию», «модернизацию»), а радикальное изменение содержания этой идеи – по крайней мере в трех моментах.

Момент пространства. «Запад XX в. – не географическое понятие и даже не понятие капитализма... Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого невозможно существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества», – под этой формулой историка Леонида Баткина подпишется любой «западник».

Дмитрий Фурман в статье «Наш путь к нормальной культуре» говорит еще резче, что «нормальная культура»... это и есть состояние культуры, наиболее соответствующее потребностям научно-технического развития». Поэтому, по Фурману, интеллектуально добросовестное славянофильство сегодня немислимо: «и тяготение к западной технологии, и громадный интерес к таким фигурам, как П.Флоренский, В.Розанов, В.Соловьев, К.Леонтьев – это во многом просто стремление к более богатой, разнообразной и свободной культуре... к той же нормальной культуре». Широта авторского взгляда Д.Фурмана непосредственно связана с его историческим оптимизмом: ведь он убежден, что «все общественное развитие нового времени в его культурном аспекте может быть понято как движение к такой культуре». Между тем такой оптимизм характерен не для всех современных западников, и это вторая линия их разрыва с классическим прототипом.

Момент времени. В классическом варианте западничество означало, что час цивилизации для России пробьет в будущем, поэтому в переходных эпохах русской и любой восточной истории следует искать аналогий с событиями, которые происходили в Европе несколько веков назад. «Наше настоящее – это прошлое Европы», – вот формула хронологических, временных представлений западничества. Психолог Александр Эткин, например, пишет о перестройке: «Типологически сходной с нынешней общественной ситуацией в СССР является тот важнейший для европейской мысли перелом в понимании человека, который произошел в эпоху Возрождения». Конечно, редко кто предлагает такую длинную дистанцию. Леонид Баткин сосредоточен, например, на ближайших десятилетиях: «...пока сталинщина истребляла миллионы людей, работали Бор, Винер, Уотсон и Крик. Пока брежневщина доводила нашу страну до убожества, тем временем в мире появлялись лазеры, персональные компьютеры, вспыхнула постиндустриальная революция. История, собственно говоря, никогда не останавливалась». В любом случае ясно: догонять нам. Однако этот мобилизующий импульс у многих западников осложнен ощущением, что движение вдогонку несколько противоестественно, и последствия его могут быть непредсказуемы. Считается, что это чисто славянофильская паника. Ничего подобного.

Представление, что «опоздавшая модернизация» (или «модернизация вдогонку») – процесс опасный и для «бегущей» страны, и для остального мира, сформировалось вообще-то не у нас и не про нас, а у западных исследователей Третьего мира, оттуда перешло в советологию и внедрилось в отечественное научное сознание скорее западнического типа. Вот как излагает суть этой позиции политолог Леонид Волков, использующий в своих работах термин «квазимодернизации» для характеристики спазм развития советского общества: «Современность» требует от огромной массы людей определенного типа мышления, знания, определенной психологии поведения. Обретение этих свойств – длительный и многогранный исторический процесс, протекающий на разных уровнях и по разным каналам. И если личность не прошла поколение за поколением всех граней этого процесса, она не может действовать так, как этого требует современная среда. Ее действия распадаются на фрагменты, и сама личность как бы раздваивается, утрачивает целостность». В такой интерпретации концепция опоздавшей модернизации утверждает несовместимость именно времен, а не пространств Востока и Запада. Исторические часы – не будильник, который звонит по твоей воле. Все времена хороши по-своему, но все они однократны. Логически-формально следуя этим представлениям, нужно вообще отказаться от идей модернизации, а значит и демократизации, поскольку в истории эти процессы развивались параллельно. Однако человеческая воля и энергия не следуют логике, и активный патриотизм личности модернизаторского склада, пусть и пессимистический, никак не уступает патриотизму противоположной ориентации.

Момент скорости. Сознание опасности «бега вдогонку», то есть «перестройки с резким левым поворотом», заставляет некоторых «западников», вопреки своим демократическим убеждениям и вкусам, выбирать вариант авторитарной модернизации, то есть темперировать «бег вдогонку», притормозив политический плюрализм и предоставив чрезвычайные полномочия прогрессивному президенту. «Авторитарные западники» указывают на исторические прецеденты – постепенно перешедшую к демократии Испанию, стабильно развивающуюся экономику некоторых латиноамериканских деспотических режимов.

Политолог Андраник Мигранян так обосновывает свою позицию: «История не знает пока ни одного примера мирного вращивания тоталитарной политической системы в демократическую... В обществе, находящемся в переходном периоде, во избежание всяких иллюзий у народа, необходимо, чтобы власти, проводящие реформу, во всеуслышание говорили о необходимости ограничения демократии и объясняли причину этого». Само название статьи Миграняна «Долгий путь к европейскому дому» отражает традиционную либеральную установку на постепенность, однако с некоторыми модификациями: очень медленно и осторожно должна двигаться вперед вся система, а более быстро – ее отдельные островки – «зоны модернизации». «В этих зонах будут формироваться необходимые звенья механизма подключения нашей страны к мировой хозяйственной системе. Эти регионы, по существу, должны стать локомотивами по вытягиванию, с помощью западной техники, технологии и денег, относительно высокой культуры рабочей силы и наличия необходимых ресурсов, остальных территорий из застоя и стагнации».

Автор известных статей по истории советского тоталитаризма Игорь Клямкин очень точно определяет митинговые требования немедленной и полной демократии как «негативную проекцию того же самого тоталитаризма». «Переход от дотоварной экономики к товарной, к рынку никогда и нигде, ни у одного народа не осуществлялся параллельно с демократизацией, – напоминает он. – Политическим переменам всегда предшествовало более или менее длительное господство авторитарных режимов».

Так кто же эти авторы? Неужто славянофилы?

И уж не славянофил ли известный философ Григорий Соломонович Померанц, который еще в 1972 г. писал: «Западничество сеет прогрессивные идеи, принципы, учреждения, убежденное в том, что они должны привиться, а этнофильство ставит вопрос, что в данных условиях может привиться... Этнофилы убедительно показывали внутреннюю логику культуры, которая легко меняется, а если меняется, то не по предписаниям правительства».

Я думаю, что позиции этих авторов прежде всего глубоко гуманистичны: их смысл – в поисках наименее кровавого пути к нормальной культуре и в умении понимать, что нормальность – понятие универсальное, но не абсолютное. Так что сегодня в интеллигенции западнического, условно говоря, склада ясно сознание своеобразия и даже единственности отечественной ситуации и неприменимости к ней выработанных историей социальных и экономических механизмов преобразования. Наиболее последовательное продумывание этого тезиса приводит даже к идее неприменимости выработанных на Западе средств и методов исследования самой ситуации. «Категории и средства исследования, сформировавшиеся в рамках западной социологии, – пишет Юрий Левада, – не вполне адекватны для моделирования существующей социальной реальности – в особенности в ее кризисных, дестабилизированных формах. По-видимому, требуется разработка ряда специфических категорий анализа». Согласился бы с такой гипотезой Андрей Дмитриевич? Скорее всего, да. А Александр Исаевич? Наверное, согласился бы.

Как и во времена Герцена–Аксакова происходит совпадение западных и славянофильских установок в представлении о непохожести нашего народа на все остальные народы мира, о его каком-то особом сознании и мышлении, ко-

торое одни называют православным, другие – люмпенским. Но эта непохожесть совсем не того рода, который приписывают ей люди, не желающие знать цифры и факты. Вот передо мной номер журнала «Родина» со статьей «Синдром политической робинзонады» доктора исторических наук Сергея Васильцова. Совершенно неизвестный мне автор взял на себя труд сопоставить социологические исследования в СССР и за рубежом по вопросам отношения к партиям, к политическим лидерам, к демократии. И вот результаты: а) почти половина обитателей стран ЕЭС разочарована в демократии; треть считает, что в условиях кризиса диктатура была бы эффективнее; каждый второй житель Испании и Италии настаивает на кардинальном сокращении количества партий; б) от трети до половины населения Италии, ФРГ, Испании склонны видеть в Муссолини, Гитлере, Франко образец политической решительности, а во Франции Де Голль опять стал идеалом государственного деятеля.

Все это так (цифры хорошо мне знакомы и абсолютно достоверны). Но есть еще более важные цифры: 80–90% американцев, японцев, французов, западных немцев убеждены во всемирных заслугах и приоритетной исторической роли своих обществ и государств. А у нас сегодня такую убежденность обнаруживают только у 3–6% граждан. Дефицит национального и государственного самоуважения чреват самыми страшными последствиями, утверждает С.Васильцев. Я не знаю, во имя чего он это акцентирует, но каждый, кому приходилось говорить откровенно с малограмотными людьми «памятной» ориентации, знает, что все они в глубине души убеждены, что «русские хуже всех». Не из чувства национального превосходства рождаются шовинизм и агрессия; наоборот – защитные механизмы «комплекса национальной неполноценности».

Васильцев пишет: «И не замечать, не удовлетворять эту «государственническую» потребность национального сознания, – значит не ощущать диктат всей исторической традиции, которую можно на время задавить, можно отчасти видоизменить, модернизировав, но нельзя ликвидировать, не уничтожив при этом ее физического и духовного носителя – сам народ». На мой взгляд, потребность, которая на Западе удовлетворена, а у нас – нет, не столько государственническая, сколько – личностная. Это потребность в самоуважении, в любви к самому себе, для которой государственные институты – только охрана и исполнители. Запад никогда не возлагал надежд на развитие личности только за счет научно-технического прогресса, как и Восток никогда не считал, что можно насытиться символами. Андрей Сахаров, написавший еще 30 лет назад, что смысл истории – не построение коммунизма во всем мире, но и не вестернизация, а движение навстречу Востока и Запада, свободы и равенства, справедливости и личного успеха, сделал первый шаг в направлении конвергенции.

Последовательно отстаивая эту позицию, он рассматривал такие формы западной системы, как государственный сектор в экономике, участие трудящихся в управлении и прибыли, создание институтов социальной защиты населения как «капиталистическую часть общемирового процесса конвергенции». В указаниях на партнерство Запада и Востока можно видеть абсолютный переход за грань социального мессианизма, свойственного и западникам, и славянофилам в прошлом. Вместе с тем Александр Солженицын, признавший перед всем миром, что его Родина – не континент человеческой культуры, а опасно движущийся на нее архипелаг, сделал тот же шаг. Но второй шаг каждого из них был уже иным. Солженицын, не по своей воле живя на Западе, подчеркнул его пороки, Сахаров, не по своей же воле запертый в восточной глуши, больше видел ее зло. Однако от мысли об универсальности человеческой культуры не отказались ни ученый, ни писатель: почитайте, как глубоко схожи их нобелевские лекции.

Андрей Дмитриевич и Александр Исаевич представляют собой два совершенно разных типа мышления, два противоположных темперамента, две раз-

ные биографии, две разные конкретные социальные программы. В монблане венков и лент над гробом Андрея Дмитриевича все дрожала, расплывалась в глазах одна: «Андрею Сахарову – Александр Солженицын с любовью». И видится мне в их споре не первый шаг к самоуничтожению интеллигенции, а наоборот – предвещение всего того же Януса, глаза которого «смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно», «одно сильное безотчетное физиологическое страстное чувство».

Не случайно, в наиболее ярких культурологических разработках сегодняшних социальных программ политический экуменизм и глобальная этика сочетаются с сознанием национальной миссии. Выдающийся советский историк Михаил Гелфер, выдвигая в качестве исторической цели (точнее, наверное, – исторического смысла) «омировление», создание «мира миров», пишет, что по отдельности и западный путь, и восточный в равной мере ведут к уничтожению культуры, «ставят человечество перед перспективой возврата из истории в эволюцию». Признавая, что наше будущее «не мировая коммуна и не сверхдержава, а всего лишь – один из миров в мире», он вместе с тем выдвигает гипотезу, что решающий шаг к «миру миров» должен быть сделан не там, где лучше всего, а там, где хуже всего, то есть у нас, где «ныне фокус всемирной коллизии взаимного отторжения, повсеместной тесноты, вновь вырвавшегося на волю убийства».

Среди тех, кто пишет и говорит сегодня о судьбах нашей страны, мало найдется таких ортодоксальных «западников», которые бы полностью отвергли концепцию ненормальности мира, заряженного термоядом, мира, где по горькой шутке одного демографа, половина людей болеет от переедания, а половина от недоедания. Значительно и число тех, кто готов поверить в процесс «омировления» некогда противостоящих друг другу Западу и Востоку, и даже склонен думать, что нашему Отечеству его трагическая судьба, может быть, и отвела «особую роль» в этом процессе. «Западничество», уже у Герцена бывшее по-своему «славянофильским», еще больше «овосточнилось». А вот о конъюнктурных оппонентах западничества нельзя сказать, что они сделали шаг навстречу. Призыв освободиться от заморского влияния (и его проводника – «малого народа») звучит так самоуверенно, как будто не прожит страшный XX век. Газеты и журналы призывают стороны к диалогу, но диалог не получается. Есть некоторые общие иллюзии, но нет общих чувств. Исчез прежде всего человеческий тип славянофила, доходящего в своей искренности до чудачества. Чаадаев шутил над Аксаковым, который «одевался так национально, что народ на улицах принимал его за персианина». О наших антизападниках этого не скажешь: вполне современные мужчины, проводящие значительную часть времени в отелях проклятого Вавилона. «Наш враг нам изменил», – как говорит персонаж известной французской комедии...

История размыла все понятия, на которых держалась центральная идейная дилемма того недолгого времени, которое Юрий Левада (возвращаясь к началу нашей статьи) назвал «периодом реального существования интеллигенции». Изменились понятия Запада и Востока, прогресса и реакции, рационального и иррационального. Но история оставила и даже углубила самый простой критерий «нормальности» или «ненормальности» мира – уровень жизни большинства населения. А пока этот водораздел остается, «западниками» – пусть примитивно и, конечно, очень относительно – можно назвать всех тех, для кого физическое и духовное здоровье своего народа, в конечном счете, – самое главное.



Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ (Москва)

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Заметки о поэтическом мышлении

Рукопись этой давней статьи, экземпляра то ли третий, то ли четвертый, я неожиданно обнаружил в архиве; не в своем, у меня его просто нет, а в архиве моего ближайшего друга Семена Гутмана, замечательного ученого-кибернетика (не могу удержаться от удовольствия лишний раз произнести его имя). Сам он вот уже скоро три года живет в Чикаго, штат Иллинойс, работает в Медицинском центре, вспоминает свои девять лет отказа (вахтер, дежурный электрик, техник-ремонтник...) и, как когда-то острил Жванецкий, жалеет страшно... Уезжая, он мне весь свой архив оставил, а поскольку мы были с ним не разлей-вода, то там, в этих черных раздутых папках, кроме сотен непонятных мне выкладок, оказались и какие-то мои сочинения, и даже те, о которых я и думать забыл. Среди них были как раз и эти заметки. Я прочел их, в сущности, как чужие, и не то чтобы они мне ужасно понравились, но мне показалось, что все основные идеи, все, так сказать, постулаты данного автора я и сегодня вполне разделяю и значит, имею полное право публиковать под своим именем. Фактически, сколько могу судить, за семнадцать лет изменилось одно: возможности вычислительных машин. (Да еще вот само название "машина", сперва принятое нашим начальством как исконно русское, а теперь безоговорочно замененное иностранным "компьютер"...). В сотни, а то и в тысячи раз увеличилось их быстродействие, появились эвристические и Бог еще знает какие программы, так что в шахматы, к примеру, они стали играть несравнимо лучше. Сути дела это, однако, ничуть не меняет, и не только Каспарова-Карпова-Тиммана, но и экс-чемпиона СССР Бориса Гулько (тоже моего хорошего приятеля, но этот — в Бостоне...) никакой машине сегодня не обыграть. Будем надеяться, что и завтра тоже.

Что же касается смысла статьи, предмета разговора, то он показался мне интересным и важным по-прежнему, а насколько интересен сам разговор — пусть судит читатель.

Ю.Карабчиевский
Москва, 1990

1. Генерал и Гроссмейстер

Генерала обидели, он трясет головой, бьет себя кулаком в грудь и кричит: "Не позволю! Я старый солдат!.."

Достаточно всем знакомая сцена, чтобы можно было, не отвлекаясь, попытаться выделить ее смысл. Почему генерал не кричит: "Я старый генерал"? Подчеркивает свою демократичность? Вовсе нет. Вспоминает молодость, когда он был солдатом? Конечно же, нет. Да он и не был солдатом, а начал службу с младшего лейтенанта. Что еще? Использует обобщенный термин, эквивалентный словам "боец", "воин" и т.п.? Верно, но только отчасти.

Пусть помолчит генерал, дадим слово солдату, пусть скажет, он заслужил. "Я старый солдат", — говорит солдат. — Нет, не годится. Плоско и невыразительно. Ну, а сержант? — Лучше, но все же не первый сорт. Капитан, майор — тепло, тепло; полковник — очень тепло; генерал — горячо, а еще лучше — маршал. "Я старый маршал", — говорит маршал и нам за него становится стыдно: старик

выжил из ума. "Я старый солдат!" – говорит маршал, и, несмотря на всю затертость этой формулы, мы чувствуем, как приближаемся к чему-то такому, что хоть и тесно связано с реальностью, но не тождественно ей – мы приближаемся к о б р а з у.

Художественный образ – что это такое? Можем ли мы сегодня найти позитивное словесное выражение, однозначно соответствующее этому термину? Вряд ли.

"ОБРАЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ", отражение явлений природы, общества, нравственного мира в конкретно-чувственной форме; специфический признак искусства." (Энци. словарь).

Мы не будем пользоваться этим определением. Первая его часть, как будто, не вызывает возражений, хотя мало, что объясняет. Вторая же попросту неверна. "Образ художественный" – не есть специфический признак искусства, это специфический признак человеческого мышления.

Попытки формализовать работу мозга, с таким блеском начатые в сороковых годах, столь заманчивые и продуктивные в пятидесятых, в семидесятых достигли своей критической точки. Оказалось, что мыслительная деятельность не сводится ни к комбинации условных рефлексов, ни к системе логических функций. В процессе мышления существует определенный этап, когда человек не производит логических операций, не перебирает варианты, не вычисляет результат. Этот этап не поддается формализации, а между тем он-то, по-видимому, и является решающим. И обнаруживается, что вычислительные машины, столь универсальные, столь быстродействующие, столь многообещающие – на деле ничего особенного не обещают в таких давно заявленных областях, как распознавание зрительных образов, перевод литературных текстов, игра в шахматы...

С шахматами так просто вышел скандал. Где-где, а уж тут, казалось, все ясно. Игра есть перебор вариантов, машина это делает быстрее человека, следовательно, создание непобедимого механического гроссмейстера – вопрос времени. Уже все великие шахматисты были приговорены к небытию и бесславию, всех их, как зощенковского исполнителя партии треугольника, должна была заменить электрическая машина. Ждали только хорошей программы. И вот что-то не сладились. Что же?

..."В купе скорого поезда гроссмейстер играл в шахматы со случайным спутником..."

Они быстро разыграли северный гамбит, потом все запуталось. Гроссмейстер внимательно глядел на доску, делая мелкие, незначительные ходы. Несколько раз перед его глазами молниями возникали возможные матовые трассы ферзя, но гасил эти вспышки, чуть опуская веки и подчиняясь слабо гудящей внутренней занудливой ноте, похожей на жужжанье комара...

Игра Г.О. поражала и огорчала гроссмейстера. На левом фланге фигуры столпились таким образом, что образовался клубок шарлатанских кабалистических знаков, было похоже на настройку халтурного духового оркестра, желто-серый слежавшийся снег, глухие заборы, цементный завод. Весь левый фланг пропах уборной и хлоркой, кислым запахом казармы, мокрыми тряпками на кухне, а также тянуло из раннего детства касторкой и поносом..."

"...Он ответил гроссмейстеру ходом ферзя, вызвавшим изжогу и минутный приступ головной боли..."

"...Гроссмейстер почувствовал непреодолимое страстное желание захватить поле Н8, ибо оно было полем любви, бугорком любви, над которым висели прозрачные стрекозы..."

"...Черный ферзь в центре каркал, как влюбленная ворона, воронья любовь, кроме того, у соседей скребли ножом оловянную миску..."

Это отрывки из рассказа Василия Аксенова "Победа". Поразительный по точности рассказ. Конечно, трудно утверждать, что в шахматной игре все обстоит именно так. "Именно как" – это как раз и была бы формализация.

Выяснив и сформулировав, как в точности происходит поиск и оценка в шахматах, мы бы решили задачу механического гроссмейстера. Я не берусь это сделать. Но мне кажется, Аксенов очень точно ухватил суть дела, его шуточный рассказ гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Герой рассказа, гроссмейстер, натура тонкая и гармоническая, не раскладывает партию на элементы, он воспринимает ситуацию на шахматной доске как непрерывно изменяющийся художественный образ. Это ни в коем случае не сопровождающий игру фактор, э т о и е с т ь с а м а и г р а; построение образа, охватывающего всю ситуацию в целом — и есть способ мышления профессионального шахматиста. Логической оценке поддается только самый последний, самый элементарный этап, когда ситуация может быть предсказана на несколько ходов вперед. Только этот этап и доступен его партнеру — лобастому верзиле с татуировкой "Г.О." на гигантском кулаке.

"...Если я его так, то он меня так, — думал Г.О. — Если я сниму здесь, то он снимет там, потом я хожу сюда, он отвечает так... Все равно я его добыю, все равно доломаю. Подумаешь, гроссмейстер-блатмейстер, жила у тебя еще тонкая против меня. Знаю я ваши чемпионаты: договариваетесь заранее. Все равно я тебя задавлю, хоть кровь из носа!"

Как видим, партнеру не до образов. Он действует с упорством и постоянством вычислительной машины, хотя и испытывает при этом некоторые простейшие эмоции. Для гроссмейстера же — эстетическая оценка ситуации есть главный критерий, отсюда и эмоциональная насыщенность его игры.

"...Вспоминая море и подражая ему, он начал разбираться в позиции, гармонизировать ее. Логично, как баховская coda наступил мат черным..."

Логично, как баховская coda. Пути этой логики неисповедимы. Победа или поражение суть лишь внешние проявления того, что может произойти. Ц е л ь и г р ы — г а р м о н и я, причем целью ее можно назвать чисто условно, она не стоит неподвижно где-то в конце, а присутствует в каждом моменте игры как некое идеальное ощущение, к которому следует стремиться.

Конечно, В.Аксенов не исследователь, а художник, его рассказ — это как бы разум в разуме, образ в образе, зеркало в зеркале. И мы не станем извлекать из него корень, чтобы выяснить, где же автор, а где герой, где описание происходящего, а где само происходящее. Нам ясно главное: молчаливый гроссмейстер и бодро напевающий Г.О. — это два полюса мировосприятия, две противоположные системы мышления. Для Г.О. мир есть совокупность частных. Дело не в том, что он дурак, он, может быть, и не дурак, просто он слишком последователен. Шахматная партия в его представлении — это цепь логических операций, связанных четкой причинной зависимостью: если я его так, то он меня так. Наверное, вычислительная машина, имеющая хорошую программу, могла бы играть в шахматы, как "самый лучший Г.О." Но играть, как Гроссмейстер, даже самый худший — это ей, видимо, не под силу. Для Гроссмейстера в каждую минуту игры важен о б р а з происходящего, он не замечает и не отмечает многих элементов, его критерии выработаны не столько шахматной теорией, сколько шахматной э с т е т и к о й. Именно эти критерии диктуют на практике наилучшие пути к победе.

Образное мышление, способность к восприятию целого — вот секрет мастерства. И не только в шахматах...

Всякий специалист, деятельность которого связана с определенным объектом, согласится, что так называемое чувство профессионализма пришло к нему в тот момент, когда он начал ощущать образ этого объекта, начал воспринимать его целиком, не составляя как мозаику из отдельных кусков и деталей.

Инженер, долго работающий над каким-либо прибором, воспринимает его неподвижную условную схему как активный живой организм, с определенным характером, в котором есть приятные и неприятные черты. Что-то в схеме радует,

что-то раздражает, и далеко не всегда удается сразу ухватить и сформулировать эти "что-то". Всякая техническая задача есть в конечном счете задача эстетическая, всякое творчество в любой области сводится в конце концов к построению образа.

2. Родители образа

О Дао можно рассуждать, но его нельзя потрогать. Дао можно постигать, но его нельзя видеть.

Чжуан Цзы

Великое Дао древних китайцев, всеобъемлющее и неуловимое Дао — это нечто, что будучи постигаемо, позволяет воспринимать мир целиком, не расчленяя его на части, не располагая во времени в виде цепочки последовательных событий и в пространстве — в виде группы отдаленных предметов. Мне кажется, для европейского ума образное мышление служит отдельным аналогом восточного "освобождения", восприятие образа предмета или явления дает нам возможность, хотя бы в отдельном, локальном районе, "постичь Дао": увидеть мир таким, каков он в действительности, вне привычных условных терминов и ярлыков.

Как нельзя синтезировать живой организм, сложив и расположив должным образом все его элементы, так и никакое живое явление в мире нельзя синтезировать из отдельных понятий. Попробуйте, последовательно перечисляя детали и не ограничивая себя во времени, "сложить" лицо хорошо знакомого вам человека, так чтобы ваш собеседник или читатель мог его себе живо представить. Всякий пишущий знает неразрешимость этой задачи. Лицо человека, пейзаж, интерьер — воспринимаются нами не как совокупность деталей, но исключительно как нерасчленимый и одновременный образ. Согласимся, что внешность Петра Первого, которую мы все себе хорошо представляем, известна нам, в основном, не из детальных описаний с перечислением примет, и даже не из тусклых и статичных портретов современных Петру живописцев, но прежде всего — из нескольких пушкинских строчек, которые мы помним с детства:

*...Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен!
Он весь, как божия гроза!*

Поэтический образ позволяет нам увидеть целое, не синтезируя его из частных. Пресловутый генерал, о котором мы говорили вначале, не может выразить суть дела иначе, как став на мгновение поэтом — подражателем, плагиатором, — и все же поэтом.

Возвращаясь к пушкинскому четверостишию, мы должны заметить прежде всего, что постижение образа ни в коем случае не есть отказ от детали, отказ от попыток получить целое, просуммировав совокупность деталей.

*Ты спросишь, кто велит,
...Чтоб мелкий лист раки
С седых карнатид
Слетал на сырость плит
Осенних госпиталей?
Ты спросишь, кто велит?
— Всесильный бог деталей...*

(Б.Пастернак)

Деталь как раз и есть то окно, через которое нам удается заглянуть в мир образного обобщения. Но поэтическая деталь — вещь особая, она никогда не существует в одиночестве, сама по себе, но всегда имеет партнера.

Будет не лишним еще раз использовать аналогию с живым организмом, чтобы отметить, что поэтический образ не может появиться на свет без двух родителей — сравнения и сравниваемого, определения и определяемого. И можно утверждать со всей ответственностью, что если родители — слишком близкие родственники, на свет скорее всего появится урод. Если же они по своей природе чересчур далеки друг от друга — оплодотворения не происходит, образа нет, как не может быть общего детеныша у кролика и обезьяны. "Будьте осторожны в выборе родителей" — эта присказка может служить правилом для построения поэтического образа.

Разумеется, выбору подлежит только один из "родителей", поскольку второй — сравниваемое, определяемое — есть предмет разговора и, так сказать, задан нам условиями задачи. Точностью этого выбора и определяется точность поэтического языка.

Сказанное позволяет нам с большей строгостью подойти к выражению "генерал — старый солдат", выражению, построенному на исходных понятиях, чересчур сближенных многократным употреблением. Такое сближение, раньше или позже, неизбежно приводит к превращению образа в речевой штамп. Некоторая возможность употребления такой фигуры (в частности, в нашем примере) определяется только заведомо низкими эстетическими требованиями.

Не менее наглядна и, по-видимому, более соответствует существу дела другая аналогия. Речь идет об объемном, стереоскопическом зрении. Целостность, объемность, трехмерность поэтического образа как в случае восприятия зрительной картины, складывается из двух, смещенных друг относительно друга изображений. Одно из них — собственное имя предмета, навечно закрепленный за ним тривиальный термин — определяемое, или "сам предмет". Другое изображение — поэтическое определение в любой форме (эпитет, сравнение, метафора и т.п.).

Известно, что построение стереометрических изображений есть свойство мозга; глаза — лишь инструмент, поставляющий для этого необходимую информацию. Картины, видимые внутренним взором, то есть целиком созданные самим мозгом, также имеют глубину и объем. Естественно, что такой способ видения распространяется и на восприятие менее конкретной, не столь резко очерченной как оптическое изображение, ассоциативной картины, какой является художественный образ. Впрочем, если говорить об очерченности, то разница здесь не так уж принципиальна. Ведь рассматривая любой, самый простой предмет, ну, хотя бы, табуретку, мы никогда не складываем его изображение из отдельных деталей, мы воспринимаем табуретку "вообще". Воссозданный в мозгу зрительный образ вовсе не будет иметь той однозначности и конкретности, какая, казалось бы, свойственна столь простому объекту. Соотношение размеров и конфигураций, форма и цвет пятен, точек, царапин и потертостей будут изменяться во времени и пространстве и зависеть от многих субъективных факторов: от напряженности внимания, от остроты внутреннего зрения, от актуальной потребности в тех или иных деталях, от профессиональных и бытовых навыков и т.п. (Естественно, что столяр будет видеть совершенно иной предмет, нежели "нестоляр". Например, он должен постоянно чувствовать невидимые пазы и шипы, которыми соединены деревянные детали.) Зрительный образ есть в некотором роде уже художественный образ, поскольку он не идентичен объекту. (На этом, по-видимому, основаны зрительные отрасли искусства.)

3. Выбор родителей

В.Г.Белинский в одной из своих знаменитых статей о Пушкине сравнивает его стихотворение "19 октября 1825 года" с близким ему по теме отрывком из стихотворения В.А.Жуковского ("На кончину Ее Величества королевы Виртембергской"). Приведем отрывок из этого отрывка:

Здесь радости — не наше обладанье,
Пролетные пленители земли,
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный страданье;
Ему на часть судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

Белинский отмечает, что это "...более красноречие, чем поэзия. Стих тянется как-то тяжело и однообразно, во всей форме этого стихотворения есть что-то темное и несвободное, и, несмотря на видимую простоту, в нем слишком заметно преобладание метафоры".

Выбранный отрывок, действительно, куда как плох, но следует признать, что и доказательства, приведенные Белинским, — не лучше.

Что это значит, "более красноречие, чем поэзия"? Что есть красноречие, и что есть поэзия? "Что-то темное и несвободное" — что же? И такой ли уж недостаток для стиха — "преобладание метафоры"?

Конечно же, не следует винить Белинского за такую расплывчатость и неточность. Его суждения вполне на уровне современного ему стихотворения. Будем благодарны критику за его вкус, уверенно отличающий поэзию от непоэзии. Но попробуем, все же, взглянуться пристальней в строки Жуковского.

Прежде всего — что за язык! "Здесь радости — не наше обладанье". Перевод с немецкого, сделанный студентом-второгодником. С трудом понимаешь, о чем разговор. Краткость этой строки не есть органически присущее ей свойство, она получилась от того, что строке отрубили руки и ноги. Отглагольное "обладанье" без поясняющих слов немислимо. Множественное число "радости" никак не хочет превращаться в единственное ("обладанье" или "не-обладанье"), а, превратившись — наконец, начинает сильно попахивать родительным падежом (обладанье радости). Тире мало что меняет, оно видится, но не слышится. Дальше — не лучше.

Земли жилец безвыходный страданье.

Надо было бы и тут поставить тире, хоть на бумаге разлучить уродливую пару "безвыходный страданье".

Нет, увольте, какое уж тут "красноречие"! Да и видимой простоты что-то не видно, разве что ее роль выполняет неуклюжесть.

Ну, а вот Пушкин:

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой.

"Каждая мысль, — восклицает Белинский, — сама по себе так исполнена поэзии, независимо от формы, вполне художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всяких метафор!"

Чувства Белинского вполне понятны. И все же он трижды неправ. Мысль "исполнена поэзии" никак не "сама по себе", ничто в стихе не может быть "независимо от формы", и пушкинский стих никак не чужд "всяких метафор".

Какая же это мысль сама по себе исполнена поэзии? Та, что мы приближаемся к смерти? Или что кому-то придется пережить друзей? Конечно же, нет. Все дело именно в форме, от которой никак не может быть независима, с которой всегда неразрывно связана, неразделимо слита — поэтическая мысль.

Хороший стих анализировать неизмеримо труднее, чем плохой, никогда не исчерпать всех достоинств, заключенных хотя бы в одной, подлинно талантливой строке.

Прежде всего, стих Пушкина, действительно, прост, хотя и не чужд метафор. Простота эта — в естественности интонации, в отсутствии насилия над синтаксисом, в свободном расположении слов, которым не тесно, но и не слишком одиноко в строке, в абсолютном чувстве звуковой гармонии. А что до метафор — то как же без них?

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.

Реальное время никогда не движется назад, следовательно, без метафоры мы могли бы приблизиться к концу, в крайнем случае к середине, но никак не к началу.

А это:

Средь новых поколений
Доучный гость и лишний и чужой...

Тоже ведь, вряд ли последний лицеист буквально "пойдет в гости" к новым поколениям. Все это метафоры. Но только хорошие. Они точны, поэтому Белинский их не заметил. А у Жуковского — плохие, неточные, от того и мозолящие глаза. Фактическое положение как раз обратно тому, что говорит Белинский. Именно стих Жуковского как раз и "чужд метафор", а то, что может быть принято за метафору, — всего лишь мертвое словосочетание. Родители образа, который строит Жуковский, — б и о л о г и ч е с к и н е с о в м е с т и м ы и при всем желании не могут ничего породить. Жуковский в этом стихе старается избежать плоскости и банальности, то есть выбора в родители заведомых родственников, но берет при этом слишком большой разгон и проскакивает далеко в сторону, мимо единственно точного определения.

Стереоскопическое изображение может быть получено лишь при точном соблюдении между определением и определяемым *межцентрового расстояния* глаз человека. В приведенном отрывке это расстояние всюду значительно превышено и никакой объемной картины не получается.

"Пролетные пленители земли" так далеки от реального предмета, который они должны определять, что мы, сколько ни вертим головой, не видим никакой взаимосвязи и так до конца и не понимаем толком, о чем идет речь.

"Земли жилец" и "страданье" в данном случае сами по себе неопределенные понятия, да они еще настолько несовместимы друг с другом, что мы только хлопаем глазами да растерянно переставляем от одного к другому этот несчастный эпитет "безвыходный".

Следующая строка "Ему на часть судьбы нас обрекли" столь нелепа грамматически, что просто скучно говорить. Часть — это, по-видимому, участь, а судьбы — это, конечно же, судьбы. (Хотя все равно непонятно, как это можно обречь "ему на участь".) Но при существующей расстановке ударений получается, что "судьбы" — это родительный падеж, а что делает в строке "часть судьбы" остается для нас тайной.

"Радости — обладанье", "жилец — страданье", "блаженство — знакомец", "жизнь — питомец". На таких уродливых парах построен весь отрывок. Увы, их разнополость не только не является залогом плодотворности (что, само по себе, лишний раз убеждает нас в относительности всех сравнений и аналогий), но, наоборот, подчеркивает полное отсутствие точек соприкосновения.

Иное дело у Пушкина. "Несчастный друг", переживший своих товарищей и один празднующий лицейскую годовщину, — это и есть в точности "докучный гость и лишний и чужой". Только точность здесь не означает полного смыслового совмещения, она-то как раз и предполагает наличие необходимого расстояния, которое порождает выпуклую объемную картину. Эта картина есть поэтический образ.

4. Дом-паровоз и ковер-самолет

Итак, в основе поэтического мышления, в словесной основе образа лежит взаимодействие, сопоставление, сравнение. В использовании сравнения заключены огромные возможности познания, но, конечно же, и опасности. Дело в том, что, вообще говоря, сравнить можно все со всем. Часто сравнивают дом с кораблем. Но ведь можно сравнить его и с паровозом. Получив такое сравнение, наша память и наше воображение начинают попытки воспроизвести образ, разыграть его по ассоциативным путям, но тут оказывается, что путей таких или вовсе нет, или они столь длинные и окольные, что, лишь начав движение, мы растрачиваем весь заряд захваченного качества и к концу приходим с пустыми руками. Взаимодействия элементов не получается, сравнение распадается, образа нет.

Хотя формально — пожалуйста: дом и паровоз — твердые, длинные, с окнами, с трубами. Но эти качества имеются еще у бесчисленного количества предметов и для данных двух не являются определяющими, во всяком случае, без дополнительных условий не образуют никаких серьезных ассоциативных связей. Иными словами, реальное расстояние между элементами сравнения значительно превышает межцентровое расстояние глаз.

Речевой штамп типа "генерал — старый солдат" обладает некоторой живостью за счет того, что на сегодняшний день в нем нет еще абсолютного совмещения, и в то же время сохраняется определенная ассоциативная связь. Но существуют другие, не менее употребительные штампы, в которых эта взаимосвязь — только кажущаяся, использование их — совершенно бесплодно, хотя очень часто такие штампы служат подменой подлинной работе воображения, особенно в тех благоприятных случаях, когда умные взрослые имеют дело с глупыми детьми.

"...Не думайте, что волшебство бывает только в сказках. Хорошая сказка только предвосхищает то, что случается на самом деле.

— Это как? — спросил Алеша Попович и потрогал пальцем облупленный нос.

— Очень просто! — быстро сказала Забава. — Было много сказок о ковре-самолете, а теперь люди вправду летают на самолетах.

— Правильно, — снова закивал человек с белой бородой. — А вспомните старую сказку о волшебном яблоке, которое катится по блюдцу и показывает то, что происходит где-то далеко-далеко.

— Телевизор! — догадался Добрыня Никитич и самодовольно заулыбался.

— Тоже правильно... Давайте вспомним еще что-нибудь, — продолжал волшебник. — Ну, вспомнили?

– Вспомнил, – сказал Илья Муромец. – Иванушка скачет на Коньке-Горбунке на Луну – к Месяцу Месяцовичу.

– Космическая ракета! – выпалил Добрыня Никитич, и его толстощекая физиономия расплылась в улыбке.

– А теперь скажите, богатыри, разве все это не волшебство? Ракета, летящая на Луну? Ведь чудеса, правда? И согласитесь, что творить такие чудеса под силу только волшебникам и богатырям! Я ведь уже сказал вам, что у нас никогда не переводились волшебники и богатыри!

– Волшебники – это ученые, – сказал Илья Муромец...”

(Вит. Губарев. "Путешествие на Утреннюю звезду")

Эта благодушная беседа – яркий пример формальной, поверхностной работы ленивого ума. Автор занят настолько привычным делом, настолько спокоен за незыблемость "открываемых" его героями истин, что не останавливается даже перед явной смысловой нелепостью: "на Луну... к Месяцу Месяцовичу".

Конек-Горбунок везет Ивана *на небо*, к Луне, или, что одно и то же, к Месяцу Месяцовичу. Там, на небе, Месяц Месяцович разговаривает с Иваном о том о сем, о царевне-дочери, да о судьбе Чуда-Юда, рыбы-кита. Пусть попробуют осуществить эту "мечту" "волшебники-ученые"!

Тут Иванушка поднялся,
С светлым месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щеки целовал.

Увидеть здесь космическую ракету можно только при полном отсутствии воображения. "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью" – называются такие упражнения.

Разве так проста и линейна связь между сказкой и былью? Разве не абсурдно по сути выражение "осуществить сказку", даже если под сказкой имеется в виду поэтическая мечта?

Конечно, если бы в средневековой русской деревне перед глазами изумленных мужиков появился ковер-самолет – это можно было бы рассматривать как осуществление некоей мечты, но произойти это не могло, потому что мечты вообще не осуществляются. Осуществляются ж е л а н и я. Обывательская фраза "я мечтаю о новом платье" построена на нелепости. Даже если вам никогда не удастся купить новое платье, все равно вы знаете, что п р и н ц и п а л ь н о это осуществимо. Осуществимая же цель может возбуждать желание, но не мечту.

Волей гениального гоголевского воображения Акакий Акакиевич мечтает – действительно, *мечтает* – о новой шинели, но едва став ее обладателем, тут же с ней растает. Это не случайность, это строгая закономерность. Мечты – не сбываются. Разговоры о "сбывшихся сказках" являются следствием двойной аберрации: сказка не есть мечта, а мечта не есть желание.

И конечно же, ученые – не волшебники. Изобретение самолета – закономерное, многими людьми и обстоятельствами подготовленное событие, и лишь формально, принудительно, задним числом можно связать его с народной сказкой – фактом искусства, но никак не научной или технической мысли. Если и есть мечты в сказках и мифах, то мечты о сверхъестественном, о чудесном, а не просто о тех или иных транспортных средствах.

Ковер-самолет не самолет, у него нет двигателя, он волшебный и летает по приказанию. Дело не в том, что у него другой, нежели у самолета, принцип действия, а в том, что у него н е т принципа действия. Он явление иной, нематериальной природы и никогда не может быть осуществлен. Самолет, даже для тех, кто не знает его устройства, – вещь естественная, так же как естественны любые будущие, ожидаемые или неожиданные, изобретения. В сказках же говорится

не вообще о каких-то возможностях, а о возможностях сверхъестественных.

Мужик-мечтатель, сочинивший сказку о ковре-самолете, наверняка желал себе совсем иных материальных удобств. Даже самые смелые его желания вряд ли простирались намного дальше тех благ, с которыми он был знаком лично или понаслышке.

Разумеется, искусство неразрывно связано с нашими повседневными тяготами и нуждами, но, конечно же, гораздо более сложным способом.

В этом смысле очень наглядно выступает разница между сказкой и научной фантастикой. Фантастика, утопия обязательно предполагает хотя бы видимость принципа действия, видимость естественности и закономерности. Закон не сформулирован, но он существует. Или иначе: закон сформулирован, но утеряны, утаены, обойдены молчанием некоторые из звеньев, соединяющих его с сегодняшней наукой.

Гиперболоид инженера Гарина имеет вполне определенный, "заявленный" принцип действия: концентрацию тепловых лучей с помощью гиперболических зеркал. "Наутилус" обладает необыкновенной прочностью за счет вполне закономерного использования еще неоткрытых материалов. Даже машина времени Уэлса имеет какой-то, хоть и не известный нам, "скрываемый" автором, но все же принцип действия. Вольно или невольно, но многие научно-фантастические произведения действительно предвосхитили будущее — этот факт общеизвестен.

В сказках же нет и не может быть принципа действия, там важен не механизм, а результат.

Илья Муромец не пил смесь гормонов и ферментов, пусть даже и фантастических, он выпил несколько кружек обыкновенного меда — и обрел гигантскую силу. Это не фантастика, это сказка.

У нас не должно возникать вопроса, от чего гроб пришелся в пору Святогору-богатырю или от чего появляются на нем железные обручи в тех местах, где ударяет сабля Ильи. Это сказка, заведомая ложь. Сверхъестественность, осуществление невозможного — в крови у нее. Она сама себе ставит условия игры и следует им до тех пор, пока не возникает необходимость в новых условиях, столь же неограниченных в своей сверхъестественности. Сказка — ложь. Урок добрым молодцам, который она содержит, может быть уроком юмора, доброты, справедливости, смелости — чего угодно, только не технологии.

Мы могли бы свести все порождения ума научных фантастов в своеобразное патентное бюро, где так называемая "формула изобретения" для каждого из них звучала бы вполне правдоподобно, в соответствии с общепринятыми международными стандартами.

"Смертоносное оружие дальнего действия с ручной наводкой, отличающееся тем, что в качестве поражающего средства используется тепловой луч, образуемый... и т.д." (Гиперболоид инженера Гарина.)

Сказочные же устройства имеют одну и ту же формулу изобретения и один и тот же принцип действия — чудо.

Все на все похоже — вот первый принцип построения образа. Ничто ни на что не похоже — вот принцип второй.

Что в итоге?

Художественный образ как способ мышления не только в искусстве, что очевидно, но в любой человеческой деятельности — как способ существования. Эстетический критерий — как самый важный, как последний критерий истины. Вот, собственно, все.



ДОСТОЕВСКИЙ В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ

О профетизме Достоевского написано немало работ, однако только сегодня, накануне XXI века, когда человечество как будто бы неудержимо подкатывается к бездне, дар Достоевского раскрывается перед потрясенным исследователем его творений во всей полноте.

Название книги Григория Померанца «Открытость бездне» заставляет вспомнить о предостережении Фридриха Ницше: «Если ты собираешься взглянуть в бездну, будь готов к тому, что бездна посмотрит на тебя». В послесловии к книге Борис Хазанов называет ее собранием эссе и, хотя не все ее главы написаны в этом жанре, эссеистская афористичность мысли Померанца действительно отличает его книгу от углубленной детализации в исследовании Юрия Карякина. Если Юрий Карякин несколько раз на протяжении своей книги разъясняет читателю цель своего исследования, о мотивах обращения Померанца к Достоевскому можно лишь догадываться по самой направленности его изысканий.

Вслед за Вяч. Вс. Ивановым Карякин определяет культуру как способ преодоления смерти, выражающийся «в накоплении, сохранении и постоянной переработке сведений о прошлом». Защита культуры, по Карякину, — это не только возвращение того, что насильственно предано забвению, но и очищение культурных ценностей от фальшивых интерпретаций. Книга Карякина написана более страстно, в ней больше личного, чем в книге Померанца. Померанц более отстранен от объекта исследования, чем Карякин, для которого вчитывание в Достоевского — и средство самоанализа, и сбор материалов для продолжения полемики. Померанц не включает читателя в свой поиск, он сообщает ему истину как результат своих длительных размышлений о Достоевском, о его месте в русской и мировой культуре. Карякин же втягивает в свои поиски читателя и эмоционально, и исследовательски.

Оба автора глубоко убеждены в актуальности Достоевского: как его художественного мира в целом, так и его отдельных откровений. Померанц задается вопросом, перенесет ли Россия свободу. Карякин надеется, что на этот вопрос можно дать положительный ответ: во всяком случае он верит, что приоритет обще-

человеческих ценностей восстановлен в Советском Союзе навсегда.

Пафос книги Карякина — в защите абсолютных ценностей от манипуляций релятивизированной этики. Отбирая цитаты из Достоевского, он особенно часто обращается к таким высказываниям писателя, в которых защищаются истина и абсолютные нравственные категории: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше России»; «Представьте себе, что если бы Лев Толстой, Гончаров оказались бесчестными. Какой соблазн, какой цинизм и как многие соблазнились бы», — слова, как бы адресованные деятелям советской культуры. Этот пафос Достоевского ценен и для Померанца, замечаящего, однако, что Достоевский, ставя выше всего правду Христову, все же не устоял против соблазна отождествления Христа с народом, народа — с государством и тем самым совершил грех католичества. Померанц не без иронии комментирует: «Христос, по Достоевскому, — выше любой истины, любой идеи, но для некоторых идей делается внутренняя оговорка».

Оба автора свободны от догматизма: они исследуют жизнь, историю через Достоевского. Подобно Мейерхольду, разоблачавшему перед зрителем свои приемы, Карякин на протяжении всей книги делится с читателем своими методологическими установками, которым нельзя отказать в привлекательности. Карякин хочет видеть в литературоведе не конферансье, представляющего очередного артиста, а ответственного интерпретатора, так сказать, исполнителя литературного произведения. Он пытается прежде всего понять, что хотел сказать нам великий писатель, а не использовать его тексты для подтверждения каких-то своих убеждений. И хотя Ю. Карякин не упускает ни одной возможности использовать приемы научного исследования (в одном месте он прибегает даже к методам структуристики), наука для него не самоцель: к текстам Достоевского «не чисто филологическая тропка ведет, не потребность «повышать свой культурный уровень», а одна только жизненная, кровная необходимость и даже неизбежность».

В главе «Я вышел из повиновения» Ю. Карякин сообщает о том нравственном перевороте, который произошел в нем благодаря «вслушиванию» в Достоевского. Не один русский читатель книги Карякина вспомнит, что и его высвобождение от навязанных догм было следствием открове-

ния, испытанного после встречи то ли с Толстым, то ли с Бердяевым или с каким-либо иным мыслителем. Именно этим, так сказать, «внеэстетическим» обстоятельством можно объяснить расширение книги Карякина за пределы исследования собственно текстов Достоевского. Под обложкой его книги скрыто две: одна – о Достоевском, другая – о кризисе человечества накануне XXI века. В одной скрупулезно, как бы под филологическим микроскопом рассматриваются самые мелкие детали текстов Достоевского в их глубочайших и подчас скрытых от читателя взаимосвязях. Во второй книге – широкие картины движения человечества к бездне, которую прозрели еще до Достоевского и Ламарк, и Леонардо да Винчи... И святой Иоанн Богослов.

Преклоняясь перед гением Достоевского, ни Померанц, ни Карякин не стали его фанатическими последователями. Оба они в чем-то – и подчас в весьма существенном – с Достоевским не солидаризуются. Так, Карякин считает «Бесов» романом тенденциозным, что, впрочем, не отрицал и сам Достоевский.

Обоих – и Померанца, и Карякина – отталкивают те страницы Достоевского, где они видят страсть ветхозаветных пророков. Померанц при этом более последователен, чем Карякин: он не приемлет ненависти независимо от того, на кого она направлена. Его любимый афоризм: дьявол начинается с пены на губах ангела.

Писатель и его произведение – тема, занимающая обоих исследователей. Померанц приходит к выводу, что романы Достоевского – это воплощение внутреннего мира писателя, его адекватное выражение. Микромир великого художника и мыслителя – проекция макромира, вселенной. Карякин же видит в произведении писателя его недооволенный внутренний мир. Как бы во внутренней полемике с пушкинским «Пока не требует поэта», Карякин утверждает: «Даже «Реквием», даже «Медный всадник», даже «Братья Карамазовы» – это драгоценные, но лишь крохотные частички бесконечного Моцарта, бесконечного Пушкина, бесконечного Достоевского». То есть творение конечно, а творец его бесконечен. Такое представление, думается, – тот этап духовного развития, на котором находится сам исследователь в его движении от культурного к религиозному сознанию, для которого бесконечность – это Бог, живущий в нас любовью и творчеством. Бесконечная мысль творений художника, конечно же, шире его ограниченной природы, ибо его творения в большей степени богодухновенны.

Карякин и Померанц сходятся на том,

что художественный мир Достоевского – это сгусток эпохи. В творчестве Достоевского Померанц прослеживает развитие европейской цивилизации от сентиментального XVIII века до апокалиптического XX. Согласно Померанцу, романы Достоевского – это образ будущего, ставшего настоящим. Карякин в быте людей 60-х гг. прошлого века, изображенном Достоевским, разглядел бытийные муки человечества.

Для обоих исследователей Достоевский – прежде всего художник апокалипсиса, явления всемирно-исторического. Хотя и Карякин, и Померанц говорят о бездне художественного мира Достоевского, иногда кажется, что в представлении Карякина этот мир более уходит в бесконечность, чем в бездну. Бездна загадочна, темна, кошмарна; бесконечность – это, скорее, Бог.

Оба исследователя видят в Достоевском гения, сумевшего в большей мере поставить конечные вопросы, чем ответить на них. Померанц даже перечисляет эти вопросы: «Это вопрос Раскольникова: можно ли смириться с малым процентом жертв прогресса, если в этот процент включить Дуню? Это вопрос Ипполита: можно ли смириться с машиной смерти? Это вопрос Кириллова: если Бога нет, как может человек не стать на его место?» Таких трагических вопросов люди прошедших веков и не ставили, полагая, вероятно, что все как-нибудь обойдется. Оставаясь в рамках гуманистической секуляризованной философии, в пределах которой работает мысль и Карякина, и Померанца, на эти вопросы действительно нет ответа. На них есть метафизический опыт, и он дан в книге, которую воцерковленные христиане считают богодухновенной.

Во второй части книги Ю. Карякин углубляется в размышления о последней черте, перед которой остановилось человечество, и даже храбро задает вопрос, а не перешло ли оно уже эту предельную черту. Начав с уничтожения человека, раскольниковы и верховенские проложили путь к уничтожению человечества. Начав с подчинения природы своим задачам, человек приблизился к уничтожению природы в себе и вокруг себя.

Огорчает, что Карякин несколько недифференцированно относится к самому понятию человечества, как бы не сознавая, что одни общественно-политические системы гонят нас к пропасти более энергично и бесповоротно, чем другие. Все же в XX веке одной из двух наиболее катастрофических систем оказалась та, что создана по чертежам Карла Маркса, на которого частенько ссылается Ю. Карякин, как чуть

ли не на единомышленника Достоевского. Так что прав А.Ципко, заметивший недавно, что ухо старой интеллигенции было лучше приспособлено к улавливанию музыки бесов, чем ухо интеллигенции нынешней: Шалапин, например, в поступи ЧК услышал музыку «Капитала».

Кажется, самый мучительный для Карякина – да разве только для него? – вопрос – это вопрос о возможности безрелигиозной нравственности. Любой ответ на этот вопрос требует мужества мысли и сердца: как сказал один неглупый мыслитель, человечество уверовало в две грандиозные истины: одна – Бог, другая – Бога нет. Если Лев Толстой был безусловным приверженцем первой, то Достоевский, допуская возможность и второй, выбирает для себя несколько странный путь: «Если бы мне сказали, что Христос вне истины, я лучше бы был с Христом, чем с истиной».

Карякин и его герой Достоевский нуждаются в гипотезе Бога. Для Толстого же Бог – не гипотеза, а высшая реальность. Карякин поразительно точно формулирует проблемы Достоевского: «Противоречия Достоевского раскалены так, что в его огне сгорает всякая традиционная вера. Конечно, если совесть от Бога, то атеизм аморален. А как быть, если восстание против Бога происходит во имя совести, во имя человека? Если совесть не принимает никакой теодицеи, то есть никакого оправдания Бога за существующее в мире зло? Значит, высшая реальность и атеизм совместны... В Боге Достоевский сомневался до гробовой крышки, а в совести никогда». Думается, что это наблюдение Ю.Карякина абсолютно точно. Но в этом случае опрокидывается устойчивая традиция русской общественной мысли, согласно которой Достоевский – самый образцовый русский православный художник: христианство решительно отвергает возможность обезбоженной совести и необходимость оправдания Бога. Когда Достоевский говорил, что стоит перед выбором, Христос или истина, он как бы забыл о словах самого Христа: «Я есмь истина».

У другого русского гения, Льва Толстого, такого разделения истины и Христа никогда не было... Скорее Толстого можно упрекнуть в том, что он отделил Бога-сына от Бога-отца. Сомневаясь в бытии Божиим, Достоевский не допускал и мысли, что Христос мог быть не Богочеловеком.

Нет ничего удивительного, что и Померанц, и Карякин уделяют много внимания сопоставлению художественных миров Толстого и Достоевского. Размышляя о различиях Толстого и Достоевского, блестящий аналитик Померанц приходит,

однако, к несколько поверхностному выводу: «Мировоззрение, характер, направление Толстого очень близки Достоевскому, но эмоционально между ними пропасть». В действительности же и между их направлениями если и не непреодолимая, то все же достаточно глубокая пропасть. Для Толстого самое прекрасное – это жизнь, и если его герой так и не разгадывает смысла жизни, он может удовлетвориться (как Левин) несколько туманным его определением и благополучно жить дальше. На призыв Зосимы: «Любите жизнь больше ее смысла» откликаются герои Толстого, а не Достоевского. Мир Достоевского – богооставленный, мир Толстого – Божий мир, в котором многие люди забыли Бога.

Ни один исследователь Достоевского не может пройти мимо проблемы прогресса. И Достоевский, и Толстой (здесь их представления фактически идентичны) выступали против понимания прогресса как поступательного развития человечества. Опираясь на их учение, Померанц отвергает безусловно позитивную трактовку понятия «прогресс». «Прогресс, – замечает он, – не всегда добр, а добро не всегда прогрессивно». То, что прогрессисты называют у Достоевского и Толстого реакционным, было, по остроумному замечанию Померанца, «частью прогресса человеческих знаний».

Карякин сосредоточивает свое внимание на вопросе о соотношении так называемых «прогрессивных» целей и жестких методов. Еще в ранней своей работе о Радищеве и Французской революции, написанной совместно с Плимаком, Карякин подошел к удивительно емкой формуле, которая теперь звучит у него так: «Очевидная неправота средств выявляет скрытую неправоту цели». Для Карякина очень важны скрытые мотивы по-видимому бескорыстных намерений. Он неоднократно обращается к мысли Достоевского: если есть даже тонкий, как волосок, корыстный расчет в идеях самозванных благодетелей человечества, им ни в коем случае нельзя доверять.

Здесь Достоевский и солидарный с ним Карякин стоят на незамутненных христианских позициях. Карякин замечает, что Раскольников абсолютно бескорыстен в смысле погони за «комфортом» (как, заметим, Ленин или Дзержинский), однако он ожесточенно корыстен в своем стремлении попасть в высший разряд (как Ленин в своем стремлении к власти).

Казалось бы, последствия большевистской революции неопровержимо свидетельствуют о том, что цель содержится в самих методах и что провал цели – создание государства справедливости и народ-

ного благосостояния – был запрограммирован уже в зверствах ЧК, в насильственной ликвидации частной собственности. Почему же и сегодня есть люди, которые верят в возможность достигнуть прекрасных целей несправедливыми методами? Опираясь на Достоевского, Карякин открывает закон «искреннего самообмана». Самообман рассматривается им как сложное психологическое явление, преодоление которого возможно на путях и психиатрии, и социальной педагогики, и культуры. Самая большая опасность заключена, по справедливому мнению Карякина, в попытках вывести эту проблему за границы личной ответственности.

Книги Карякина и Померанца, которые писались в условиях внешней несвободы, свидетельствуют о поразительной внутренней свободе обоих ученых. Автор послесловия к книге Григория Померанца поздравляет читателей с таким прекрасным подарком. Прочитавший книгу Юрия Карякина скажет спасибо и за публикацию этого исследования, столь необходимого сегодня, в эпоху провала в России догматического учения и необходимости выработки мировоззрения, способного помочь людям отдалить момент апокалипсиса.

Герман Андреев

ПАМЯТИ ЛЬВА ДРУСКИНА

Наше поколение уходит. Это чувствуешь особенно остро, когда сцену покидают лучшие. В пятницу 26 ноября умер Лев Савельевич Друскин, поэт и мемуарист, наш товарищ по изгнанию.

Люди, сумевшие выразить себя в слове, – избранные судьбы: их душа живет на земле в их произведениях. О Льве Друскине можно сказать, что он был отмечен своей судьбой с детства. Он родился в 1921 году в Петрограде на Песках, в младенчестве перенес заболевание, приковавшее его на всю жизнь к постели, с детства писал стихи. Ему было одиннадцать лет, когда его поэтическое дарование было замечено Маршаком. Во время войны парализованный юноша был вывезен из осажденного Ленинграда, потерял мать – единственного близкого человека – и несколько лет провел в больницах и инвалидных домах.

В послевоенные годы Лев Друскин выпустил в Советском Союзе семь стихотворных сборников. Квартира поэта в шестидесятых-семидесятых годах была одним из заметных очагов интеллектуальной и художественной жизни Ленинграда. Неудивительно, что Друскин стал объектом внимания госбезопасности. В доме появился осведомитель. Во время домашнего обыска грабители отобрали у Льва Друскина его дневник. Вскоре после этого, в декабре 1980 г., его заставили покинуть страну. Поэт и его жена, оба инвалиды, были привезены на аэродром и брошены на произвол судьбы. Случайные попутчики-иностранцы внесли Друскина на руках в самолет. Таково было его прощание с родиной.

С 1981 г. Л.С. Друскин жил в Тюбингене. Власти и общественность старого университетского города, одного из духовных центров Германии, приняли большое участие в судьбе изгнанника и его семьи. Стихотворения Друскина печатались по-русски и в немецких переводах Л. Мюллера и К. Боровского. Важнейшими публикациями 80-х годов стали итоговая книга стихов «У неба на виду» и замечательные мемуары – «Спасенная книга», отрывки из которой печатались в нашем журнале.

«Мы ленивы и нелюбопытны», – говорил Пушкин. Только смерть человека, надежденного редчайшим даром – талантом художника, привлекает к нему внимание соотечественников. Как поэт Лев Друскин продолжает традицию медитативной лирики, восходящую к Боратынскому и Веневитинову. Анализ и компетентная оценка творческого наследия Друскина – дело будущего.

На старинном кладбище в Тюбингене лежат Гёльдерлин и Людвиг Уланд. Теперь неподалеку от них будет покониться прах русского поэта Льва Друскина. ●

Б. Хазанов



ЗНАМЯ

Соотечественники!
Любители российской словесности!

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» – ДЛЯ ВАС!**

Во исполнение нового Закона о печати с августа 1990 года «Знамя» стало российским независимым изданием. Журнал, выходящий не одно десятилетие, обретает новую жизнь. Учредитель его – сама редакция, а это означает, что журнал никогда не будет органом каких-либо политических, профессиональных, групповых организаций и объединений.

«Знамя» выражает лишь общенародные интересы.

Главный редактор «Знамени» – писатель Григорий Бакланов.

Мы приглашаем вас читать наш демократический журнал, подписываться на него, публиковаться в нем.

«Знамя» – это тираж в 1 миллион экземпляров.

«Знамя» – это подписчики из 107 стран.

Читая «Знамя», вы регулярно будете знакомиться с новинками нашей и зарубежной литературы. Наш принцип – в каждом номере новое литературное имя. Стихи, романы, повести, рассказы, эссе, очерки, аналитические статьи, мемуары – наши традиционные жанры.

Где бы вы ни жили, как далеко от России ни находились, журнал «Знамя» позволит вам почувствовать биение общественного пульса страны. Самые злободневные проблемы, самые «проклятые» вопросы быта и бытия, самые жгучие философские, политические и общекультурные дискуссии находят отражение на наших страницах.

Среди авторов журнала – маститые писатели и дерзкая своенравная молодежь. Для нынешних и будущих авторов – нет ни границ, ни цензуры, ни национальных барьеров.

Своеобразие нашей жизни, новые возможности в связи с переходом на рыночные отношения побуждают нас расширять привычный круг деятельности. Мы собираемся издавать книги и ищем партнеров для совместного книгоиздательского дела. Мы публикуем рекламу – к вашим услугам многомиллионная аудитория читателей журнала. Наконец, мы заинтересованы в спонсорах.

Ждем ваши предложения. Журнал аккуратен в переписке со своими читателями, корреспондентами.



Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу,
Я жизнь их не обезопасю,
Но благодатностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине,
К которой дедов труд тяжелый
Подвел высокий вал извне.
Внутри по-райски заживется.
Пусть точит вал морской прилив,
Народ, умеющий бороться,
Всегда заделает прорыв.
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: "Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они".
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Иоганн Вольфганг Гёте, "Фауст" (1831 г.)
Перевод Б.Пастернака

